

Д.М. Магомедов, М.И. Магомедов, П.Б. Шахбанова

**ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ
СЛОЖНЫХ ИМЁН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В АВАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Махачкала 2024

УДК 372.881
ББК 74.268
М12

Ответственный редактор
доктор филологических наук, профессор **М.Р. Багомедов**

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор **И.А. Дибиров**,
кандидат филологических наук, доцент **Х.С. Вакилов**

Д.М. Магомедов, М.И. Магомедов, П.Б. Шахбанова. Особенности образования сложных имён существительных и прилагательных в аварском и русском языках. – Махачкала: ДГУ, 2024. – 183 с.

Книга посвящена исследованию особенностей образования сложных имён существительных и прилагательных в аварском и русском языках.

Сопоставительный анализ словообразовательных моделей с точки зрения их продуктивности-непродуктивности позволяет определить некоторые тенденции пополнения лексики новыми словами сложной структуры, проследить особенности словообразовательного калькирования и создания сложных слов по аналогии в аварском языке.

ISBN 978-5-907837-87-4
DOI

© ДГУ, 2024
© Магомедов Д.М., Магомедов М.И., Шахбанова П.Б., 2024
© Оформление. ИП Тагиев Р.Х., 2024

ВВЕДЕНИЕ

Словообразование в аварском языке изучено недостаточно. Единственной специальной монографической работой, посвящённой словообразованию в аварском языке, является кандидатская диссертация С.З. Алиханова (1994), основная цель которой – описание способов образования различных частей речи. Вопросы словообразования отдельных частей речи рассматриваются в учебной литературе и в нескольких статьях, имеющих косвенное отношение к теме монографии. Морфологическая структура и семантика компонентов сложных именных частей речи (существительных и прилагательных) в аварском языке исследованы не в полном объёме, а в сопоставительном плане с русским языком способы образования сложных именных частей речи и вопросы структурно–семантической характеристики компонентов сложных слов рассматриваются в монографии впервые. Предпринятый нами аспект анализа материала аварского и русского языков позволяет полнее раскрыть некоторые структурно–семантические особенности сложных слов в каждом из сопоставляемых языков.

Актуальность исследования объясняется и тем, что полученные результаты типологического характера могут иметь общетеоретическое значение. В связи с этим нельзя не учитывать тех возможностей, которые предоставляет сопоставительное исследование двух неродственных по происхождению языков для более полного раскрытия специфических особенностей каждого из сопоставляемых языков. При описании языка без обращения к внешнему эталону с богатым опытом исследования ряд специфических признаков описываемого языка может остаться незамеченным исследователями.

Сопоставительную грамматику русского и дагестанских языков, в теоретической и практической необходимости которой не может быть сомнений, невозможно представить без тщательного изучения словообразования в дагестанских языках в сопоставлении с русским языком, ибо словообразование частей речи должно быть органической частью морфологического описания. Кроме того, в ходе сопоставительного исследования можно определить возможности учёта особенностей аварского языка в процессе преподавания русского языка в национальной школе.

Анализ семантических отношений между компонентами

сложных слов позволяет проследить закономерности семантической сочетаемости компонентов и фразеологизации семантики сложных слов.

Сопоставительный анализ образованных на основе различных моделей сложных существительных и прилагательных в аварском и русском языках охватывает как морфологическую структуру составляющих компонентов, так и семантические отношения, реализующиеся между ними. Анализу подвергаются как сами способы образования сложных слов, так и словообразовательные модели, являющиеся результатом реализации этих способов.

Материал исследования был получен из различных толковых и словообразовательных словарей русского языка, аварско-русского, словаря аварского языка (Саидов 1967), русско-аварского (Саидов, Микаилов 1951), орфографического (Микаилов 1989), грамматического словаря русского языка А.А. Зализняка (1977), обратного словаря русского языка (1974), республиканской газеты «Истина» на аварском языке, сборников пословиц и поговорок аварского и русского языков, из произведений художественной литературы, научных работ, посвященных различным актуальным вопросам словообразования в аварском и русском языках.

Цель монографии – сопоставительная характеристика морфологической структуры компонентов сложных слов (существительных и прилагательных) в аварском и русском языках, анализ семантических отношений, реализующихся между этими компонентами при формировании общего значения сложного слова. Следовательно, целью исследования является и семантическая характеристика словообразовательных моделей в аварском языке в сопоставлении с русским.

Основные задачи: описание формально-грамматических особенностей словообразовательных моделей сложных существительных и прилагательных в аварском языке в сопоставлении с русским; определение характера семантических взаимоотношений компонентов сложных именных частей речи в этих языках; выявление специфических для каждого языка особенностей семантико-грамматического характера путём определения межъязыковых сходств и различий; причинное обоснование основных сходств и различий словообразовательных моделей в сопоставляемых языках; анализ семантико-функциональных соответствий между моделями построения сложных существительных и прилагательных при их

формально-грамматических различиях; определение роли русского языка как фактора, влияющего на словообразовательные возможности аварского языка (принцип аналогии, словообразовательное калькирование, заимствование моделей вместе с лексической единицей и т.д.); анализ особенностей окказионального образования и употребления сложных слов в языке художественной литературы, газетно-публицистической речи (газета «Истина»), в произведениях устного народного творчества.

При анализе тех или иных словообразовательных моделей некоторые из перечисленных задач решаются комплексно, ибо морфологическая структура компонентов влияет на их семантические характеристики и, наоборот, определённая семантика находит языковое воплощение в тех или иных формах. Такой комплексный подход неизбежен при контрастивном анализе, потому что важно установить расхождения и схождения тождества, имеющие отношение к формально-грамматическим и семантико-функциональным характеристикам сравниваемых единиц.

Русское языкознание располагает признанными исследованиями в области словообразования. В монографии использован опыт исследования словообразования в современном русском языке в научных работах, имеющих фундаментальный характер и посвященных различным теоретическим и практическим вопросам русского словообразования. Многие поднимаемые в этих работах вопросы имеют общетеоретический характер, поэтому методологической и теоретической опорой для написания монографии послужили труды таких известных лингвистов, как Арутюнова Н.Д., Виноградов В.В., Винокур Г.О., Васильев Л.М., Земская Е.А., Кубрякова Е.С., Левковская К.А., Манучарян Н.С., Милославский Н.Г., Моисеев А.И., Немченко В.Н., Тихонов А.Н., Улуханов И.С., Янко-Триницкая Н.А., и др., исследования по проблемам типологического изучения словообразования в разных языках (В.Г. Гак, О.П. Ермакова, Е.А. Земская, В. Стракова, З.А. Харитончик, и др.).

В качестве теоретических источников использованы также работы по аварскому и другим дагестанским языкам, посвященные как общим, так и частным вопросам словообразования в дагестанских языках (Х.Г. Азаев С.З. Алиханов, Р.И. Гайдаров, А.Г. Гюльмагомедов, Н.С. Джидалаев, Л.Н. Жирков, М.-С.М. Мусаев, Г.И. Мадиева, М.М. Нурмагомедов, Д.С. Саидов, А.У. Урусиллов и др.).

В монографии впервые различные словообразовательные модели сложных существительных и прилагательных в аварском языке подвергаются системному научному описанию во всех возможных аспектах и сопоставляются с соответствующими моделями русского языка. Такое сопоставление дало возможность выявить как типологические общие признаки, в основе которых лежат общие логико-языковые категории, так и акцентировать внимание на расхождениях. В настоящее время исследователи обращают внимание на причинное обоснование расхождений между структурами разносистемных языков. Такая задача по мере возможности решается и в настоящей монографии. В необходимых случаях для сопоставления привлекаются данные других дагестанских языков. В монографии поднимаются вопросы теоретического характера: пути образования сложных слов в диахроническом плане, особенности фразеологизации значений сложных слов, разграничение сложных слов и словосочетаний, механизмы выделения семантических подтипов (разрядов) словообразовательных моделей в сопоставляемых языках и др.

Материал монографии может быть использован при изучении не только семантики и морфологии аварского языка, но и при решении теоретических вопросов словообразования в других родственных дагестанских языках. Результаты же сопоставительного анализа могут представить интерес для сравнительной типологии. Многие вопросы, комплексно решаемые в монографии, имеют принципиальное значение для системы словообразования как аварского, так и русского языков. Определение особенностей формирования словообразовательной семантики сложных слов в двух разных языках имеет важное теоретическое значение, поскольку различия формально-грамматического плана при этом позволяют осуществить сопоставительно-типологический анализ и на материале других дагестанских языков.

Данные исследования могут привлекаться при составлении школьных и вузовских учебных пособий как по аварскому языку, так и по сравнительной типологии русского и дагестанских языков, в процессе подготовки двуязычных, толковых и орфографического словарей аварского языка, в общих и специальных курсах по аварскому языку, при изучении русского словообразования в национальной аудитории. Поскольку в монографии поднимаются проблемы фразеологичности семантики сложных слов, особенностей формиро-

вания общей семантики из значений составляющих компонентов, она может способствовать решению вопросов семасиологии, лексикографии и фразеологии.

Основные методы и приёмы исследования, использованные в монографии, определяются её сопоставительным характером. Сопоставительный метод позволяет не только выявить тождества и различия в словообразовательных моделях сопоставляемых языков, но и определить, более полно описать системные отношения внутри каждого языка. Требование сопоставительного исследования связано с необходимостью учитывать условия и особенности функционирования тех или иных словообразовательных моделей.

В сопоставительных исследованиях следует подчеркнуть методическую роль общих принципов типологического изучения языков, ибо при этом мы имеем дело с целым рядом различительных признаков структурного и семантического порядка. Монография носит описательно–сопоставительный характер. Поскольку полное комплексное сопоставление возможно только после изучения сопоставляемых фактов с одинаковой полнотой, то на первом этапе работы, связанном с собственно аварским языком, анализ материала проводился в синхронно–описательном аспекте.

При непосредственном сопоставлении словообразовательных моделей в аварском и русском языках использованы различные направления сопоставительного исследования: двусторонний анализ на контрастивной основе, односторонний такой подход связан с направлением сопоставлений от исходного (в данном случае – аварского) языка.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. К истории изучения словообразования в аварском языке

Словообразование в аварском языке изучено недостаточно, на что указывают исследователи аварского языка (Мадиева 1980, Алиханов 1994).

В аварском языке, так же, как и в других дагестанских языках, не изучены теоретические проблемы множественности мотивации, фразеологичности семантики производных слов, семантико-словообразовательных связей между производящей и производной основами, словообразовательного значения производного слова, словообразовательного потенциала различных частей речи и т.д.

Одной из первых работ, специально посвящённых вопросам словообразования в аварском языке, следует считать статью Л.И. Жиркова «Словообразование в аварском языке» (1948), в которой указан ряд суффиксов именной деривации. Сведения о словообразовании частей речи даются обычно и в школьных, и вузовских учебниках (Саидов 1964, Мадиева 1965).

В указанной выше работе С.З. Алиханова также отмечается, что не все вопросы словообразования нашли всестороннее и подробное освещение (Алиханов 1994:3). Отсутствие монографических работ, посвящённых словообразованию, затрудняет и сопоставительное исследование аварского и русского языков, имеющее как научное, так и практическое значение.

Первым опытом специального исследования способов словообразования различных частей речи в аварском языке является кандидатская диссертация С.З. Алиханова (1994).

Чтобы полнее представить картину того, что сделано в существующей лингвистической литературе до нашего исследования, ниже мы приводим основные теоретические положения исследователей аварского литературного языка о важнейших вопросах словообразования в аварском литературном языке.

В монографии Г.И. Мадиевой «Морфология аварского языка»

(1980) специальный параграф посвящён словообразованию существительных. В качестве основных способов словообразования существительных она рассматривает основосложение и суффиксацию. Кроме того, пополнение существительных, по её мнению, происходит и путём субстантивации прилагательных и причастий (адъективов). В разделе, посвящённом словообразованию существительных, Г.И. Мадиева поднимает отдельные вопросы теоретического характера. Так, например, делается попытка определения статуса словообразовательного элемента *-чи*, рассматриваемого исследователями аварского языка то в качестве словообразовательного суффикса, то в качестве самостоятельного лексического элемента в составе сложных существительных. Особенность концепции Г.И. Мадиевой заключается в том, что элемент *-чи* ею рассматривается в двух функциях – в функции суффикса и в функции компонента сложного слова – существительного. В этой связи Г.И. Мадиева отмечает: «На наш взгляд, *чи* можно считать словообразовательным суффиксом в том случае, когда мы можем заменить его формообразующими суффиксами, т.е. тогда, когда этот суффикс не имеет лексического значения, как например: *бахIар* «молод» – *бахIар-чи* «молодец, смельчак», мн.ч. *бахIар-зал*; *мискин* «бедно» – *мискин-чи* «бедняк», мн.ч. *мискин-заби* (Мадиева 1980:59). Если отвлечься от такой формулировки (см. «когда этот суффикс не имеет лексического значения» – Р.А.), то суть подхода Г.И. Мадиевой в данном случае заключается в том, что *-чи* может считаться суффиксом существительного ед. числа, когда ему во мн. числе соответствует суффикс мн. числа: *-чи* – *-зал*, *-чи* – *-би* (*гIолохъанчи* «юноша» – *гIолохъаби*).

В то же время, по мнению Г.И. Мадиевой, элемент *-чи* может быть рассмотрен и в качестве компонента (существительного) в сложных существительных в том случае, «когда от него супплетивно можно образовать форму мн. числа *чагIу* «люди» (с.59): *колхозчи* «колхозник» – *колхозчагIу* «колхозники», *захIматчи* «труженик» – *захIматчагIу* «труженики», *хъулухъчи* «служащий» – *хъулухъчагIу* «служащие» и т.д.

На наш взгляд, во втором случае, несмотря на лексический характер элемента *-чи* (мн. *чагIу*), на современном этапе развития аварского языка всё же произошло в определённой степени суффиксирование рассматриваемого компонента, ибо содержательная сторона в этом случае оказалась несколько подавленной семантико-

грамматической функцией.

В разделе «Суффиксальное словообразование» указанной выше монографии Г.И. Мадиевой в одном случае, на наш взгляд, допущена неточность. В качестве суффиксальных образований рассматриваются существительные типа *щакъитIел* «чернильница», *тIалъел* «крышка», *тIорщел* «зерно, урожай» (с. 62). Однако комментарий к словам такого типа, приведённый Г.И. Мадиевой, противоречит их характеристике как суффиксальных образований: «От сложных форм масдара образуются существительные с помощью суффикса *-ел* (с выпадением окончания масдара *-ей*: *щакъи* + *тI* (*ей*) = *щакъитIел* «чернильница»)».

В действительности же, здесь имеем сложение с суффиксацией типа русского «канатоходец» (канат + ход[ить] + ец = канат|о|ходец), ибо нет самостоятельного промежуточного слова «*щакъитIей*».

Непосредственное отношение к теме нашему исследованию имеет другой раздел монографии Г.И. Мадиевой – «Образование имён существительных путём сложения основ» (Мадиева 1980:64), где отмечается, что сложение основ в аварском языке является живым и продуктивным способом образования существительных. В качестве примеров, подтверждающих правильность такого тезиса, автор приводит существительные *гIатIуракъ* «плоскость», «равнина», *цеберагIи* «предисловие», *захIматкъо* «трудодень». Нам в этом случае остаётся сказанное дополнить и уточнить: в двух последних примерах имеем дело со словообразовательными кальками, хотя, действительно, основосложение, помимо калькирования, следует считать достаточно продуктивным способом образования существительных.

Более того, Г.И. Мадиева намекает на некоторую лексикализацию синтаксических комплексов в текстах художественной литературы, фольклора, да и в самом языке. Неустойчивость этих образований в плане их кодификации приводит к тому, что в текстах разных авторов наблюдаются различные орфографические варианты. Это, с одной стороны. С другой же стороны, такого типа разные написания могут считаться, на наш взгляд, дифференцирующими написаниями, призванными различать значения: *Хварав чиясул ракI чIола* «Умершего человека сердце останавливается» (свободное сочетание с компонентами в прямом значении), *Дуца гъаб иш гъабиялда дир-ракIчIола* – «Что ты эту работу сделаешь, я уверен» (Мадиева

1980:64). Во втором случае произошла лексикализация сочетания *ракIчIезе* и полная его фразеологизация, следовательно, семантически указанное сочетание стало адекватным одному слову, чему и соответствует орфографическое (слитное) написание.

Фразеологизация сочетаний указанного характера, приводящая к лексикализации синтаксических комплексов, – довольно продуктивное явление в аварском языке: ср. *нухмалъи* «руководство» (от *нух* «дорога» + *малъи* – масдар от *малъизе* «учить»); *тIадчIей* «упорство, настойчивость» (от *тIад* «сверху» + *чIей* – масдар от *чIезе* «стоять») и т.д.

В связи с этим Г.И. Мадиева отмечает: «Такое колебание в орфографии, передающее часто сложные слова отдельным написанием или в виде соединения через дефис, также, несомненно, свидетельствует о словосложении в аварском языке как о живой категории» (Мадиева 1980:64).

Вместе с тем, Г.И. Мадиева считает «...невозможность проведения точной границы между синтаксическим сочетанием и сложным словом, с одной стороны, и между сложным словом и простым, – с другой стороны» (с. 64). Действительно, разграничение сочетаний слов и сложных слов – проблема весьма серьезная для дагестанских языков. Данный вопрос требует специального рассмотрения по причине его сложности и неоднозначного понимания исследователями дагестанских (в том числе и аварского) языков.

Г.И. Мадиева выделяет 4 типа сложения, в результате которых образуются сложные существительные: а) сложение двух самостоятельных слов: *оцIхIутI* «навозный жук» (*оц* «бык» + *хIутI* «червь, тля»). При этом отмечается, что компоненты при образовании сложного существительного теряют прямой смысл (с. 64) и становятся обозначением единого целостного понятия. Относительно фразеологизации значения таких слов в абсолютном смысле можно, конечно, и дискутировать, ибо встречаются слова с такой моделью, но компоненты которых сохраняют прямое значение, поэтому достаточно прозрачна и семантика всего сложного слова, т.е. общее значение сложного существительного складывается из суммы значений составляющих частей. В этом случае имеем дело со сложными существительными с нефразеологической семантикой (см. об этом в соответствующей главе); б) переход словосочетаний в сложные слова, когда словосочетания (образованные таким образом сложные слова – Р.А.)

выполняют функцию определения к другому слову в предложении, «выступая как прилагательные» (в функции прилагательного – Р.А.), обозначающие признак или свойство данного предмета: *КъилимезГералъу лборхалъи* «Седлогоры высота». В действительности слова типа *къилимезГер*, в которых объединяются самостоятельные существительные (*къили* «седло» + *мезГер* «гора – седлообразная гора»), могут быть отнесены в качестве подгруппы к первому типу. Другое дело – пример *бидурихъ* «кровеносный сосуд», где на стыке морфем происходит усечение первого компонента: *бидул* р.п. от *би* «кровь» + *рихъ* «сосуд» = *биду* (л)*рихъ*. Анализируя подобные примеры в группе в), Г.И.Мадиева в качестве критерия сложности такого типа слов рассматривает «фонетические изменения, происходящие при их образовании» (с.65). Речь же на самом деле идёт о морфонологических явлениях словообразования, которые в принципе могут носить и фонетический характер. Т.е. речь идёт о словах типа *мазГурукъ* «место, где оплакивают покойника» (из: *мазГул* – р.п. от *мазГу* «слёзы», «плач» + *рукъ* «комната», «дом»), *цЛороберал* «очки» (из: *цЛорол* – р.п. от *цЛер* «стекло» + *берал* «глаза»). Как видно из приведённых примеров, в этой группе слов также может происходить наращение смысла, фразеологизация значения. Выделяются в отдельную группу г) сложные существительные, один из компонентов которых вне сложного образования самостоятельно не употребляется, первая же часть при этом представляет собой а) усечённую основу масдара: *бичча* (й)-*бихъай* «несобранность», «упущение из виду чего-либо» (второе значение дано по Мадиевой 1980) или б) полную форму масдара: *къвагъиГанхъи* «перестрелка», «стрельба» (где *къвагъи* «стрельба, пальба») и др.

С точки зрения морфологической характеристики составляющих компонентов Г.И. Мадиева выделяет пять типов сложных существительных. К первому типу отнесены сложные существительные, образованные соединением существительных в именительном падеже: *вараниГинчI* «страус» (*варани* «верблюд» + *хIинчI* «птица»). Поскольку к выделенным типам особые семантические комментарии не даются, то мы в данном случае ограничиваемся перечислением моделей. Почему-то в указанную модель Г.И. Мадиева включила подгруппу сложных существительных, образованных соединением именительного падежа существительного с наречным компонентом: *чехъквеш* «обжора» (*чехъ* «живот» + *квеш* «плохо»).

Вызывает конкретные возражения и включение в модель «И.п. сущ. + И.п. сущ.» и других некоторых подгрупп: сущ в и.п. + масдар: *керенсвери* «телогрейка» (*керен* «грудь» + *свери* «кручение, заворачивание»); сущ. в и.п. + усеч. форма масдара: *тIурччибухI* «угольщик» (*тIурччи* «уголь» + *бухI* – усечённая форма масдара); сущ. в р.п. + сущ. в и.п.: *цIадалхIама* «улитка» (*цIадал* – р.п. от *цIад* «дождь» + *хIама* «осёл», *лъарахIинчI* «синица» (*лъара* – усечённая форма р.п. *лъарал* от *лъар* «речка» + *хIинчI* «птичка»); сущ. в и.п. мн.ч. + усечённая форма масдара; *гIучIалтIам* «настенный ящичек для вилок, ложек» (в действительности же, второй компонент вряд ли можно назвать масдаром, см. об этом ниже, в соответствующем разделе второй главы). Следует считать неверным и включение в первый тип и подгруппы сложных существительных, образованных сложением формы местного падежа первой серии с формой существительного в именительном падеже или масдара (или его основы): *бакъдебусс* «подсолнечник» (*бакъде* «к солнцу» + *бусс* от глагола *буссине* «повернуться, поворачиваться»).

В эту же группу Г.И. Мадиева включает слово *квердахел* «перчатка» (от *кверда* «на руку» + *хел* от *хезе* «надевать»); способ образования, на наш взгляд, можно охарактеризовать как сложение с суффиксацией).

Во второй тип Г.И. Мадиевой включаются существительные, состоящие из основы числительного и существительного (с. 67): *ункъбокIон* «четырёхугольник» (*ункъ* «четыре» + *бокIон* «угол»).

К третьему типу отнесены сложные существительные, образованные сложением причастий и существительных в и.п. ед.ч.: *цIу-рачед* «пирог с начинкой» (*цIураб* «полный, начинённый» + *чед* «хлеб»)

Четвёртый тип, по мнению Г.И. Мадиевой, формируют сложные существительные, образованные сложением усечённых форм прилагательных (отсекается классно-числовой показатель прилагательного) и форм и.п. существительных: *бецаруз* «сова, филин» (*бецаб* «слепой» и *руз* «сова», *багIаргъоло* «фасоль» (*багIараб* «красный» + *гъоло* «горох») и т.д. В принципе можно было бы объединить третий и четвёртый типы в качестве разновидностей однотипной модели – «адъектив + сущ. в и.п.».

И, наконец, к пятому типу Г.И. Мадиева относит сложные существительные, образованные соединением наречий с формами

других частей речи: *цеберагIи* «предисловие» (*цебе* «впереди» + *рагIи* «слово»), *цебебигь* «передник» (*цебе* «впереди» + *бигь* – основа масдара от *бигьIизе* «раскрыть», «надевать»).

В качестве непродуктивных структур указаны сложные существительные, образованные соединением а) деепричастий и существительных: *хьухъанчед* «блин» (*хьухъан* – деепр. от *хьухъазе* «пилить» + *чед* «хлеб»); б) деепричастий и основ масдара: *бухIунхутI* «окурок» (*бухIун* – деепр. от *бухIуизе* «гореть» + *хутI*¹ от *хутIуизе* «остаться»).

К сложным существительным Г.И. Мадиева относит и слова-повторы (с. 68) типа: *эбел-эмен* «родители» (*эбел* «мать» + *эмен* «отец»), *гIанкIу-хIелеко* «домашняя птица» (*гIанкIу* «курица» + *хIелеко* «петух»), *зулму-хIал* «насилие; гнёт» (*зулму* «гнёт» + *хIал* «насилие») и др.

Образование сложных прилагательных в аварском языке Г.И. Мадиева считает одним из древнейших способов словообразования. Основные модели словообразования сложных прилагательных сводятся к следующим структурам:

1). Сущ. + прилаг: *гIазухъахIаб* (*гIазу* + *хъахIаб*) «белый как снег»; 2) сущ. в р.п. + прилагательное: *гьацIулкьераб* «цвета мёда», *тIулалкьераб* «цвета печени» = «коричневый» (таким способом образуются цветообозначения, оттенки цветов, поэтому в качестве второго компонента выступает прилагательное *кьераб*, образованное от существительного *кьер* «цвет» и вне сложного прилагательного не употребляющееся); 3) краткая форма прилаг. + полное прилагательное: *бецIгIурччинаб* «тёмно-зелёный»; 4) числительное + прилагат.: *ункъбокIонаб* «четырёхугольный», *щутIалаяб* «пятиэтажный»; 5) кратк. прилаг + причастие *ккараб* «ставший»: *багIарккараб* «красноватый», *гьуинккараб* «сладковатый» (прилагательные такого типа обозначают неполный признак); 6) сущ. в и.п. + прилаг *махIаб* и *хIалаб*: *цимахIав* «подобный медведю», *гьурихIалаб* «где много ветра». Парно-повторные прилагательные типа *кIуди-кIудияб* «больших размеров», *кьер-кьераб* «разноцветные», которые по мнению Г.И. Мадиевой, имеют усилительные значения.

Специальный раздел «Сложные слова» посвящён моделям

¹ В действительности формы типа *хутI*, *бигь* и т.д. не являются основами масдара: о статусе таких образований см. в соответствующем разделе монографии.

образования сложных слов различных частей речи и в учебнике М. Абдуллаева и Я. Сулейманова «Аварский литературный язык» для педагогического училища (1965:43-47). Как и в монографии Г.И. Мадиевой, здесь лишь перечисляются структурные модели без их анализа с точки зрения формирования семантики сложного слова, морфологических явлений и т.д. Нет необходимости, на наш взгляд, перечислять все приведённые в указанном учебнике модели основосложения, ибо ряд моделей у Г.И. Мадиевой и в анализируемом учебнике совпадает. Нам представляется целесообразным показать те модели, которые не выделяются в монографии Г.И. Мадиевой, т.е. подчеркнуть несовпадающие моменты:

1. В качестве сложных существительных в указанном учебнике приводятся структуры, компоненты которых обычно пишутся раздельно: *шагъра нух* «шоссе», «трасса» (букв. *шагъра* «широкая дорога, шоссе» + *нух* «дорога»), *Сулахъ гIор* «река Сулак» (на наш взгляд, здесь имеем дело с приложением типа Москва–река).

2. В случаях типа *гIиялвехъ* «чабан» первый компонент *гIиял* Г.И. Мадиева характеризует как форму мн. числа, а в учебнике для педучилища данная форма представляла как форма родительного падежа, что также представляется верным, исходя из семантики сложного существительного (*гIиял* «овец» + *вехъ* «пастух»).

3. В модели типа *кIаркъенбагIар* «краснощёкая», *куцквеш* «безобразной внешности» вторые компоненты в данном учебнике признаются в качестве кратких прилагательных, а не наречий, как это дано Г.И. Мадиевой. Мы, скорее, склонны согласиться с таким мнением, ибо в семантическом плане больше логики именно в такой интерпретации: ср. *куцквеш* (-*куц* «вид, внешность» + *квеш|ав* [у которого] «безобразный (ая)»), *кIаркъенбагIар* = *кIаркъен* «щека» + *багIараб* [у которой] красная» и т.д.

4. В качестве одной из моделей выделяется структура: форма местного падежа 1 серии + глагольный корень (по сути дела в качестве второго компонента семантически выступает усечённая до глагольного корня форма причастия – Р.А.): *бодасур* (из: *бода* + *сура-рав*), *квердабах* (из: *кверда* + *бахунеб*) и т.д.

5. Неточно комментируется модель типа *щакъитIел* «чернильница» (см. выше анализ моделей Г.И. Мадиевой). Авторы учебника сложные существительные такого типа характеризуют как образованные сложением существительных в им. падеже с существитель-

ными, образованными от отлагольного имени (Абдуллаев, Сулейманов 1965: 44-45). Однако, как указывалось выше, речь идёт о сложении с суффиксацией (см. об этом в первой главе).

6. В анализируемом учебнике выделена модель, о которой в монографии Г.И. Мадиевой ничего не сказано. Модель непродуктивная: корневая часть числительного + основа (корень) глагола: *кIурекI* (*кIи* «два» + *рекI* от *рекIизе* «сесть верхом»).

7. Из не выделенных Г.И. Мадиевой моделей следует обратить внимание на следующие структуры: а) глагольное имя (масдар – Р.А.) + имя существительное в и.п.: *рахчирукъ* (*рахчи* – масдар от *рахчизе* «прятаться» + *рукъ* «дом»); б) наречие (ограниченное количество со значением «впереди», «сзади») + имя существительное, образованное от масдара: *хадубъел* «послелог» (*хадуб* «после» + *лъел* – от *лъезе* «ставить»). Модель комментируется авторами учебника неточно (см. об этом в первой главе); в) форма местного падежа сущ. со значением нахождения внутри + корневая часть числительных: *къолониункъ* (значение не объясняется); г) форма местного падежа со значением удаления из + имя сущ. в и.п.: *цIоросароль* «кукуруза» (*цIороса* + *роль* «пшеница»). Для сложных прилагательных, помимо тех моделей, которые указаны в монографии Г.И. Мадиевой, здесь приводятся структуры: деепричастие + адъектив (прилагательное или причастие: *чIванкъотIараб* «определённый, конкретный», *цIанбитIараб* «прямой»).

Специальный раздел «Сложные слова» посвящён структуре сложных слов и в работе Г. Казиева «Лексика аварского языка» (Казиев 1969:68-82). Здесь отмечается неизученность многих вопросов словообразования аварского языка и отсутствие чётких критериев, при помощи которых можно было бы разграничивать сложные слова от тех структур, которые по тем или иным причинам нельзя считать сложными. Г.Казиев отмечает, что у разных авторов учебных пособий по аварскому языку разные принципы выделения и описания сложных слов – их моделей (способов образования), семантики, роли в языке и орфографии (Казиев 1969:69). В качестве одного из критериев сложного слова, в отличие от сочетания слов, Г. Казиев считает выражение единого значения, обозначение одного предмета. И в то же время отмечаются случаи разнобоя в орфографии, когда компоненты словосочетания пишутся слитно, а компоненты сложного слова, напротив, пишутся раздельно, что противоречит логике.

С точки зрения основной семантической роли составляющих компонентов Г. Казиев сложные слова делит на три группы: а) сложные слова, где основной смысл заключён во втором компоненте: *захІматкъо* «трудодень», б) сложные слова, где главное вещественное содержание выражается первым компонентом: *кІаркъенбагІар* «краснощёкая» (букв. «щёки [у которой] красные»), в) сложные слова, где трудно определить, какой компонент является главным в семантическом отношении: *ражипер* «чеснок», *эбел-эмен* «родители» (*эбел* «мать» + *эмен* «отец»).

В отличие от других исследователей аварского языка, которые анализировали словообразовательные процессы главным образом в учебных целях, Г. Казиев в указанной выше работе делает попытку описать морфонологические явления, изменения, происходящие при сложении основ:

1. Усечение форманта родительного падежа первого компонента: *бидул* + *рихь* = *бидурихь* «кровеносный сосуд».

2. Усечение причастия в качестве второго компонента сложного существительного: *габур* + *бухьунеб* = *габурбухь* «шарф».

3. Опущение одного из одинаковых согласных на стыке морфем: *беццаб* + *бакь* = *беццабакь* «слепая кишка» (в действительности же, на наш взгляд, здесь происходит наложение морфов: об этом см. ниже).

4. Усечение полной формы числительного в качестве первого компонента сложного существительного (усекается элемент *-го*): *ичІго* + *гохІ* = *ичІгохІ*.

5. Усечение классно-числового показателя первого компонента-причастия: *биаранах* «топлёное молоко» (из: *биараб* + *нах*), *цІурачед* «пирог с начинкой» (из: *цІураб* + *чед*). Среди моделей сложных прилагательных Г. Казиев выделяет следующие структуры: 1. Существительное + полное прилагательное: *билбагІараб* «ярко-красный», *лахІчІегІераб* «сильно чёрный» (букв. «как сажа чёрный», *ххергІурччинаб* «зелёный» (букв. «зелёный как трава»); 2. Краткое прилагательное + полное: *канчІбагІараб* «ярко-красный», *бецІбагІараб* «тёмно-красный», *бецІгІурччинаб* «тёмно-зелёный»; 3. Числительное + полное прилагательное: *цогъатаб* «однослойный», *кІигъумераб* «двуличный» (прилагательные *гъатаб* и *гъумераб* вне сложных образований автономно не употребляются).

Словообразованию в аварском языке посвящена кандидатская

диссертация С.З. Алиханова (1994). Основной целью её, как отмечает автор, является описание всех способов образования имён существительных, глаголов, прилагательных и наречий, семантическая и структурная характеристика сложных слов и т.д. (Алиханов 1994:3). Однако полная семантико–структурная характеристика моделей сложных слов и анализ морфонологических явлений в монографии, посвящённой словообразованию практически всех частей речи, невозможен. Вместе с тем многие вопросы, связанные с образованием сложных слов в аварском литературном языке и освещённые в диссертации С.З. Алиханова, заслуживают серьёзного внимания.

Относительно словообразовательного элемента -чи, о котором говорилось выше, С.З. Алиханов придерживается следующего мнения. В аварском языке имеет место исконно аварское слово *чи* «человек».

Наряду с исконным *чи* присутствует и заимствованный из кумыкского языка словообразовательный суффикс -чи, но «они настолько контаминировались, что для доказательства присутствия кумыкского -чи в аварском языке и определения его места в системе аварского словообразования требуется подробный анализ случаев употребления *чи* в языке» (Алиханов 1994:8). Заимствованный из кумыкского языка словообразовательный суффикс -чи в системе аварского словообразования, по мнению С.З. Алиханова, оказался рядом с исконно аварским существительным *чи* «человек», «мужчина», выполнявшим функции, идентичные функциям тюркского суффикса. «Причём, заимствованные кумыкизмы с -чи и новообразования с этим суффиксом совпадали по структуре и по значению или были очень близки к исконно аварским формам с *чи* «человек», «мужчина» (Алиханов 1994:9).

С.З. Алиханов считает, что в результате этого на стыке аварско–кумыкских языковых контактов в аварском языке возник гибридный по своему генезису способ словообразования (с. 10).

В диссертации С.З. Алиханова рассматривается словосложение в именах существительных (с. 10). Он соглашается с мнением исследователей о том, что исходный материал для образования сложных слов – словосочетания разных типов и что «переход простого словосочетания в сложное слово является историческим процессом, связанным с нейтрализацией основных значений компонентов и выработкой на их базе качественно нового значения – понятия». Вместе

с тем отмечается факт параллельного функционирования в аварском языке сложных существительных и аналогичных синтаксических сочетаний (об этом говорилось выше). С.З. Алиханов возражает против тех исследователей аварского языка, которые не связывают образование сложных слов со словосочетаниями, считают, что они возникли в результате механического слияния двух самостоятельных слов». В результате он делит сложные существительные на а) образованные от подчинительных словосочетаний и б) образованные от сочинительных словосочетаний.

Внутри выделенных таким образом двух типов (принципов) образования сложных существительных С.З. Алиханов описывает их структурно-грамматические (морфологические) модели.

Особенностью подхода С.З. Алиханова является то, что исторический процесс словообразования сложных существительных он пытается обосновать на основе семантических отношений между компонентами, что имеет определённый смысл, по нашему мнению. Так, если отдельные исследователи аварского языка склонны видеть в образованиях типа *цIарагI* «посуда» соединение двух форм номинатива, то С.З. Алиханов между компонентами видит подчинительно-определятельный характер отношений: *цIарагI-цIадул* – р.п. от *цIа* «огонь» + *рагI* «посуда», *гIачивехь* «пастух» = *гIачиязул* – р.п. от *гIачи* «скот» + *вехь* «чабан, пастух».

Более точная морфологическая характеристика составляющих компонентов сложных существительных даёт возможность С.З. Алиханову увидеть явления морфонологического характера и точнее характеризовать способ словообразования. Так, в отличие от указанных выше работ, у С.З. Алиханова модели типа а) *квербацIцI* «носовой платок», *махIбач* «охотничья собака» и б) *аницIхалат* «мечтатель», *махIквеш* «ромашка» характеризуются как сложение с нулевой аффиксацией (безаффиксное оформление вторых компонентов, их деаффиксация): происходит усечение аффиксов прилагательных *-а* (б) и причастий *-ун-е* (б), *-ул-е* (б).

В целом описание моделей словообразования сложных существительных в аварском литературном языке у С.З. Алиханова отмечается остоятельностью и аргументированностью.

Что касается сложных прилагательных, то, по мнению С.З. Алиханова, общей особенностью сложного прилагательного является то, что названный в нём предмет не связан никакими отношениями,

кроме отношений внешнего сходства, с определяющим предметом и выступает как идеальный представитель признака, выраженного прилагательным: например: *лахIчIегIераб* «чёрный как сажа», *кантIогъи-лаб* «жёлтый как луна», *цIуIохъахIаб* «белый как молозиво» (с. 21).

В «Кратком грамматическом очерке аварского языка», приложенном к аварско-русскому словарю (Саидов 1967:724, 725, 751), даются сведения о словосложении именных частей речи – существительных и прилагательных. Модели словосложения в основном характеризуются с точки зрения морфологических характеристик составляющих компонентов, а не семантико-грамматических отношений между ними. В основном характеристики моделей такие же, как и в проанализированных выше работах. В разделе, посвящённом прилагательному как части речи, выделяются так называемые прилагательные усиленного значения: «Для выражения усиленного качества или для выражения разнообразия (но вне степеней сравнения) служит усечённая форма прилагательного с последующей её же полной формой» (Саидов 1967:750): *кIуди-кIудиял ишал* «очень большие дела», *цIи-цIиял завадал* «новыеразличные заводы», *гIеме-гIемерал сура-тал* «много разных рисунков». Другие частные вопросы словообразования в аварском языке, поднимаемые в отдельных статьях (Саидов 1985, Нурмагомедов 1986, Исаева 1986, Гасанова 1986, Магомедбекова 1990), не имеют непосредственного отношения к теме нашей монографии, поэтому не видим необходимости в настоящем обзоре обращаться к ним, хотя в этих статьях содержатся интересные сведения по разным вопросам словообразования частей речи в аварском языке.

Вопросы словообразования в дагестанских языках и в том числе проблемы словосложения рассматриваются в работах А.Г. Гюльмагомедова (Гюльмагомедов 1996). Автор обращает внимание на фразовый (синтаксический) характер ряда образований, рассматриваемых некоторыми исследователями в качестве сложных слов.

Не сомневаясь в высказывании Ш. Балли относительно того, что словосочетания могут представлять различную степень спаянности компонентов, на наш взгляд, всё же вряд ли стоит торопиться называть словосочетаниями единицы типа *макъара-оърватIи* «черепаха» (букв. «скорлупа-лягушка»), на которые указывал в своё время С.М. Хайдаков.

Статья А.Г. Гюльмагомедова интересна и важна проблемностью поставленных вопросов, неоднозначностью их решения как в

теоретическом, так и практическом (например, орфографическом) планах. В этой связи показательно следующее высказывание автора статьи: «Выделение из состава словообразования фразообразовательного аспекта и признание двух самостоятельных разделов – словообразования и фразообразования – не механический акт, а настоятельная необходимость, ибо единицы, образующие слова и фразеологизмы, отношения между компонентами слов (основами и морфемами) и фразеологизмов (словами) в структуре целого, сам процесс образования слов и фразеологизмов не тождественны, а имеют принципиальные различия между собой» (Гюльмагомедов 1996:16). В статье подчёркивается мысль о том, что фразообразовательный аспект лингвистики для дагестанских языков обладает такой же (если не большей) значимостью, как и словообразовательный, ибо в дагестанских языках словообразовательная недостаточность (по сравнению с языками флективного типа) возмещается фразообразованием (там же, с. 17). В плане поставленных проблем А.Г. Гюльмагомедов считает, что ряд типов так называемых сложных слов в дагестанских языках должен стать объектом изучения фразообразования: *гъалбацI* «лев» (букв. «грива-волк»), *цIурачед* «пирог с начинкой» (из *цIураб* «наполненный» + *чед* «хлеб»), *чехьквеш* «обжора» (из: *чехь* «живот» + *квешаб* «плохой»), *глазухъахIаб* «белоснежный», *тIулакъераб* «коричневый» (из: *тIулал* «печени» + *къераб* = связанное прилагательное от *къер* «цвет») и т.д. Многие модели, признаваемые в качестве сложных слов в аварском языке, А.Г. Гюльмагомедов предлагает рассматривать в качестве объектов фразообразования. Вопрос, естественно, не простой и небесспорный, но факт, что в дагестанском языкознании словообразование требует специального и глубокого изучения и придания ему соответствующего статуса.

1.2. Теоретические основы исследования в аспекте сопоставительного изучения словообразования в аварском и русском языках

В связи с тем, что настоящая монография посвящена сопоставительной характеристике словообразовательных моделей в аварском и русском языках, следует сделать обзор ряда работ, в которых поднимаются вопросы сопоставительно–типологического исследования

языков. Такой обзор важен в связи с тем, что сопоставительное изучение дагестанских и русского языков не стало еще традицией, хотя работы такого характера имеются. Необходимость сопоставительного изучения словообразования языков различных систем очевидна в связи с тем, что результаты таких исследований имеют как теоретическое, так и практическое значение.

В книге профессора А.Г. Гюльмагомедова «Сопоставительное языкознание в очерках и извлечениях» (1991) излагаются основы теории и истории сопоставительного исследования языков. В книгу включены извлечения из работ известных отечественных и зарубежных ученых, в том числе по вопросам сопоставительного исследования словообразования.

Словообразовательному уровню сопоставительного исследования языков посвящены труды Р.С. Манучаряна, В.С. Страковой, З.А. Харитончик. В этих работах анализируются различные аспекты и вопросы сопоставительно–типологического изучения словообразования, намечаются пути сопоставительного анализа словообразовательных систем (Гюльмагомедов 1991, 112-128).

В работе Р.С. Манучарян «Аспекты и вопросы сопоставительно-типологического изучения словообразования» (Манучарян 1987, 53-58). Р. Отмечается, что современная лингвистика создает предпосылки для построения общей типологии разных подсистем языка, в частности подсистем словообразования. Отмечая тот факт, что словообразовательная подсистема является менее системной, чем грамматическая, потому и менее изученной, Р.С. Манучарян считает необходимым установить межъязыковые эквиваленты словообразовательных моделей различных уровней абстракции.

Он же отмечает, что сопоставительное исследование языков неродственных по происхождению требует (по сравнению с изучением родственных языков) других подходов. Так, например, при сопоставительном исследовании словообразования неродственных языков исходной и основной единицей сопоставления не может быть словообразовательный тип, характеризующийся материальной определенностью. Одним из возможных аспектов сопоставления Р.С. Манучарян считает сравнение словообразовательных значений в разных языках и средств их выражения, что в конечном итоге является обнаружением и сравнением словообразовательных категорий. В отличие от словообразовательного типа, словообразовательная категория, по его

мнению, может служить единицей сопоставления не только родственных языков, поэтому может являться в этом смысле более универсальной единицей языка. Словообразовательную категорию Р.С. Магучарян понимает как единство словообразовательного значения и системы средств его выражения (с. 115).

По мнению Р.С. Магучарян, типология словообразовательных категорий должна разрабатываться с учетом словообразовательных единиц промежуточного характера, таких, как аффиксоиды и деривационные слова – морфемы (в составе аналитических слов).

Словообразовательные категории разных языков, как считает Р.С. Манучарян, можно изучить по соотношению частеречной характеристики производных и производящих, по характеру семантического соотношения между производными и производящими. В более общем виде можно сопоставить набор, парадигматические отношения и удельный вес словообразовательных категорий в рамках отглагольных, отсубстантивных, отадективных производных, но это уже обращение к более сложной единице сопоставительно–типологического анализа словообразовательно-семантической парадигме, которое определяется Р.С. Манучаряном как комплекс словообразовательных категорий (с. 117).

Частными задачами сопоставительного изучения словообразования, отмечает Р.С. Манучарян, могут считаться выяснение того, имеется ли набор универсальных словообразовательных значений, существуют ли специфические для отдельных языков словообразовательные значения, в каких частях речи они в большей степени обнаруживаются т.д.

В работе В.Страковой «Модель сопоставительного анализа словообразовательной системы» (Гюльмагомедов 1991, 118, а также: Стракова 1987, 94-99) подчёркивается, что нельзя проводить сопоставление разных языков без установления в них взаимоотношений между отдельными единицами. При сопоставлении двух систем основной единицей конфронтации уместно считать пару, корреляцию эквивалентов, что не может быть без семантического тождества анализируемых единиц (по А.Г. Гюльмагомедову 1991:119). В. Стракова в основном говорит о сопоставительном исследовании словообразования славянских языков, тем не менее методика, предложенная ею, может быть применима и при сопоставительном изучении словообразования неродственных языков. Говоря о сопоставлении двух родст-

венных языков (русского и чешского), В. Стракова выделяет два возможных подхода: от формы к семантике (содержанию) и от семантики к форме. В целях надежности типологических характеристик материал двух сопоставляемых языков должен быть уравновешен. Важно учесть также принцип сопоставления в категориальных рамках, т.е. в рамках части речи (с. 121). В результате сопоставительного анализа должны быть установлены признаки, релевантные для словообразовательной семантики (морфосемантики). Из этих единиц могут быть получены модели определенных семантических структур, т.е. может быть установлено, при помощи каких словообразовательных средств выражаются отдельные семантические классы (с. 123).

Следует отметить еще одну работу, посвященную вопросам сопоставительного изучения словообразования. Это статья З.А. Харитончик «О некоторых путях сопоставительного изучения словообразовательных систем» (Гюльмагомедов 1991: 124-128; или: Харитончик 1987:111-116). В статье отмечается, что накопление огромного лингвистического материала об инвентаре и организации словообразовательных систем в разных языках требует решения ряда кардинальных теоретических проблем словообразования, таких, как основные единицы словообразовательных систем и параметры их описания, что создаёт необходимую теоретическую и практическую базы для сопоставительного изучения словообразования (с. 125).

Автор отмечает, что сопоставительный анализ словообразовательных систем разных языков должен быть комплексным, многоаспектным и направленным на установление целого ряда свойств сопоставляемых систем. Начальным же этапом должно быть определение сходств и различий в способах словообразования и наборах деривационных средств в изучаемых языках (с. 125). Существенным для сопоставительного исследования словообразования является и «рассмотрение словообразовательной активности производящих (мотивирующих) единиц, в ходе которого уточняется роль каждого лексикограмматического и лексического класса в деривационных процессах, определяется степень словообразовательной активности отдельных участников словообразования; ширина, глубина и направление возможных шагов деривации для производящих единиц» (с. 125). Такое изучение разных языков дает возможность, по мнению З.А. Харитончик, описать и сравнить моделируемые значения производных слов, создать типологию словообразовательных значений и словообразова-

тельных категорий. «Именно здесь возможно исчисление универсальных словообразовательных значений и словообразовательных категорий и определение на этом фоне специфики их конкретизации и представления в сопоставляемых языках» (с. 126).

О возможности сопоставительного изучения словообразования в различных языках пишет и Е.А. Земская, чьи работы по русскому словообразованию достаточно известны. По ее мнению, важную роль при таком изучении языков играет сопоставление комплексных единиц словообразовательных систем – словообразовательных гнезд, словообразовательных парадигм и т.д. (Земская 1978: 66;1985).

При сопоставлении аварского и русского языков мы опираемся на теоретические положения, которые выработаны в научных работах фундаментального характера, посвященных русскому словообразованию. К такого типа фундаментально-базовым понятиям, использованным в настоящей монографии, относятся понятия словообразовательный тип (модель), словообразовательное значение, словообразовательная мотивация, фразеологичность семантики производного слова, синтаксическая и лексическая деривация, чистое сложение и сложение с суффиксацией, словообразовательный потенциал слов различных частей речи, понятие продуктивности в словообразовании и т.д. В связи с этим, естественно, методологической и теоретической основой настоящего исследования послужили общепризнанные труды известных отечественных лингвистов в области русского словообразования. В основном это работы, имеющие фундаментальный характер и посвященные, как уже отмечалось выше, теоретическим и практическим вопросам словообразования. Многие теоретические положения таких известных лингвистов, как В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Е.А. Земская, О.П. Ермакова, Е.С. Кубрянова, В.В. Лопатина, Р.С. Манучарян, И.Г. Милославский, А.И. Моисеев, И.С. Улуханов, Н.А. Янко – Триницкая, Л.М. Васильев и др. (см. список использованной литературы) послужили основой для решения ряда задач при сопоставительном исследовании аварского и русского языков.

Поскольку использованные в монографии базовые понятия словообразования имеют отношение к материалу обоих сопоставляемых языков, считаем уместным дать в настоящей главе некоторые разъяснения их содержательной сущности.

В монографии широко используется понятие словообразовательная модель, поскольку с точки зрения как морфологической структуры и частей сложных существительных и прилагательных, так семантических отношений между производящими и производными сопоставляются словообразовательные модели аварского и русского языков.

Анализ способов словообразования показывает, что возможности создания новых слов достаточно разнообразны. Вместе с тем изучение только способов словообразования не дает точных сведений о том, как именно образуются новые слова. Для этого в языкознании, в теории словообразования, вводится понятие словообразовательного типа. Е.А. Земская рассматривает словообразовательный тип в качестве основной ячейки словообразовательной системы языка, так как именно в пределах словообразовательного типа и происходит преимущественно образование новых слов (Земская 1973: 182). Под словообразовательным типом она понимает схему (формулу) строения производных слов (подчеркнуто нами). В лингвистической литературе термины «словообразовательный тип» и «словообразовательная модель» используются довольно часто как синонимы, содержательно не дифференцируются. Поскольку в нашей монографии речь идет об образовании сложных слов и формулах построения производных слов, то используется понятие «словообразовательная модель». Е.А. Земская считает, что термин «модель» целесообразно использовать для обозначения морфонологических разновидностей внутри одного и того же словообразовательного типа, так как «слова одного и того же словообразовательного типа могут производиться с разными морфонологическими особенностями», т.е. по разным морфонологическим моделям (Земская 1973:192). Словообразовательный тип характеризуется общностью трех элементов: 1) часть речи производящей основы, 2) семантические соотношения между производными и производящими, 3) формальные соотношения между производными и производящими, а именно: общностью способа словообразования, а для аффиксальных способов – тождественностью аффикса (Земская 1973:182). В нашей монографии представлен материал, имеющий отношение как к аффиксальным, так и безаффиксальным способам словообразования. При безаффиксальном способе словообразования и одинаковости формулы построения производного слова тождественность может быть в морфологическом плане (часть речи составляю-

щей части), тогда как при аффиксальных способах в пределах словообразовательного типа речь идет о полном материальном тождестве аффикса. Значения производного при образовании сложных слов складываются из объединения значений производящих основ, хотя деривационное значение этих слов не сводится к простому объединению лексических значений составляющих основ. В связи с этим мы посчитали целесообразным использовать понятие «словообразовательной модели».

Для аффиксальных способов словообразования в лингвистической литературе обычно дается классификация словообразовательных типов. Так, например, синтаксические дериваты имеют отношение к так называемым транспозиционным типам: здесь имеем дело с переводом производного слова в другую часть речи по сравнению с производящим. Что же касается лексических дериватов, то они могут принадлежать как к транспозиционным, так и нетранспозиционным типам. Чешский ученый М. Докулил выделил еще два словообразовательных типа: модификационные и немодификационные (мутационные). При модификационном типе производные обозначают лишь какое-то видоизменение (модификацию) значения производного слова (ср. хороший – хорошенький, дом – домик), т.е. здесь значение производного в целом основано на значении производящего, и появляются еще семантические добавки. В мутационном типе значение не основано просто на модификации значения производящего, здесь имеем нечто иное, а производные по части речи могут совпадать или не совпадать с частью речи производящего (Земская 1973:191-192).

Вместе с тем, поскольку сложные слова наделены синтагматическим деривационным значением, а не значением деривационного аффикса, то многое из отмеченного выше имеет отношение к аффиксальным способам, а не к словосложению.

Центральным понятием теории словообразования следует считать и «словообразовательную мотивацию», под которым обычно понимают отношения между однокоренными словами, одно из которых с точки зрения формы и значения является производящим, образующим, а другое – производным, вторичным, т.е. образованным от производящего. Если анализируемое слово может быть истолковано так, что толкование включает производящее, анализируемое слово следует считать производным (ср. стол – столик): формальная и семантическая связь между производящим и производным в данном

случае достаточно очевидна. «Всякое мотивированное слово бинарно (двучинно): оно состоит из двух частей – мотивирующей основы и форманта». Первая – та часть, которая является у него общей с мотивирующим словом, а вторая – та, которая отличает его от мотивирующего слова (Русский язык. Энциклопедия. 1979: 304). В настоящей монографии рассматриваются словообразовательные модели сложных слов, поэтому мотивация носит несколько другой характер. Поскольку в монографии исследуются сложные слова, то здесь следует говорить о том, что производные лексемы содержат сложную, комплексную мотивирующую основу. В связи с тем, что как в одном, так и в разных языках виды семантических отношений могут иметь специфический характер, материал монографического исследования двух неродственных языков диктует необходимость говорить еще о двух специфических видах семантических отношений между производным и производящим. Значения производных слов могут быть основаны на переносных (метафорических) значениях производящих. Такое явление в лингвистике характеризуется как метафорическая мотивация (Лопатин 1975:53-57). Подебного типа производные сложные существительные и прилагательные имеют место, например, в аварском литературном языке. Они анализируются в соответствующих главах (ср. *оцхлутI* «навозный жук»: *оц* «бык» + *хлутI* «червь», «тля», *аницхалат* «мечтатель», «мечтательница»: *аниц* «желание», «мечта» + *халат* «длинный» и др.).

Следовательно, при словообразовании сталкиваемся не только с теми случаями, когда семантика производного слова выводится из прямого значения производящего, но и с теми, когда семантика производящего слова может быть частью того смысла, который заключен в производной основе.

Семантические отношения между производными и производящими в ряде случаев в лингвистической литературе характеризуются как отношения периферийной мотивации. Словообразовательная мотивация называется периферической, когда значение производного слова не полностью включает в себя значение производящей основы, а связано со значением производящего слова периферийно, «краешком» своего значения. Например, значение слова белье «нижняя одежда» нельзя полностью объяснить значением производящего слова: (белье) может быть не только белого цвета, следовательно, значение «белый» входит в производное слово белье не как единст-

венное и основное, а периферийное.

О.П. Ермакова и Е.А. Земская отмечают, что типы семантической связи (мотивации) между производными и производящими могут быть различными: а) производные связанные с базовыми словами (т.е. с производящими) отношениями прямой мотивации, б) отношения могут быть основаны на образной мотивации (ср. зверь – звереть), в) мотивация может быть условной, когда производная основа связана с производящей формальными отношениями, отсутствует семантическая выводимость значения.

В лингвистической литературе в более общем виде разграничиваются 4 типа семантических отношений между производящими и производными (Пастушенков 1977:73-74): а) отношения транспозиции, когда значение производящего из одной части речи переводится в другую, производное слово другой части речи при этом сохраняет то же лексическое значение (переписывать – переписывание), т.е. меняется лишь категориально–грамматическое значение; б) отношение модификации, когда значение производного основано на значении производящего и осложнено семантическими добавками (мяч – мячик: маленький мяч); в) отношения эквивалентности, когда лексическое значение производного эквивалентно значению производящего слова или словосочетания. Данный тип семантических отношений имеет для материала нашей монографии особое значение, так как общее значение сложного слова может быть эквивалентно выведено из составляющих частей в тех случаях, когда имеем дело с отношениями прямой мотивации (значение производного основано на прямых составляющих сложное слово основ); г) отношения мотивации, следует здесь сделать одну оговорку: в данном случае понятие мотивации используется в узком смысле слова, так как в широком смысле слова все перечисленные четыре типа отношений могут быть названы отношениями мотивации, ибо отношения мотивации характерны для пары «производное – производящее» всегда (см. об этом: Современный русский язык 1989:307). При отношениях мотивации в материале нашей монографии значение производного тем или иным образом выводится из значений двух сочетающихся слов, хотя значения производного может быть связано со значением производящего по-разному (отношениями прямой, периферийной, метафорической и т.д. мотивации).

В монографии встречаются сложные производные слова с

фразеологичной семантикой. В связи с этим считаем необходимым дать некоторое пояснение. Прежде всего следует отметить, что фразеологичность – это свойство лексической семантики слова, и она не затрагивает словообразовательного значения. Обычно под фразеологичностью (идиоматичностью) семантики производного слова понимается свойство производного слова выражать нечто, не содержащееся в значении его составных частей. В этом случае имеем дело со словами (в монографии – со сложными словами), значение которых основывается на значении составных частей, но вместе с тем значение слова не является простой их суммой (ср. в русском языке + слово синяк в значении «кровоподтек синего цвета»). Существительные (как простые, так и сложные) могут иметь добавочные семантические компоненты (фразеологические добавки), не входящие в значения составляющих частей. В этом случае в лингвистике, в теории словообразования, обычно говорят о так называемых добавочных смыслах в семантике производного слова. Эта проблема, обсуждаемая в русском языкознании, в работах по словообразованию дагестанских языков до сих пор специально не рассматривалась. Исследователи отмечают, что проблема формирования фразеологической семантики производных слов, типологии фразеологических добавок и условий их возникновения – это проблема, прежде всего, имеющая отношение к существительному.

В лингвистической литературе имеется и несколько иное понимание фразеологичности семантики производного слова. В этом свойстве усматривается любое нарушение правил соединения значимых частей слова, отступление от системности (Лихтман 1991:72). Вместе с тем, признавая свойство фразеологичности за лексической семантикой слова, нельзя не признавать и того, что анализ фразеологичности слова непосредственно может зависеть от подхода к словообразовательному значению, от понимания его сути.

Словообразовательное значение обычно понимается как обобщенное значение ряда мотивированных слов с одним и тем же формантом (при аффиксальных способах словообразования), отличающее все эти слова от их мотивирующих.

В энциклопедии «Русский язык» отмечаются различные виды словообразовательных значений мотивированных слов: а) значения, составляющие характеристику предмета или признака по его отношению к другому предмету или признаку (старый – старик, читать –

читатель, вода – водный); б) модификационные значения, представляющие собой дополнительный семантический комплекс, добавляющийся к значению мотивирующего слова (дом – домик: дополняющее значение «маленький», петь – запеть: дополняющее значение «начать»); в) транспозиционное значение, сводящееся к наделению мотивированного слова грамматической семантикой части речи, отличной от части речи мотивирующего слова, без изменения других компонентов его значения (ходить – ходьба, красный – краснота); г) словообразовательное значение, носящее наиболее абстрактный характер – указание на связь простых слов в составе сложной основы (ярко-желтый, западносибирский) см. Русский язык. Энциклопедия. 1979: 305. Анализ материала монографии с точки зрения словообразовательной мотивации между производными и производящими и словообразовательного значения производных основ (сложных слов) показал, какие именно из перечисленных разновидностей характерны для анализируемого материала обоих языков (см. об этом в соответствующих главах).

Таким образом, словообразовательные значения не только неоднородны, но и имеют неодинаковый характер применительно к простым или сложным производным словам. Так, например, сложные слова, наделенные производящей базой, включающей не одну, а несколько основ, как в русском, так и в аварском языках имеют словообразовательное значение несколько иной природы. Такое словообразовательное значение В.В. Лопатин называет синтагматическим, так как оно сводится к идее соединения составляющих производное простых основ (Лопатин 1977:54-55). Безаффиксные способы образования сложных слов характерны только для имен существительных и прилагательных, и их отличие от аффиксальных способов состоит в том, что производные слова не имеют того категориального, классифицирующего значения (носителем которого является аффикс), отличающего их от производящего (Земская 1973:179).

Вместе с тем в материале монографии немало случаев, когда словосложение сопровождается аффиксацией. При этом синтагматическое деривационное значение осложняется значением, вносимым аффиксом, т.е. происходит взаимодействие синтагматического значения и словообразовательного значений, характерного для аффиксального способа словообразования. Это особенно типично для сложных существительных в аварском языке (см. об этом в соответствующей

главе).

В лингвистической литературе в зависимости от характера деривационного (словообразовательного) значения исследователи различают две сферы деривации: синтаксическую и лексическую. В первом случае лексическое значение производных тождественно значению производящих, но производные отличаются от производящих принадлежностью к другой части речи с иной синтаксической функцией. Во втором же случае (при лексической деривации) лексическое значение производных не тождественно значению производящих. Соответственно производные слова называются лексическими и синтаксическими дериватами. Такое разграничение деривационных значений особенно важно для сопоставительного исследования материала двух разносистемных языков, ибо возможности синтаксической и лексической деривации при этом могут совпадать и различаться, а расхождения в свою очередь могут быть использованы для формулирования выводов типологического характера.

Обычно словообразовательный потенциал различных частей речи определяется семантикой производящего, составом его семантических компонентов. Вместе с тем, у различных частей речи словообразовательный потенциал может определяться различными свойствами: у глагола – возможностями его синтаксических связей (валентностью), у именных частей речи нет особо разветвленных синтаксических свойств, «которые могли бы лечь в основу создания на их базе производных» (Современный русский язык 1989:351). Поэтому картина словообразовательного потенциала здесь другая. От существительных конкретной семантики, например, образуются производные, основанные на различных семантических компонентах производящего: одушевленность – неодушевленность, размерность, вещественность, конкретность – абстрактность. Такие семантические признаки могут оказать влияние на возможности вхождения / невхождения тех или иных существительных (или их основ) в состав сложного целого. На словообразовательный потенциал слов, по мнению Е.А. Земской, оказывают влияние и такие факторы, как употребительность, стилистическая окраска, широта сочетаемости и даже прагматический аспект семантики слова (связь семантики слова с жизнью человека). Последнее обстоятельство при типологических исследованиях имеет особое значение, ибо прагматический аспект имеет отношение к различным сторонам жизни носителей разных языков: к различному ви-

дению картины мира, характеру мышления, образу жизни и т.д.

Е.А. Земская отмечает ряд конкретных факторов, влияющих на словообразовательные возможности слов различных частей речи. Так, по ее мнению, словообразовательный потенциал шире у слов:

- 1) высокоупотребительных, чем у слов малоупотребительных;
- 2) нейтральных, чем у слов стилистически окрашенных;
- 3) обладающих широкой сочетаемостью, чем у слов, обладающих ограниченной сочетаемостью;
- 4) относящихся к целенаправленной деятельности человека, сферам, важным для жизни человека, чем у слов, называющих явления иного рода. (Современный русский язык 1989:352).

Знание таких факторов позволяет использовать их в нашем исследовании. Так, стилистически окрашенные слова-существительные чаще используются в составе сложных слов, употребляющихся в книжной речи, в произведениях художественной литературы с целью создания положительных или отрицательных коннотативных (оценочно-экспрессивных) характеристик, но словообразовательный потенциал таких слов все же невелик. Употребление в составе сложных прилагательных связанного компонента, например, *кьераб* (от *кьер* «цвет») «цвета» связано с его широкой сочетаемостью с формой родительного падежа существительного и стилистической нейтральностью: *гъацѹлкъераб* «цвета меда», *рахъулкъераб* «цвета золы» и т.д. (уподобление цвету какого-либо конкретного предмета здесь не имеет потенциально ограничений). В русском же языке аналогичная семантика выражается описательно: цвета неба, слоновой кости, цвета морской волны (как видно из примеров, оттенок цвета может быть конкретизирован употреблением уточняющегося определения по отношению к предмету, являющемуся носителем признака цвета).

В монографии та или иная модель в необходимых случаях характеризуется с точки зрения ее продуктивности / непродуктивности, в связи с чем, на наш взгляд, есть смысл объяснить данное понятие, имеющее отношение к материалу языков различных систем. В лингвистической литературе обычно в таких случаях принято говорить о продуктивности аффиксальных способов словообразования. Необходимо отметить, что понятие продуктивности тесно связано с понятием валентности морфем, рассмотрением морфем в синтагматическом аспекте. Изучая валентность морфем, исследователи сталкиваются с

необходимостью выявлять их сочетаемостные свойства. М. Докулил отмечает, что «понятие продуктивности можно в принципе применить как к целому типу, так и к любой составной части словообразовательной структуры слова» (цитируется по учебнику «Современный русский язык» 1989:328). Следовательно, относительно материала нашего исследования можно говорить как о сложном слове в целом (о его модели), так и составляющих данное сложное слово частях (основа существительных и прилагательных). Е.А. Земская отмечает в связи с определением понятия продуктивности, что «наиболее существенно для словообразования понятие продуктивности словообразовательного типа, потому что словообразовательный тип является ... той схемой (формулой), по образцу которой в основном и происходит создание новых слов» (Земская 1973:208).

Из тех двух видов продуктивности в словообразовании (эмпирической и системной), которые выделил чешский ученый М. Докулил, нас интересует системная продуктивность, так как к синхронному словообразованию имеет отношение именно данный вид продуктивности. Такая продуктивность словообразовательной модели (словообразовательного типа) устанавливается экспериментальным способом – «путем выяснения условий, ограничивающих возможность производства слов данного типа» (Земская 1973:209).

Данная характеристика применима и к моделям сложных слов, ибо здесь также можно выяснить ограничения, влияющие на продуктивность модели. Так, в аварском языке связанный компонент *кьераб*, достаточно активно используемый в сложных прилагательных с первой частью в форме родительного падежа существительного (ср. *тIулалкьераб* «цвета печени»), не сочетается с собственно цветообозначениями: в данном случае имеем дело с семантическим ограничением, ибо если основным словом обозначен определенный цвет, то нет необходимости использования компонента *кьераб* «цвета». Таким образом, здесь семантические ограничения накладываются на действие словообразовательного типа (модели). Естественно, кроме семантических ограничений, могут быть структурные и стилистические ограничения в производстве слов данного словообразовательного типа, поэтому в возможной мере анализируемые в монографии словообразовательные модели оцениваются и с этой точки зрения. Уместно говорить о словообразовательной продуктивности той или иной модели и в случае образования сложных существительных или

прилагательных в аварском языке по аналогии с определенными словообразовательными типами сложных слов в современном русском литературном языке.

Обобщая сказанное, следует отметить, что высокой системной продуктивностью обладают те словообразовательные типы, на которые не накладываются различного рода ограничения (структурно-формальные, лексико-семантические, стилистические) и которые не имеют конкурирующих синонимических моделей (т.е. моделей с тем же словообразовательным значением).

По таким продуктивным моделям новые слова могут быть образованы по мере необходимости. Например, сложные слова типа *ракъцояв* «земляк» в аварском языке появились в результате влияния русского языка (принцип аналогии) – ср. «односельчанин», «одноклассник» и т.д. Модель для аварского языка продуктивная, так как по данной модели образованы и могут быть по мере необходимости еще образованы новые слова: ср. *пероцоял* «коллеги по перу» (буквально «одного пера»), *вагонцоял* «пассажиры одного вагона» и др.

В работах аварских исследователей по словообразованию (Мадиева 1965, 1980; Казиев 1969; Алиханов 1994) не разграничиваются как способы образования новых слов так называемое чистое сложение и сложение с суффиксацией (или с нулевой суффиксацией). То, что в этих трудах называется сложным словом, чаще всего имеет отношение к структуре слова, а не к способу его образования. Так, в русском языке слово «канатоходец» имеет сложную структуру, но способ образования можно характеризовать как сложение с суффиксацией. В аварском существительное *щакъитлел* также имеет сложную структуру (*щакъи* «чернила» + *тлел* «куда наливают»), но образовано оно не чистым сложением, а сложением с суффиксацией, хотя в указанных выше работах сложное слово (по структуре) и сложное слово (по способу образования) не разграничиваются. По этой причине представляется необходимым дать разъяснения по данному вопросу, ибо в нашей монографии последовательно разграничиваются понятия «чистое сложение», «сложение с суффиксацией», «сложение с нулевой суффиксацией». При этом мы опирались на теоретические положения Е.А. Земской (Земская 1973). Под чистым сложением Е.А. Земская понимает такой способ образования, когда «производное слово является соединением одной или нескольких основ какой-либо части речи с самостоятельным словом». При таком способе образова-

ния нового слова компоненты, входящие в сложение, могут объединяться как посредством соединительного гласного (так образуются существительные и прилагательные), так и без него (так образуются только существительные): черно-белый, диван-кровать (Земская 1973: 177). Чистому сложению противопоставляются сложение в соединении с суффиксацией (канатоходец) и сложение с нулевой суффиксацией (сталевар).

Компоненты при чистом сложении могут находиться как в отношениях сочинения: диван-кровать, черно-белый, так и в отношениях подчинения: водонепроницаемый, засухоустойчивый (Современный русский язык 1989: 312).

В русском языке способом чистого сложения образуются именно прилагательные, второй (опорный) компонент которых является самостоятельным прилагательным, а первый представляет собой основу прилагательного или существительного: профессорско-преподаватель-ский, мясомолочный, хлебобулочный. Только для прилагательных в русском языке действует и способ сращения (по морфологическому составу такие прилагательные тождественны словосочетаниям, на базе которых они образованы): быстрорастворимый (ср. растворимый быстро), впередсмотрящий (ср. смотрящий вперед).

ГЛАВА II

СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АВАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В современном русском языке сложные слова обычно состоят из двух основ, хотя могут включать и большее количество компонентов (Современный русский язык 1989). Как и в русском, в аварском языке сложные существительные, как правило, образуются соединением двух основ (или основы и самостоятельного слова). Отличительной особенностью аварского языка здесь может быть то, что основа может равняться слову, ибо в единственном числе существительные в аварском языке, в отличие от русского, не имеют морфологического оформления (т.е. не имеют морфологических показателей – окончаний единственного числа). Не случайно, что в литературе имеется попытка введения вместо понятия производящая основа понятия производящая база, ибо в качестве производящих в русском языке выступают не только основы, но и слова и сочетания слов с каким-либо семантически главенствующим словом (ремесленник – в одном из значений = «ученик ремесленного училища»). О необходимости ввести понятие «производящая база» вместо «производящая основа» пишет Р.С. Манучарян (1976). Однако различия в способах сложения основ в русском и аварском языках, естественно, не ограничиваются указанным признаком: они будут продемонстрированы при описании тех или иных моделей сложения основ как в русском, так и в аварском языках.

1. В качестве первой модели образования сложных существительных в аварском языке (в настоящей работе сопоставление двух языков проводится от аварского к русскому, поэтому в качестве исходных даются словообразовательные модели аварского языка) может быть названа структура, компоненты которой представлены формами именительного падежа единственного числа: «**И.п. сущ. + И.п. сущ.**». Причем, происходит сложение непроеизводных основ (слов). С точки зрения семантических отношений, реализующихся между компонентами, в первом типе могут быть выделены подтипы (разновидности):

1.1. В первый подтип включены сложные существитель-

ные, состоящие из двух непроеизводных существительных в именительном падеже, общее значение которых не складывается из суммы значений составляющих частей. Т.е. в этом случае происходит полная или частичная фразеологизация семантики сложного существительного, являющаяся результатом переосмысления, метафоризации или десемантизации исходных значений составляющих компонентов: *яс-бер* «зрачок» (*яс* «девушка» + *бер* «глаз»), *оцхлутI* «навозный жук» (*оц* «бык» + *хлутI* «червь», «тля»), *кеторуз* «филин» (*кето* «кошка» + *руз* «сова»), *гIункIрукь* «локоть» (*гIункI* «мышка» + *рукь* «рука»), *хIамагага* «одуванчик» (*хIама* «осел» + *гага* «косточка»), *варанихIинчI* «страус» (*варани* «верблюды» + *хIинчI* «птица»), *гIекIмацI* «пряжка» (*гIекI* «колечко» + *мацI* «язычок»), *гьалбацI* «лев» (*гьал* «грива» + *бацI* «волк»), *цIакан* «название болезни»; «температура, жар» (*цIа* «огонь» + *кан* «лучина»), *рухIчIаголъи*: 1) «живое существо», 2) «насекомое» (*рухI* «душа» + *чIаголъи* I сущ. от прилагательного *чIагояб* «живой»), *хьонбакI* «скамья» (*хьон* «семя», «семечко» + *бакI* «место»), *цурункьверкь* «черепашка» (*цурун* «деревянная миска» + *кьверкь* «лягушка»), *хIавагIеч* «айва» (*хIава* «Ева» + *гIеч* «яблоко»), *тахбакI* «кресло», «кровать» (*тах* «трон» + *бакI* «место»), *анищмегIер* «фантазер» (*анищ* «мечта» + *мегIер* «гора»). Семантические отношения между компонентами таких сложных существительных разнообразны. Первые компоненты выполняют различные семантические функции, ср.: *гьалбацI* «лев» (*гьал* «грива» + *бацI* «волк» = «волк с гривой»), *анищмегIер* «фантазер» + (*анищ* «мечта» + *мегIер* «гора» = «мечты гора»), *тахбакI* «кресло» (*тах* «трон» + *бакI* «место» = «тронное место»), *млехIнищI* «канифоль» (*млехI* «парша» + *нищI* «смола»), *мокьрукь* «потолок» (*мокь* «жердь» + *рукь* «ярмо») и др. В примерах такого типа происходит как бы семантическое сращение компонентов, приводящее к очевидной фразеологизации семантики производного существительного, обозначающего, в принципе, один реальный предмет. В этом случае трудно достаточно однозначно ответить на вопрос о том, какой из компонентов является семантически главенствующим. Примеры контекстуального употребления сложных существительных указанного типа: «...началихьалъул **тахбакIиде** вачIана марталъул 21 абилеб кьоялъ» – букв. «на государственный трон пришел 21-го марта» (газ. «Истина» от 6 июля 1996 г.). *Рукьалъул рагьумахIиялъе* гамачI балагьизе ун вуго гьев «Для порога дома камень искать пошел он» (газ. «Истина» от 20 ав-

густа 1996 г.). *ГьалбацI гьечIеб рохьоб ци басандула* (пог.) «В лесу, где нет льва, медведь хозяйничает (букв. «танцует»). *Досул цIакан буго* «У него высокая температура (М.-С.С.)». *Мун капурго хвараб кеторузальул кидаго гьаричIел гьаркьал рагIана* «**Филина** – пусть бы он сдох – никогда раньше не слышанные крики раздались» (Г.Ц.). *РагьумахIугIан бегизе захIматаб мегIер гьечIеб* «Труднее преодолеть порог дома, чем гору» (пог.).

Метафоризация составляющих сложное слово компонентов – явление, достаточно характерное для дагестанских языков. Такие случаи отмечаются, например, в лакском языке: *бюрхттукку* «белка» (*бюрх* «заяц» + *ттукку* «осел»), *бурхьинукьур* «женщина с мужскими замашками» (букв. «самец + кьур «морковь»), *авлияттукку* «о глупом человеке» (*авлия* «дурак, дурной» + *ттукку* «осел»), *бивкIунацI* «о малоподвижном человеке»: букв. *бивкIу* «битая» умершая) + *нацI* «вошь», *лухIухьатIу* «о смуглом человеке»: *лухIу* «черная» + *хьатIу* «ворона» (Гаджиева 1986 : 99-100).

Фразеологизация значения сложного слова характерна, как отмечается в литературе, и для арчинского языка: *кIветI* – *хварши* «паук» (*кIветI* «моток» + *хварши* «червь»), *наIттал* – *кIан* «ластовица штанов» (*наIттала* «штаны» + *кIан* «дно»), *чIотхол* «локоть»: *чIот* «полоска кожи» + *хол* «рука» (Кибрик и др. 1977: 96).

1.2. Вторая часть сложных существительных, компоненты которых принято писать слитно, по своей семантике отличается от перечисленных выше: общее значение сложного существительного здесь может быть мотивировано значениями составляющих компонентов: *захIматкьо* «трудодень» (*захIмат* «труд» + *кьо* «день»), *колхозчIужу* «колхозница» (*колхоз* + *чIужу* «женщина»), *итникьо* «понеделник» (*итни* «понеделник» + *кьо* «день»), *синухIатI* «глина» (*сину* «клей» + *хIатI* «глина»), *ражипер* «чеснок» (*ражи* «чеснок» + *пер* «лук»), *тIикьвамагI* «подкова с гвоздями» (*тIикьва* «подкова» + *магI* «гвоздь»), *синукалуш* «резиновые галоши» (*сину* «резина» + *калуш* «галоши»), *чирмакьали* «бочка» (*чирма* «бочка» + *кьали* «бочка»), *буравгьецI* «тиски» (*бурав* + *гьецI* «щипцы»), *габаниквар* «дратва» (*габани* «конопля» + *квар* «нитка»), *буртинахьитал* «войлочные сапожки» (*буртина* «войлок» + *хьитал* «обувь»), *гьоцIогIеч* «сорт яблок» (*гьоцIо* «мед» + *гIеч* «яблоко»), *кIамурикьо* «арочный мост» (*кIамури* «арка» + *кьо* «мост»), *гьинкатан* «тюль» (*гьин* «дворец» + *катан* «тюль», «марля»), *бурди-тIил* «игра в чижика» (*бурди* «чижик»

+ *mIul* «палка»), *меседкун* «золотая нитка» (*месед* «золото» + *кун* «нитка»).

Анализ семантических отношений, реализующихся между компонентами перечисленных выше сложных существительных, показывает, что первые компоненты по отношению ко вторым (в основном семантически опорным) выполняют разные функции: а) обозначают материал, из чего сделан предмет, названный вторым существительным: *буртинахьитал* «войлочные сапожки», *габаниквар* «дратва» = «льняные нитки»; б) указывают на совокупность двух предметов одного назначения: *тIикъвамагI* «подкова с гвоздями», *бурдитIул* «чижик с палочкой» («игра в чижика»), в) указывают на видородовые отношения: *кIамурикъо* «арочный мост», *буравгъецI* «тиски», г) выполняют сравнительно–уподобительную функцию: *гъоцIогIеч* (*гъоцIо* «мед» + *гIеч* «яблоко/ яблоки» = «яблоки как мед [вкусные]), *синухIатI* «глина» (*сину* «клей» + *хIатI* «глина» = «клейкая глина»), *сивурукъ* «дом [как] башня» = «башня, приспособленная под жилье», д) выполняют определительные функции: *итникъо* «понедельник–день», *базаркъватI* «базарная улица» (*базар* + *къватI* «улица»), *туснахърукъ* «тюремная палата», (*туснахъ* «тюрьма» + *рукъ* «дом») и т.д. См. употребление слов указанного характера в фразовых примерах: *РОВ* Дялъл *туснахърокъор* *аницIила шу–шу сордо–къо бахъана КIаратIиса Дакаев Аманулацаги*, *Бекиев Русланицаги* «**В тюремной палате** РОВД по 15 суток провели Дакаев Аманула и Бекиев Руслан из Караты (газ. «Истина» от 29 августа 1996 г.). *Меседкуналь* *букъана бахIаралъе ретIел* «**Золотой ниткой** сшили одежду для невесты». *БуравгъецIалдагъоркъобе ккезе* «попасть в тиски» (М.-С.С., 1967). *Устарас берцинаб кIамурикъо бана* «Мастер построил красивый **арочный мост**».

В русском языке модель «существительное (основа существительного) + существительное» – достаточно продуктивная модель, по которой могут быть образованы новые слова. Одни из таких существительных объединяются на отношениях равноправия, и, следовательно, предмет, обозначаемый этим существительным, совмещает в себе оба признака составляющих компонентов: *ракетоноситель*, *лесостепь*, *киркомотыга*, *носоглотка*, *северо-запад*, *темпоритм* и др. Другая группа сложных существительных, построенных по данной модели, объединяет компоненты, находящиеся в отношениях подчинения: *хлебозакупки*, *звукорежиссер*, *птицефабрика*, *квартирохозяй-*

ка, лесозаготовка, хлебозаготовка, дачевладелец (семантические отношения между компонентами могут быть представлены в виде: режиссер звука, владелец дачи, хозяйка квартиры, заготовка леса, фабрика для птиц и т.д.). В отличие от аварского языка, в русском сравнительно меньше случаев фразеологизации значений сложных существительных такого типа. Тем не менее, фразеологичность семантики сложного существительного – явление общее для обоих сопоставляемых языков, и в русском языке примеры такого типа также имеют место: *птиценожка* (раст.), *зубоножка* (насек.), *руконожка* (жив.), *плакун-трава*, *игла-рыба* и другие. Характеризуя данную модель, следует разграничивать понятия «словосложение» и «основосложение». Вместе с тем не во всех лингвистических работах и справочных источниках такое разграничение проводится последовательно. Так, в словаре-справочнике лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой основосложение характеризуется как вид словосложения, при котором новые слова создаются посредством объединения в одно слово 2-х или более основ (несамостоятельных слов) – с. 259. Там же словосложение характеризуется как образование новых слов путем объединения в одно целое двух или более основ: *теплоход, темно-синий, самодовольный, чернозем, светотехника* (с. 416). Если исходить из комментариев, данных в этом словаре, то, скорее всего, к словосложению (а не основосложению) можно отнести слова, образованные путем сращения: *времяисчисление, впередсмотрящий* (с. 428). Такие слова, по мнению авторов указанного словаря, к сложным можно отнести по составу, а не по способу образования, так как сложное слово (комполит) образуется соединением двух или нескольких основ. Здесь же к сложносоставным относятся слова из 2-х частей: составные наименования: *кафе-столовая*, парные сочетания антонимического характера *вопросы-ответы*, парные сочетания синонимического характера: *друг-приятель, правда-истина* (с. 431).

В энциклопедии «Русский язык» сложные слова характеризуются как слова, имеющие более чем одну мотивирующую основу (Русский язык. Энциклопедия 1979: 313), а сложносоставные слова характеризуются как сложные слова, образованные соединением двух или более простых слов, принадлежащих, как правило, к одной части речи: *северо-запад, советско-монгольский, человеко-день* (с.314). Как видно из примеров, эти же слова в словаре-справочнике лингвистических терминов, указанном выше, попадают в основосложение, а не

сложение двух простых слов.

Наиболее простым способом разграничения основосложения и словосложения, на наш взгляд, было бы соответствие компонентов сложного слова самим термином: соединяются основы слов или полностью самостоятельные слова.

В русском языке, как и в аварском, один из компонентов сложного существительного по отношению к другому может находиться в определительных отношениях. Таких случаев немало. Однако определительный компонент, в отличие от аварского, в русском может находиться как в препозиции, так и в постпозиции. Определительность может быть уподобительно-сравнительной или качественно-характеризуемой: змеерыбка («рыбка, которая (как) змея»), меч-рыба (–рыба, похожая на меч), пила-рыба, игла-рыба, скатерть-самобранка, хата-родильня, зигзаг-машина, царь-девица, вагон-ресторан (– вагон, используемый как (под) ресторан).

В настоящее время в аварском языке достаточно активно употребляются существительные, второй компонент которых выражен формой множественного числа существительного *чи* «человек» – *чагIи* «люди». Данный компонент употребляется в значении «лицо» (лица), деятельность которого связана с тем, что обозначено первым компонентом – существительным (чаще) или другими частями речи (наречием): *такъсирчагIи* «преступники» (*такъсир* «преступление», «вина»), *зулмучагIи* «террористы», «насильники» (*зулму* «гнет», «насилие»), *хъамалчагIи* «грабители» (*хъамал* «грабеж», «опустошение»), *питначагIи* «бунтовщики», *жамагIатчагIи* «общественники», «люди, пользующиеся уважением и доверием джамаата», *рахIмучагIи* «благотворители» (данного слова нет в аварско-русском словаре). Такого типа слова особенно часто употребляются в газетно-публицистической речи: *1997 соналда Москваялъул метроялда къвагъи гъабурал зулмучагIи тIубараб лъагIелалъ ралагъизе ккана «Террористов, которые в 1997 году организовали взрыв в московском метро, пришлось искать целый год». Законал цIуниялъул органаз такъсирчагIи ралагъизе шулияб рагIи къун букIана «Правоохранительные органы давали крепкое слово найти преступников (газ. «Истина» №121 от 6 июля 1996 г.). ТакъсирчагIаз кассир тIамуна сейф рагъизе «Преступники заставили кассира открыть сейф» (газ. «Истина» от 20 августа 1996г.). Садакъа–Къурбаналъе харжал гъарулел рахIмучагIиги гъел руго. «Они – благотворители, делающие расходы*

на благородные дела» (газ. «Истина» от 6 июля 1996 г.).

1.3. К третьему типу могут быть отнесены в аварском языке сложные существительные, представляющие собой наименования собирательного характера. В этом смысле характеризуемые существительные обозначают совокупность однородных предметов, названных составляющими компонентами. Обычно такие сложные существительные пишутся через дефис, который, следует думать, выступает в качестве символа расчлененности единого понятия: *рос-лъади* «супруги» (*рос* «муж» + *лъади* «жена»), *гІанкІу-хІелеко* «домашняя птица» (*гІанкІу* «курица» + *хІелеко* «петух»), *боцІи-панз* «скот» (*боцІи* «скот» + *панз* «рогатый скот»), *эбел-эмен* «родители» (*эбел* «мать» + *эмен* «отец»), *лага-черх* «тело» (*лага* «часть тела» + *черх* «тело»), *шакъи-къалам* «письменные принадлежности» (*шакъи* «чернила» + *къалам* «ручка»), *месед-гІарац* «сокровища, драгоценности» (*месед* «золото» + *гІарац* «серебро»), *хІамул-бачал* «домашние животные» (*хІамул* «ослы» + *бачал* «телята»), *шагъи-капек* «деньги» (*шагъи* «монета» + *капек* «копейка»), *тІагІел-алат* «инструменты» (*тІагІел* «инструмент» + *алат* «орудие, инструмент»), *бакъ-моцІ* «небесные светила» (*бакъ* «солнце» + *моцІ* «луна»), *рагІи-хер* «корма» (для скота; из: *рагІи* «корм для скота» + *хер* «сено»), *гІазу-цІер* «атмосферные осадки в виде снега или града» (*гІазу* «снег» + *цІер* «град»), *хур-хер* «полеводческие работы» (*хур* «поле» + *хер* «трава»), *гІи-боцІи* «рогатый скот» (*гІи* «овцы» + *боцІи* «коровы», «скот»), *гІамІ-тІех* «молотое зерно» («все, что молото»; *гІамІ* «мука» + *тІех* «толокно»), *михъ-мегеж* «волосяной покров на лице: борода, усы» (из: *михъ* «усы» + *мегеж* «борода»), *бох-ратІа* «конечности» (*бох* «нога» + *ратІа* «передняя нога животного»), *пуруц-рукъ* «соха с ярмом» (*пуруц* «соха» + *рукъ* «ярмо»), *палтар-къай* «одежда»; «мягкие домашние вещи», «постельные принадлежности» (из: *палтар* «одежда» + *къай* «вещи»), *гъудул-гъалмагълъи* «друзья-товарищи», *зурма-къали* «веселье, свадьба, танцы» (*зурма* «зурна» + *къали* «барабан»), *къурди-хъат* «танцы» (*къурди* «танец» + *хъат* «хлопки») *хинкІ-чед* «еда» (*хинкІ* «хинкал» + *чед* «хлеб») и др. Примеры: **Бакъ-моцІ тІерхъарабмехаль цІваби раккулел** (пог.) «Когда заходят **солнце-луна**, восходят звезды». **Цадахъ дугІа-алхІам гъабулаго данде гъабула гІи-боцІи** «Читая молитвы, одновременно собирают **богатство** (пример интересен переносным употреблением существительного *гІи-боцІи* «рогатый скот»). *БукІана ихтилат-кеп, торгІохІаялъул, рекериялъул къеџал*

«Было **веселье**, соревнования по волейболу и бегу» (газ. «Истина» от 27 августа 1996 г.). *ЛъикI букIнаан кIудиясул букIараб адаб-хIурматалде тIаде нуцIа рагъани нильеца*. «Было бы хорошо, если бы мы открыли дверь **в уважение–почитание** старших» (газ. «Истина» от 6 июля 1996 г.). *РагIи-хер хIадур гъабиялъе гIуцIана кIиго бригада* «Для заготовки **кормов** организовали две бригады» (газ. «Истина» от 21 сентября 1996 г.). *Гъеб цвараб гIарацалъухъ босана техника къачIаялъе тIагIел-алат* «За эти вырученные деньги купили **инструменты**, чтобы отремонтировать технику» (газ. «Истина» от 6 июля 1996 г.).

Как видно из примеров, компоненты сложных существительных приведенного типа могут быть представлены и в форме именительного падежа множественного числа: см. *гIи-боцIи* «рогатый скот». Кроме того, компоненты могут различаться и другими характеристиками: в сложные существительные могут входить компоненты-существительные, употребляемые только в форме единственного числа: *квен-тIех* «припасы еды», «продукты» (*квен* «еда» + *тIех* «солод»), *гулла-хер* «боеприпасы» (*гулла* «пуля» + *хер* «порох»), *рагъ-къал* «военное столкновение», «отношения вражды» (*рагъ* «война» + *къал* «ненависть»), *мах-чаран* «металл» (*мах* «железо» + *чаран* «сталь»).

Отмеченная выше функция дефиса ни для аварского, ни для русского языков не является, как показывает материал, единственной, хотя по своему происхождению понятие дефис связано со значением «разделение», «расчленение».

В современной русской письменной речи дефис употребляется не только между частями сложных слов (ср. юго-западный, вагон-ресторан, темно-зеленый и т.д.), но и между определяемым словом и приложениями (мать-старуха), что не характерно для аварского языка. Естественно, употребление дефиса характеризует и принцип написания, называемый полуслитным. Использование знака дефис для написания сложных существительных и прилагательных обычно характеризуется как словообразовательно-грамматический принцип (Русский язык. Энциклопедия 1979: 184). Если в аварском языке дефис ставится в словах типа *гIанкIу-хIелеку* «домашняя птица» (букв. «курица-петух») с расчленено-собирательным значением, то в русском тот же знак объединяет по принципу полуслитного написания слова, обозначающего один предмет (в широком смысле слова): кафе-

закусочная, вагон-ресторан, юго-запад и т.д. О непоследовательном использовании дефиса в сложных словах пишет в своей статье «Несколько замечаний по поводу проекта новой редакции орфографических правил» Л.И. Рахманинова. Указанная статья является своеобразным откликом на опубликованные материалы о лингвистическом обеспечении новой редакции «Свода правил русского правописания» (Кузьмина, Лопатин 1996). Если авторы статьи С.М. Кузьмина и В.В. Лопатин, характеризуя несовершенство орфографических правил 1956 года о слитном или полуслитном (через дефис) написании сложных слов, пытаются лингвистически обосновать новую редакцию «Свода правил русского правописания», то Л.И. Рахманова в свою очередь отмечает несовершенство предлагаемых изменений. В связи с этим Л.И. Рахманова останавливается на одной из них (Рахманова 1998:29-32). Мы не видим необходимости в подробном анализе материала статьи, тем не менее в связи с определенной непоследовательностью орфографии сложных слов в русском и особенно в аварском языке следует обратить внимание на некоторые идеи статьи, имея в виду необходимость унификации правописания сложных существительных и прилагательных в обоих языках. С.М. Кузьмина и В.В. Лопатин в указанной статье отмечают, что прежде всего неблагополучно обстоит дело «в области слитного и дефисного написания сложных прилагательных» (Кузьмина, Лопатин 1996:94) из-за несовершенства действующих правил. По этой причине авторы статьи выступили с обоснованием своей новой редакции «Свода правил русского правописания». И. Рахманова в связи с этим отмечает, что «предлагаемые авторами проекта идеи относительно написания сложных прилагательных крайне сложны, недостаточно определены, реализация их, если судить по орфографическому словарю 1996 года, недостаточно последовательна». Л.И. Рахманова отмечает, что основным принципом в правилах слитного и дефисного написания сложных прилагательных «Свода...» 1956 года был принцип семантико-синтаксический. Так, например, компоненты сложных прилагательных, находящихся в подчинительных отношениях, предлагалось писать слитно (народнохозяйственный – народное хозяйство, естественнонаучный – естественные науки), а прилагательные, образованные из двух или более основ, обозначающих равноправные понятия, должны писаться через дефис (по тому же «Своду...»). Семантический, а не только синтаксический характер этих правил заключался в

том, что через дефис предлагалось писать слова с определенной семантикой (названия качеств с дополнительным оттенком и оттенки цветов: горько-соленый, ярко-синий). Будто бы все логично. Но почему возникла тогда необходимость в новой редакции орфографических правил относительно правописания сложных слов. Оказывается, появляются новые сложные слова, правописание которых не укладывается в указанные выше принципы «Свода...» 1956 года. Это такие сложные слова, отношения между которыми однозначно невозможно расценить не как несомненно равноправные (сочинительные), не как подчинительные: военно-спортивный, финансово-валютный, дорожно-транспортный и т.д. Л.И. Рахманова же причину такого написания видит не в несовершенстве старых правил, а в неясности смысла этих слов вне контекста (Рахманова 1998:30). Разнобой в написании сложных прилагательных (даже формально одинаковой структуры с суффиксальным первым компонентом: гнойно-воспалительный и железнодорожный, авторско-правовой и сельскохозяйственный) тоже очевиден. Говоря по предлагаемому правилу слитного написания части сложных прилагательных с суффиксальной первой основой, Л.И. Рахманова отмечает, что такие прилагательные характерны для художественной литературы, критических статей и, если писать такие прилагательные слитно, «не будет тем самым уничтожена возможность отразить на письме ту категорию стилистических средств литературной речи, в которой дефис подчеркивал сложное единство разных, порой противоречивых качеств, особенностей предметов, явлений, лиц и которая так важна для характеристики языка, манеры выражения некоторых художников» (Рахманова 1998:31). В некоторых случаях свод новых правил допускает даже двойное написание, что опять-таки оставляет место проблеме.

С точки зрения конкретности / абстрактности значения сложные существительные указанного типа подразделяются на две группы: а) существительные с конкретным значением: *гулла-хер* «боеприпасы», *гланкIу-хIелеко* «домашняя птица»; б) существительные с отвлеченным значением (составляющие компоненты при этом, как правило, имеют также отвлеченное значение): *гIадлу-низам* «порядок», «дисциплина» (*гIадлу* «дисциплина» + *низам* «порядок»), *къадру-къимат* «уважение, почет» (*къадру* «почет» + *къимат* «уважение»), *дагIба-къец* «спор, ссора» (*дагIба* «ссора» + *къец* «спор»), *хIилла-рекIкI* «коварство, хитрость» (*хIилла* «хитрость» + *рекIкI* «коварст-

во»). Примеры: а) существительные с конкретным значением: *хъа-чагъаз гъезда тIад букIараб гIарац-месед бахъана* «Бандиты сняли с них драгоценности» (газ. «Истина» от 20 августа 1996 г.) *Гъез гъарурал бальгоял бакIазда бахчун батана ярагъ, гулла-хер...* «В их тайниках нашли оружие, боеприпасы» (газ. «Истина» от 6 июля 1996 г.); б) существительные с отвлечённым значением: *Гъесда бихъана батIалъиги, раччизе ккана рукъалъул къварилъи-захIмалъабиги* «Он испытал и одиночество, пережить пришлось и трудности» (газ. «Истина» от 20 августа 1996 г.). *Имамас 30 чиясдасанросуль гIуцIун буго гIадлу-низам цIуниязъул комиссия* «Имам создал комиссию из 30-ти человек в селе, чтобы следить за порядком» (газ. «Истина» от 31 августа 1996 г.). Среди сложных существительных такого типа встречаются и структуры, компоненты которых вне сложного образования не имеют самостоятельного значения: *реци-бакъ* «похвала» (*реци* «похвала» + *бакъ*), *куц-мухъ* «вид, внешность, физиономия» (*куц* «вид, внешность» + *мухъ*), *хаба-чIабар* «разговор, беседа» *хабар* «разговор» + *чIабар*?). В последнем случае согласные элементы первого компонента при сложении усекаются (*хаба-р*). По причине непродуктивности таких структур в аварском языке, на наш взгляд, нет необходимости подробно останавливаться на них.

1.4. Некоторые сложные существительные, состоящие из двух форм именительного падежа непрямых существительных, обозначают предметы, совмещающие в себе оба денотата, наименованных составляющими компонентами: *нису-нах* «творог с маслом» (еда) (*нису* «творог» + *нах* «масло»), *ясли-ах* «ясли-сад» (*ясли* + *ах* «сад»), *гIакълу-лъай* «знания, ум, мудрость» (*гIакълу* «ум» + *лъай* «знания»). Примеры: *НекIо заманалда кIудиявин абулаан гIумру би-хъарасда, гIакълу-лъай цIикIкIарасда* «В старину старшим называли увидевшего жизнь, имеющего больше мудрости-ума» (газ. «Истина» от 6 июля 1996 г.) *Грамотаялъе мустахIикълъана росдал ясли-ахалъул... коллектив* «Коллектив сельского ясли-сада был удостоен грамоты» (газ. «Истина»). В русском языке также встречаются аналогичные существительные, образованные без интерфикса, однако по сравнению с существительными, образованными при помощи соединительного гласного, такие существительные представляют более редкий тип: *диван-кровать, вагон-ресторан, лекция-концерт, музей-квартира, опера-балет, дом-музей* и др. Число такого типа существительных, называемых в отдельных лингвистических работах сложно-

соединительными существительными (Рожкова 1987:117), значительно возросло в послеоктябрьскую эпоху: *завод-ав-томат*, *фабрика-кухня*, *город-герой*, *кафе-закусочная*, *кукла-сувенир*, *школа-вуз* и т.д.

1.5. Наряду со сложными существительными, компоненты которых достаточно близки по значению: *буџа-роль* «ячмень-пшеница» (собират. значение), *тлеџ-хер* «растительность, флора» (*тлеџ* «цветок» + *хер* «трава»), *сихІру-макру* «хитрости» (*сихІру* «хитрость, волшебство» + *макру* «коварство»), *сухІмат-бертин* «торжество, пир, веселье» (*сухІмат* «пир, веселье» + *бертин* «свадьба»), *хІалтІи-ниша* «занятия, род деятельности» (*хІалтІи* «работа» + *ниша* «работа», «ремесло»), *џІамал-хасият* «характер, поведение человека» (*џІамал* «характер», «нрав» + *хасият* «характер», «поведение»), *ихтилат-кеп* «веселье» (*ихтилат* «шутка», «забава» + *кеп* «хорошее состояние духа», «наслаждение»), *куц-бегІ* «физиономия» (*куц* «внешний вид» + *бегІ* «лицо, физиономия»), *къварильи-захІмалъи* «горести-трудности», *адаб-хІурмат* «уважение, почитание», (*адаб* «вежливость, учтивость» + *хІурмат* «уважение»), *заџру-зукъум* «яд, отравка» (*заџру* «яд» + *зукъум* «отравка»), *раџІа-ракъан* «край, конец» (*раџІал* «край» + *ракъан* «основание», «крайняя часть»), *џІадамал-чаџІи* «народ, люди» (*џІадамал* «люди» + *чаџІи* «люди»), в аварском языке встречаются и такие сложные существительные (в литературе они типа слова имеют название слов-повторов): Мадиева 1981:68, компоненты которых друг по отношению к другу находятся в антонимических отношениях, хотя при этом данные компоненты обозначают разные стороны одного явления, процесса, предмета (в широком смысле слова): *сордо-къо* «сутки» (*сордо* «ночь» + *къо* «день»), *эбел-эмен* «родители» (*эбел* «мать» + *эмен* «отец»), *рохел-нашманлъи* «радости-горести», *авал-ахир* «конец-край», «конец» (*авал* «начало» + *ахир* «конец»), *бетІер-маџ* «начало и конец», «определенный порядок» (*бетІер* «голова» + *маџ* «хвост»). См. примеры: *Эбел-инсул хІурмат џабизе ккола* «**Родителей** надо уважать». *АнџІла щугосордо-къобана дос туснахъалда* «Пятнадцать **суток** провел он в тюрьме». *Гъельул авал-ахир бихъуларо* «Этому не видно **конца-края**» (М.–С.С., 1967:24). *Рохел-нашманлъицадахъ бикъана џез* «**Горести-радости** (радость и горе) вместе делили они». *Дармилэбел-эменџечІел* (пог.) «У торговли **родителей** не бывает». Такой способ образования сложных слов характерен и для других языков дагестанской ветви иберийско–кавказских языков. Так, например, Ф.А. Га-

ниева отмечает подобные факты в хиналугском языке: «Композиты, компоненты которых представляют синонимы по отношению друг к другу: *цIар-гъаре* «смятение, суматоха», *бой-бохун* «наружность», *чIат-чIукIол* «мелочь», *салам-даьглаь* «особый привет». Композиты, компоненты которых представляют антонимы по отношению друг к другу или контрастируют друг с другом: *ччывыттачкувал* «обстановка»: *ччывы* «сидеть» + *ттачкувал* «вставание», *ттувурвал-чекIурвал* «торговля» (*ттувурвал* «купля» + *чекIурвал* «продажа»), *хаь-кар* «рассыльный» (*хаь* «иди туда» + *кар* «иди сюда»), *гъавар-мусод* «вверх-вниз» (Ганиева 1986:124). В даргинском языке также встречаются сложные существительные с антонимическими композитами: *дуги-хIери* «сутки» («ночь-день»), *неш-дудеш* «родители» («мать-отец»), *узи-рузи* «родственники» («брат-сестра»), *абиз-кабис* «состояние» («вставание-лежание»), *вай-гIяхI* «положение дел» («зло + добро», «нелады-лад») и др. (Абдуллаев 1993: 128).

Сложные существительные и сложные слова других частей речи, образованные сложением (соединением) компонентов антонимической семантики, представлены, например, и в арчинском языке: *мукул-ххалкул* «хорошее-плохое», *бехукул-гъулакул* «размеры по высоте (вертикали): букв. «высота» + «низкость», *къанкул-къантIукул* «отношения между людьми» (*къанкул* «любовь» + *къантIукул* «вражда, ненависть»), *эци-тениши* «в разные стороны» (*эци* «сюда» + *тениши* «туда»). Структуры такого образования в арчинском языке могут быть компонентами фразеологических единиц: *белхIеттам-чIубаттамсинтIу* «черное-белое не знает» (в знач. «ничего не знает»), *йат-къыр ас* «поднять шум: сверху-снизу сделать» (Кибрик и др. 1977).

В современном русском литературном языке, как и в аварском, имеют место так называемые сложносоставные слова-существительные, компоненты которых достаточно близки по значению и находятся поэтому в синонимических отношениях. Как в аварском, так и в русском языках такого типа существительные пишутся через дефис. В обоих сравниваемых языках компоненты данных сложных существительных имеют как конкретное, так и отвлеченное значение (примеры из аварского языка см. выше): *грусть-тоска*, *друг-приятель*, *бал-маскарад*, *заказ-наряд*, *новелла-повесть*, *путь-дорога*, *телега-арба*, *думы-мысли*, *житье-бытие* и т.д. В такого типа существительных в обоих языках соединяемые элементы являются

синонимами, отображающими одно и то же явление с разных точек зрения (примеры см. выше).

В более редких случаях в русском языке, как и в аварском, компоненты анализируемого типа существительных противоположны по своей семантике, следовательно, находятся в антонимических отношениях: *купля-продажа* (обозначается при этом один единый процесс), *приход-расход*, *экспорт-импорт*, *восход-заход*, *запад-восток*, *вопросы-ответы*, *прием-выдача* и др.

Сложные существительные-повторы могут быть образованы соединением двух масдаров в именительном падеже: *пуй-чIвай* «метель, вьюга» (масдары образованы от глаголов *пузе* «дуть», *чIвазе* «ударить»), *л'вай-х'вай* «знакомство» (*л'вай* «узнавание» + *х'вай*-?).

Изменения, происходящие с масдарными основами при сложении, сводятся к следующему:

1) Согласный элемент первого масдара = й может быть пропущен: *квана-гьекъей* «еда и питье» (из: *кванай* = масдар от глагола *кваназе* «есть» + *гьекъей* = масдар от глагола *гьекъезе* «пить»).

2) Масдарно-глагольный корень первой части оформляется формантом *a* (вместо показателя масдара). Один из компонентов при этом (как правило, второй) самостоятельно часто не употребляется и, естественно, не имеет лексического значения: *мал'а-х'вай* // *мал'а-х'ваял* (мн.ч.) «нравоучение, наставления» (из: *мал'и* = масдар от глагола *мал'изе* «учить», *х'вай* = масдар от глагола *х'вазе* «писать»), *тунка-гIуси* «стычка, столкновение» (из: *тунки* = масдар от глагола *тункизе* «толкать» + *гIуси* = ?), *хиса-баси* «изменения» (из: *хиси* = масдар от глагола *хисизе* «изменить» + *баси*), *божа-рокъи* «дружба» (из: *божи* = масдар от глагола *божизе* «верить» + *рокъи* = масдар от глагола *рокъизе* «любить»), *биха-хочи* «растерянность» (из: *бихи* = масдар от глагола *бихизе* «растеряться» + *хочи* = ?), *хутIа-кIучи* «последки, остатки» (от *хутIи* = масдар от глагола *хутIизе* «оставаться» + *кIучи* = ?), *л'угъа-бахъин* «происшествие» (из: *л'угъи* – масдар от глагола *л'угъизе* «стать, становиться» + *бахъин* = масдар от глагола *бахъине* «встать»). В русском языке в семантическом плане масдару соответствуют отглагольные существительные типа *приезд*, *отъезд*, *бросание*, *расходование* и т.д. Следовательно, сложные существительные могут быть образованы соединением отглагольных существительных, хотя такая модель не отличается продуктивностью. Образования такого типа больше носят специальный характер или упот-

ребляются на уровне речи: *включение-выключение, проезд-отъезд, выбрасывание-вбрасывание, приливы-отливы* и т.д. Примеры на употребление в аварском языке : *халкъалда гьоркъоб биха-хочи* ккана «Среди людей произошла **растерянность** (неразбериха)» – М.М. Гьесул *цлерган баццIадаб, роцIараб ботIроль гьанже жура-гьура* букIана «В его стеклянно-чистой, ясной голове теперь была **неразбериха** (мешанина) – М.А. Гьаниб *ХIажимурадица киналго жиндир рагьулал лъугьа-бахьинал рицана* «Здесь Хаджимурат рассказал о всех своих военных **приключениях**» (Л.Т.). *Гьаб гара-чIвари* ккана *участкаялгул начальникасул канцеляриялда* «Этот **разговор** произошел в канцелярии начальника участка» (М.К.) *Хадуб росулъ букIана кIудияб квана-гьекъей, ихтилат-кеп* «Потом в селе были **пиршество, веселье**» (газ. «Истина» от 20 августа 1996 г.). *Тамашаяб лъугьа-бахьингун дандчIвана гIалимзаби* «С удивительным **явлением** столкнулись ученые» (газ. «Истина» от 9 июля 1996 г.). *Къаси-къаси гьарулаан малъа-хъваял* «Вечерами давал **наставления**» (газ. «Истина» от 19 декабря 1996 г.). *30 абилеб соназул ахиралда ккана кIудияб тарихияб лъугьа-бахьин* «В конце 30-х годов произошло большое историческое **событие**» (газ. «Истина» от 29 августа 1996 г.).

1.6. Отдельные сложные существительные – повторы объединяют компоненты, самостоятельно не употребляемые носителями в речи: *багъа-бачари* «шевеление, движение» (*багъа* = усеченная часть от глагола *багъаризе* «шевелиться»), *гара-чIвари* «разговор, беседа» (*гара* = ?, *чIвари* = ?), *букъа-бутIи* «грызение». В строгом смысле существительные такой модели образованы от соответствующих сложных глаголов: *багъа-бачаризе* «шевелиться», *гара-чIваризе* «беседовать, разговаривать», *букъа-бутIизе* «грызть». В этом смысле сложение – повтор как способ образования следует отнести не к субстантивам, а к глаголам. В данном же случае речь идет не о способе образования, а о морфологической структуре составляющих компонентов. Вместе с тем в аварском языке имеют место слова-повторы, не связанные с глаголами и образованные сами по себе: *цIех-рех* «распросы» (*цIех* = усеч. форма от глагола *цIехезе* «спрашивать» + *рех*), «допрос»; *хутIа-кIучи* «остатки, отбросы» (*кIучи* = ?). *ЦIех-рех гьабулаго Р.Г. гьабураб такъсиралье мукIурлъана* «При **допросе** Р.Г. признался в совершенном преступлении» (газ. «Истина» от 20 августа 1996 г.). *Мажгиталда жаниб диналда хурхараб гурони гара-чIвари гьабизе бегьуларо.* «В мечети можно вести **разговоры**

только о религии» (газ. «Истина» от 6 июля 1996 г.). В отдельных работах по дагестанским языкам отмечаются случаи образования таких существительных, относящихся к специальной лексике. Так, например, отмечен факт наличия их в чамалинском языке для выражения понятий, относящихся к животноводству: *йела-квин* «годовалый кастрированный баран» (*йела* = ? + *квин* «баран»), *сала-квин* «кастрированный баран до 1-го года» (*сала* = ? + *квин*), *непа-квин* «кастрированный баран от 2-х до 3-х лет» (*непа* = ?), *эхва-квин* «кастрированный баран от 3-х до 4-х лет» (Магомедова 1986:36).

Отдельные сложные слова, образованные при помощи повторов со звуковыми изменениями, употребляются в аварском языке только в сочетании с другими словами (например, в сочетании с глагольной лексемой *гъабизе* «делать»): *ракI-макIгъабизе* «успокаивать» (букв. *ракI* «сердце» + *макI* от *ракI* + *гъабизе* «делать»): *Гъель ракI-макI гъабулеб букIана Гулишатие* «Она **успокаивала** Гулишат» (Ф.А.).

Существительные, входящие в подгруппы 1.3., 1.4., 1.5., в аварском языке достаточно регулярно употребляются в разных стилях речи, в том числе в газетно-публицистической речи. Ниже приводятся примеры употребления такого типа сложных существительных, взятые нами из аварской республиканской газеты *ХIакъикъат* «Истина»: *БукIана ихтилат-кеп, торгло хIаялъул, рекериялъул къецад* «Было **веселье** (букв. «веселье-отдых»), соревнования по волейболу, бегу» (№ 158 от 27 августа 1996 г.); *КIуго-лъабго сагIаталъул хабар-кIалги ккана араб гъатIан къоялъ* «Была двух-трехчасовая **беседа** (букв. «беседа-рот») в прошлое воскресенье» (№ 124 от 9 июля 1996 г.); *Нилъер унго-унгояб лъай-хъвай ккана араб гъатIан къоялъ* «Наше настоящее **знакомство** (букв. «узнавание-писание») произошло в прошлое воскресенье» (там же); *ДагIба-къецалда вуго кIуго чи* «Два человека в **спорах** (букв. «в ссоре-споре»); *Росуль гIуцIуцун буго гIадлу-низам цIуниялъул комиссия* «В селе создана комиссия по сохранению (наведению) **порядка** (букв. «дисциплины-порядка»); *Свeра-хъверулаго гъенив дир яцалъул вас дандчIвана ва цIех-рех гъабуна* «Во время гуляния там встретился сын сестры и **расспросил** кое о чем (букв. «сделал распросы») – газ. «Истина» от 6 июля 1996 г. *Цо-цо чагIазулгун букIараб гара-чIвариялдасан бичIчIана гъениб гъан-жеги гIадамазул иш-яшав квеш гъечIолъи*. «Из **бесед** с отдельными людьми поняли, что там и теперь **жизнь** (жизнь-бытье) неплохая»

(газ. «Истина» от 6 июля 1996 г.)

Отдельные сложные существительные расширили свою семантику: новые значения появились под влиянием соответствующих по семантике слов русского языка (в основном это слова общественно-политического содержания: *Клябго рахъаль лъазабуна Назраналда ва Москваялда гъарурал къотлу-къайл цлунизе* «Обе стороны заявили о соблюдении договоренностей, достигнутых в Назрани и в Москве» (газ. «Истина» от 20 августа 1996 г.). Первичное значение существительного *къотлу-къай* (*къотлу* = масдар от глагола *къотлузе* «резать» + *къай* = масдар от глагола *къазе* «сжимать») – это «обещание, достигнутое в беседе; взаимные обязательства». Расширило свою семантику и слово *ахIвал-хIал* «состояние» (обычно о человеке); новое значение связано с определенным положением, состоянием на каком-либо предприятии, в отрасли производства и т.д.: *Пашманлъизарулеб ахIвал-хIал батана цлияв директорасда МЖСалда* «Опечаливающее состояние увидел новый директор на МЖС» (газ. «Истина» от 21 сентября 1996 г.). К такого типа словам, расширившим семантику, можно отнести и сложные существительные другой структуры: *церахъин* (*артистазул*) «выступление» (артистов): букв. «вперед» + *рахъин* «выход» = масдар от глагола *рахъине* «выходить»), *дандчIвай* «свидание» (в тюрьме), *цебельей* «указание» (*цебе* «впереди + *лъей* = масдар от глагола *лъезе* «ставить, класть») и т.д. См. примеры: *Нильер артистазул церахъин узухъда рецалье мустахIикъаб буго* (газ. «Истина» от 6 июля 1996 г.) «**Выступления** наших артистов действительно заслуживают похвалы». *Гъебги хIисабалда босун, прокурорас 12 цебельей хъван буго райадминистрациялде* «На этом основании прокурор написал (отправил) в адрес администрации 12 **указаний**» (газ. «Истина» от 30 мая 1996 г.). *МухIамад хадусел дандчIваяздаса махIрум гъавуна* (газ. «Истина» от 6 июля 1996 г.) «Магомеда лишили дальнейших **свиданий**». Во всех случаях структура сложных существительных, расширивших свою семантику, одинакова: наречный компонент + масдар в именительном падеже.

2. Вторую модель в аварском литературном языке образуют такие сложные существительные, семантически опорным компонентом которых является **второй компонент в форме именительного падежа, а первый компонент представлен формой родительного (определяющего) падежа**. С.З. Алиханов считает, что такого типа сложные слова образованы от лексикализованных и нелексикализо-

ванных словосочетаний (Алиханов 1994:11). Однако характеристика данной модели словосложения у С.З. Алиханова на этом завершается. Вместе с тем семантические отношения, в целом характеризующиеся как определительные, в этом типе модели разнообразны, в зависимости от чего можно выделить различные подтипы в пределах второго типа сложения основ. Кроме того, следует отметить, что одни сложные существительные, образованные по данной модели, отличаются фразеологической семантикой (может происходить полная или частичная фразеологизация): *ччугIиgIин* «ракушка» (из: *ччугIил* – р.п. от *ччугIа* «рыба» + *gIин* «ухо» = «рыбье ухо»), *цIцIеллльар* «рожки» (плоды): из: *цIцIел* – р.п. от *цIцIе* «коза» + *лльар* «рог» = «козий рог»), *лъарахIинчI* «синица» (из: *лъарал* «речки» + *хIинчI* «птица»), у других же существительных общее значение складывается из суммы значений составляющих компонентов и, следовательно, отличаются достаточно прозрачной семантикой: *накIкIугъветI* «сосна» (из: *накIкI* «сосна» + *гъветI* «дерево» = «сосновое дерево»), *тIаждарухъен* «веревочка для штанов» (из: *тIаждал* – р.п. от *тIажу* «штаны, брюки» + *рухъен* «брюки»), *хасалимех* «зима» (из: *хасалил* – р.п. от *хасел* «зима» + *мех* «время»), *хасалигIеч* «зимние яблоки» (*хасалил* «зимы» + *гIеч* «яблоки»), *магIарзулкъалал* «ноздри» (*магIарзул* «носа» + *къалал*).

Фразеологичностью семантики отличаются многие сложные существительные, образованные по модели «Р.п. сущ. + И.п. сущ.»: *цIарагI* «посуда» (из: *цIадул* – р.п. от *цIа* «огонь» + *рагI* «посудина»), *гъвелрахъ* «молочай» (из: *гъвел* – р.п. от *гъве* «собака» + *рахъ* «молоко»), *цIороберал* «очки» (из: *цIорол* – р.п. от *цIер* «стекло» + *берал* «глаза»), *гъанамагI* «мозоль» (из: *гъанал* – р.п. от *гъан* «мясо» + *магI* «гвоздь»), *кванирукъ* «желудок» (из: *кванил* – р.п. от *квен* «еда» + *рукъ* «дом»), *къоркъотIамах* «мать-и-мачеха» (из: *къоркъол* – р.п. от *къверкъ* «лягушка» + *тIамах* «лист») и др. Обращает на себя последнее слово–название травы, построенное по модели «Сущ. (р.п. = название животного)» + «лист»; ср. аналогичные названия: *хIамизаз* «колючка», «*осот*» (букв. «осла колючка»), *цидуквачI* «медвежья лапа» (бот.). Аналогичного типа названия трав представлены, к примеру, и в абазинском языке: *ажъахIвра* «ковыль» (букв. «зайца трава»), *къазхIвра* «горец птичий» (букв. «гуся трава»), *шварахIвра* «мята длиннолистная» (букв. «оленья трава»). Такой моделью объединяются в абазинском языке сложные наименования, где определением служит название человека, животного, птицы, насекомого, а определяемым

словом – лексема со значением «трава», «лист», «былинка», «цветок»... (Смыр 1998:135).

Приведенные примеры свидетельствуют, что в одних случаях первый компонент сложных существительных в аварском языке выступает в полной форме родительного падежа, а в других – в усеченной (обычно отсекается формант родительного падежа = л с гласным элементом или без него): а) случаи сохранения полной формы родительного падежа: *цIцIеллльлар* «рожки» (плоды: *цIцIел* «козы» + *лльлар* «рог»), *болнух* «тракт, широкая дорога» (*бол* «народа» + *нух* «дорога»), *цIадалхIама* «улитка» (*цIадал* «дождя» + *хIама* «осел»), *бакъулунти* «лихорадка» (*бакъул* «солнца» + *унти* «болезнь»), *гIурулхоно* «обточенный водой речной камень» (*гIурул* «реки» + *хоно* «яйцо»), *болмацI* «народный язык, койне аварское» (*бол* «народа» + *мацI* «язык»), *цIадалхIама* «улитка» (*цIадал* «дождя» + *хIама* «осел»), *рузилтинчI* «совенок» (птенеца совы).

Однако абсолютное большинство сложных существительных характеризуемой модели образуется б) соединением усеченной формы родительного (определяющий компонент) падежа с формой именительного падежа, являющейся опорным (главным) компонентом и в грамматическом, и в семантическом плане: усечение формы родительного падежа при словосложении существительных следует, видимо, рассматривать как морфонологическое явление, ибо процесс этот происходит регулярно и выступает в виде одного из критериев (необходимого условия) словосложения. Образованное таким образом сложное слово, как правило, пишется слитно в отличие от сочетания полной формы родительного падежа при определяемом существительном в свободных словосочетаниях: ср. *накIкIул гъветI* «сосновое дерево» – *накIкIу (л)гъветI* «сосна», *ралъдал рагIал* «берег моря» – *ралъдагъой* (из: *ралъдал* «моря» + *гъой* «собака») «тюлень», *нартил махI* «запах керосина» – *нартичирахъ* «керосиновая лампа» (из: *нартил* «керосина» + *чирахъ* «лампа», «светильник»), *харибакI* «сенокос» (из: *харил* «сена» + *бакI* «место») – ср. *харил гIарахъ* «скирда сена», *магIурукъ* «место[комната], где оплакивают покойника» (из: *магIул* «слез, плача» + *рукъ* «комната»), *мохрочалаби* «дугообразное деревянное приспособление, надеваемое на каток» (для трамбовки крыши у горцев) (из: *мохрол* = р.п. от *михир* «каток» + *чалаби* «галун, тесьма» (мн.), *чанидегIен* «дикий козел» (из: *чанил* «тура» + *дегIен* «козел») – ср. свободное сочетание *чанилльурдул* «рога

тура». См. примеры на употребление в тексте слов указанной модели: *Росда цебе цун бугеб **наКІлурохъосан** бачІунеб гІажаибго берцинаб махІги цебеса унаро* «Не забывается запах **соснового леса**, растущего близко от села» (газ. «Истина» от 6 июля 1996 г.). *Босада бугоан цо рузилтІинчІ* «В гнезде находился **совенок** (птенец совы)». *МагІурукъоббуго гІемераб халкъ* «В комнате, где **оплакивают покойника**, много людей» (М.-С.С., 1967:327). *Киналго руччаби харибакІалде ана* «Все женщины пошли на **сенокос**». *Дир кванирукъ унтун буго* «У меня болит **желудок**». *БорхъикартІинибе квер бегъуче* «В **змеиную нору** руку не всовывай» (пог.). *ГенугъотІодаса гІеч чІваге* «С **грушового** (букв. «груши») **дерева** яблоко не сбивай» (пог.). *Мун лъикІабилан абуні, хІамикІертги бохулебила* «Если похвалить, и **осленок** радуется» (пог.). *НаКІлигъотІода нихъ бижуларо* «**На сосне** фрукты не растут» (пог.).

Относительно орфографии такого типа слов писал еще Г. Пауль. Говоря о возможностях перехода сочетаний слов в сложные целые, он отмечал: «Переход от синтаксического сочетания к сложному слову является столь постепенным, что между ними нельзя провести четкой грани. Это обнаруживается уже в колебаниях орфографии современных языков относительно слитного или раздельного написания многих образований; такие колебания привели в некоторых случаях к промежуточному способу написания с использованием тире (дефиса). В английском языке раздельное написание очень часто встречается там, где в других письменных языках обязательным является слитное написание. В средневерхненемецком даже те сложные слова, которые образованы по индоевропейскому типу, очень часто писались раздельно» (Пауль 1960:388). Как видно из рассуждений Г. Пауля, вопрос об орфографии сложных слов во все времена был для разных языков актуальным и неоднозначно решаемым. Разные источники аварского языка (в том числе и справочного характера) одни и те же слова дают в разной орфографии, что затрудняет как определение статуса этих слов, так и сопоставительный анализ такого материала в разносистемных языках. Для аварского и других дагестанских языков данный вопрос остается спорным и актуальным.

Сказанное имеет отношение к литературным (письменным) и бесписьменным дагестанским языкам. Так, например, А.К. Абдуллаев в работе, посвященной словообразованию в цезском языке, отмечает, что вопросы словосложения не получили в специальной литературе

достаточно полного освещения (Абдуллаев 1981:9). Он же отмечает, что важнейшим признаком сложного слова является единство значения, часто отличного от значения составляющих его компонентов. В качестве такого примера А.К. Абдуллаев приводит существительное *мужи-къури* «постельные принадлежности» (букв. «матрац-табуретка»). Другим признаком сложного слова, по его мнению, является структурная и грамматическая целостность, т.е. «невозможность вставить в середину композита другое слово и грамматическое изменение сложного слова как единого целого» (с. 9).

Указывая на словосложение как на один из продуктивных способов образования имен существительных в гинухском языке, Х.С. Вакилов отмечает, что вопрос о разграничении сложных слов и словосочетаний для дагестанских языков остается важнейшей проблемой (Вакилов 1998: 18). Вакилов так же, как и А.К. Абдуллаев, одним из критериев сложности слова называет невозможность вставить в середину композита другое слово. Кроме того, «сложное слово синтаксически функционирует в качестве одного члена предложения» (с. 18). Однако не все здесь так уж просто. Если первый признак, а именно – невозможность вставки в середину композита другого слова, можно и считать одним из критериев сложного слова (заметим, этот же критерий берется во внимание, когда речь идет о слитном, полуслитном или раздельном написании разных частей речи), то второй признак синтаксического порядка достаточно неоднозначен и уязвим, ибо в качестве одного члена предложения функционируют и фразеологические (сверхсловные!) единицы: в этом случае возникает проблема разграничения собственно фразеологической единицы и сложного слова, скажем, с фразеологичной семантикой. Это имеет существенное значение для дагестанских языков, где фразеологизированные сложные структуры выступают в качестве первичных и единственных наименований предметов, явлений, признаков. Таким образом, вопрос, поднятый нами, достаточно многоаспектный и не совсем простой. Неодинаковые орфографические написания в разных источниках у разных авторов для одного и того же языка (в том числе и аварского) свидетельствуют о том, что вопрос требует решения не для одного из дагестанских языков, а для дагестанских языков в целом, исходя из их специфики и исторического развития. Вопрос о цельнооформленности сложного слова является актуальным и для современного русского языка. В связи с этим в литературе отмечается,

что «показателями цельнооформленности сложного слова являются закрепленный порядок компонентов, единое ударение (обычно на последней части), а также отсутствие изменяемости (при склонении) у начальных членов сложений, в том числе и тех, которые не имеют соединительной гласной» (Современный русский язык 1981:204). Однако в ряде случаев признак несклоняемости первого компонента оказывается факультативным, ибо сложносоставные существительные, например, в русском языке делятся на две группы: а) те, у которых склоняются обе части: *ангел-хранитель, блуза-рубашка, врач-ортопед, воротник-стойка, генерал-майор, город-герой, дом-музей, дом-новостройка, магазин-салон, новелла-повесть, лекция-концерты* б) те, у которых склоняется только одна часть: *брюки-галифе, рукав-реглан, брутто-вес, мини-халат, царь-девица, лорд-мэр, жар-птица, вольт-секунда, гамма-частица, мини-юбка, нетто-вес, нетто-энергия* и др.

Особым вопросом в русском языке является вопрос о единицах типа *телеателье, фотопленка, киноаппарат*, у которых первые части тяготеют к разряду аналитических прилагательных, поэтому такие единицы представляют собой промежуточные явления между словосложением и аналитическими прилагательными. Это одно из существующих мнений относительно статуса характеризуемых единиц (там же, с. 204-205). Отвечая на вопрос о том, почему слова типа *телеателье*, не оформленные морфологически как прилагательные, близки к прилагательным, исследователи ссылаются на то, что окончания прилагательных в русском языке в большинстве случаев лишены собственного содержания и выполняют либо чисто связывающую, либо дублирующую функцию. «Это является объективной предпосылкой того, что в русском языке увеличивается число словоформ, которые по значению и синтаксическим свойствам являются прилагательными, однако не обладают морфологическими характеристиками обычных прилагательных, например, лексемы, состоящие из одной словоформы, как *хаки, беж, люкс, нетто, брутто, хинди, урду* и т.п. По мнению некоторых исследователей, к лексемам этого типа тяготеют первые части таких единиц, как *телеателье, радио-магазин, фотолаборатория, плавбаза* и т.п. Без сомнения, *теле-, радио-, фото-*в упомянутых лексемах не могут рассматриваться как обычные части сложного слова: достаточно велика их семантическая и фонетическая самостоятельность. Однако и полной самостоятельности эти

единицы не имеют: они не могут относительно свободно перемещаться в предложении» (Современный русский язык 1981:293). Об аналитических прилагательных типа *телеателье* пишет и М.В. Панов (1971).

Выше отмечалось, что семантические отношения между компонентами характеризуемых сложных существительных в аварском языке могут быть разными, хотя в целом функция этого компонента может быть охарактеризована как определительная.

Анализ материала, собранного нами, позволяет выделить следующие разновидности (подтипы второго типа):

2.1. Второй (опорный) компонент (существительное в и.п.) обозначает предмет, а первый (определяющий) компонент служит конкретизатором значения опорного слова: *пахьукъебед* «медник, лудильщик» (из: *пахьул* «меди» + *къебед* «мастер по металлу», «кузнец»), *маххукъебед* «кузнец» (из: *маххул* «железа» + *къебед* «мастер по металлу»), *бачавехь* «телячий пастух» (из: *бачазул* «телят» + *вехь* «пастух», «чабан»), *Глачивехь* «пастух при стаде коров» (из: *Глациязул* «коров» + *вехь* «пастух»), *Глакданах* «сливочное масло» (из: *Глакдал* «корова» + *нах* «масло»), *каругъветI* «тутовник, тутовое дерево», из: *карул* «шелковицы» + *гъветI* «дерево»), *накIкIигъвет* «сосна, сосновое дерево» (из: *накIкIил* «сосны» + *гъветI* «дерево»), *гъадигъветI* «липа» (из: *гъадил* «липы» + *гъветI*), *гъадирохь* «липовая роща» (из: *гъадил* + *рохь* «лес»), *накIкIирохь* «сосновый лес» (из: *накIкIил* «сосны» + *рохь*) и др.

2.2. Второй компонент обозначает предмет, являющийся частью целого, названного первым компонентом: *пурицимах* «лемех» + *пурицил* «плуга» + *мах* «железо»), *гъакибер* «колесо арбы» (из: *гъакил* «арбы» + *бер* «колесо»), *гъакихIос* «передняя ось арбы» (из: *гъакил* «арбы» + *хIос* «ось»), *кутнамахх* «лемех» (из: *кутнал* «плуга» + *махх* «железо»), *ризиллага* «лопатка-анат.» (*ризил* = ? + *лага* «часть тела»), *ицубетIер* «начало источника» (из: *ицул* «родника» + *бетIер* «голова»), *сумагIучI* «соломинка» (из: *сумал* «соломы» + *гIучI* «былинка», «стебель»); в данном случае произошла метафоризация значения, *гъадиквачI* «гусиная лапка», *гIоштIогIоркъ* «топорище» (из: *гIоштIол* «топора» + *гIоркъ* «рукоятка, ручка»), *гIурумухь* «русло реки» (из: *гIурул* «реки» + *мухь* «линия»).

2.3. Первые компоненты указывают на назначение предметов, обозначенных опорными вторыми компонентами-

существительными: *бидурихь* «кровеносный сосуд», т.е. «сосуд для крови», (*бидул* «крови» + *рихь* «кровеносный сосуд», «жила»), *богоруць* «кухня» (из: *богол* «ужина» + *рукь* «комната», т.е. «комната для ужина»), *ругънахер* «подорожник» (из: *ругънал* «раны» + *хер* «трава»), *гъакинух* «дорога для арбы», *хланчлибусен* «птичье гнездо» (– «гнездо для птицы»), *чохъохер* «лекарственная трава для снятия болей в животе» (из: *чохъол* «живота» + *хер* «трава»), *магъичлел* «сторож для пашни» и др.

2.4. Первые компоненты указывают на то, из какого материала сделаны предметы, обозначенные опорными (вторыми) существительными: «материал + предмет из материала». Ряд сложных существительных такой структуры имеет фразеологический характер: произошло переосмысление значений компонентов или происходит наращение смысла (появляются фразеологические добавки): *тлатлучед* «круг из сала» (букв. «сала хлеб»), *хледучирахь* «свеча» (из: *хледул* «воска» + *чирахь* «светильник»), *гъацлучед* «мед в сотах» (из: *гъацлул* «меда» + *чед* «хлеб»), *нисухинкI* «вареники с творогом» (из: *нисул* «творога» + *хинкI* «вареник»), *суматлагъур* «соломенная шляпа» (из: *сумал* «соломы» + *тлагъур*), *хъвацлихъитал* «кожаные чарыки» (из: *хъвацлил* «кожи» + *хъитал* «обувь»), *гъадимокъ* «липовые жерди» (из: *гъадил* «липы» + *мокъ* «жердь»), *хлатлукъали* «глиняный улей» (*хлатлул* «глины» + *къали* «бочка») и др.

2.5. В ряде сложных существительных характеризуемой модели в результате переосмысления значений составляющих компонентов, сращения смыслов произошла полная фразеологизация общей семантики. Значение таких сложных существительных не может быть выведено из суммы прямых значений составляющих компонентов: *хламизаз* «колючка», «осот» (из: *хламил* «осла» + *заз* «колючка»), *ралъдагъой* «тюлень» (из: *ралъдал* «моря» + *гъой* «собака»), *хламихинкI* «съедобная трава» (из: *хламил* «осла» + *хинкI* «хинк»: кусочек вареного теста), *цидалхелеко* «недотрога» (из: *цидал* «зла», «злости» + *хелеко* «петух»), *хламирачI* «хвойник конский» (из: *хламил* + *рачI* «хвост»), *къоркъотламах* «мать и мачеха» (из: *къоркъол* «лягушки» + *тламах* «лист»), *магъизаз* «осот» (из: *магъил* «поля» + *заз* «колючка»), *бацликIал* «приспособление для снятия фруктов» (из: *бацлил* «волка» + *кIал* «пасть»), *хъвацликIал* «тупица» (из: *хъвацлил* «кожи» + *кIал* «рот»), *гIачимухъ* «Млечный Путь» (из: *гIачиязул* «коров» + *мухъ* «линия»), *цлумагъедо* «альпийская галка» (из: *цлумал* «орла» + *гъедо*

«ворон»), *зазигІункІкІ* «белка» (из: *зазил* «колючки» + *гІункІ* «мышь»), *цидуквачІ* «борщевик», «медвежья лапа»), *бацІумІагъур* «шут, клоун» (из: *бацІул* «волка» + *тІагъур* «шапка»).

Способ сложения первого компонента, выраженного родительным падежом существительного, и второго существительного в номинативе, по мнению Г. Пауля, достаточно древен и имеет место в различных языках. Образование сложных слов по этому принципу, по его мнению, «происходит на наших глазах, в его основе всегда лежит синтаксическое сочетание первоначально самостоятельных элементов. Такое сочетание может быть образовано самыми различными элементами. Так, сложные слова возникают из сочетания формы родительного падежа с управляющим существительным» (Пауль 1960:386). Живым и продуктивным способом образования сложных слов наряду с указанным Пауль считает и образование сложного целого из сочинительного сочетания двух существительных, а также из аппозитивного сочетания двух прилагательных или же из сочетания наречия с прилагательным, что далеко не всегда можно четко разграничить (Там же, с. 387).

Одним из психологических моментов восприятия сочетания слов в качестве сложного слова служит то обстоятельство, отмечает Г. Пауль, что лежащее в основе сложного слова словосочетание может быть воспринято как выражение единого понятия. Однако при всем этом оказывается, что далеко не все сложные образования, которые являются выражениями единого понятия и которые могут быть заменены либо в том же языке, либо при переводе на другой язык одним словом, воспринимаются нами как сложные слова и пишутся слитно. «Как правило, требуется еще одно условие, являющееся по существу решающим для возникновения сложного слова. Необходимо, чтобы сочетание в целом было каким-то образом обособлено по отношению к тем элементам, из которых оно состоит» (Пауль 1960:390).

Говоря об обособлении, Г. Пауль, естественно, не мог не обратить внимания на возможную при этом фразеологичность (фразеологизацию) семантики сложного целого. В этой связи он отмечает: «Началом обособления обычно служит то обстоятельство, что синтаксическое сочетание получает такое значение, которое не совпадает полностью с суммой значений составляющих его элементов» (Там же, с. 391).

Что касается модели «р.п. сущ. + сущ. в и.п.», о которой шла речь выше, необходимо заметить, что в таких образованиях, как было видно из примеров, сочетание в целом получает более конкретное и определенное содержание, чем то, которое вытекает из суммы значений составляющих компонентов. Определительный (первый) компонент подчеркивает, выделяет на первый план какой-либо один отличительный признак: форма, материал, качество и т.д. (см. выделенные выше семантические группы). При полном превращении сочетания определительного генитивного компонента с определяемым номинативным компонентом в сложное слово могут произойти дальнейшие изменения, в результате которых определение теряет свое прямое значение.

Еще один важный момент в теоретических рассуждениях Г. Пауля, на который следует обратить внимание, заключается в следующем: «Если синтаксическое сочетание слилось в лексическую единицу, то дальнейшая судьба этого нового слова будет полностью определяться аналогией с простыми словами... Значительному обогащению языка способствует тот факт, что от сложных слов, возникших в результате объединения словосочетаний, образуются такие же производные формы, как и от простых, и что сложные слова наравне с простыми могут служить составными частями новых сложных слов» (Пауль 1960:280). В этом плане показательны следующие примеры из аварского и русского языков. Ав.: *эбел-эмен* «родители» – *эбел-эмен-лъи* (гъабизе) – (выполнить) *обязанности родителей*, *гIарац-месед* «драгоценности» – *гIарац-меседилаб* «драгоценный». Рус.: *лесостепь-лесостепной*, *северозапад* – *северозападный*, *лесозаготовка* – *лесозаготовочный*, *хлебозакупки* – *хлебозакупочный*. Модель «Краткое прил. + И.п. сущ.». В третий тип (модель) входят сложные существительные, первым компонентом которых является корневая часть прилагательного, формально совпадающая с кратким прилагательным. Второй (опорный) компонент представлен в форме существительного в именительном падеже: *хъахIракъ* «белая глина, употребляемая как белила» (из: *хъахIлаб* «белая» + *ракъ* «земля»), *хъахIцIибил* «сорт винограда» (букв. «белый виноград»), *чIегIергъоло* «конские бобы» (из: *чIегIераб* «черный» + *гъоло* «горох»), *бакъвачIагIа* «густая буза» (из: *бакъвараб* «сухая» + *чIагIа* «буза») и др. Часть сложных существительных характеризуемой модели имеет фразеологический характер.

Семантические отношения между компонентами подобных сложных существительных носят неоднозначный характер:

3.1. Часть сложных существительных данной модели в качестве первого компонента содержит цветообозначения: *баглармесед* «чистое золото» (из: *баглараб* «красное» + *месед* «золото»), *багларгьоло* «фасоль» (из: *баглараб* + *гьоло* «горох»), *багларгеч* «сорт красных яблок» (из: *баглараб* + *геч* «яблоко»), *гIурччинхер* «зеленая трава» (*гIурччинаб* «зеленый» + *хер* «трава»), *гIурччинпер* «зеленый лук» (из: *гIурччинаб* + *пер* «лук»), *хъахIмахх* «жесть» (из: *хъахIаб* «белое» + *махх* «железо»), *хъахIаз* букв. «белая колючка», *чаргьеду* «сорока» (из: *чараб* «пестрый» + *гьеду* «ворона», «ворон»), *чIегIеркари* «тамовник черный», *чIегIерзаз* «колючий кустарник» (из: *чIегIераб* «черный» + *заз* «колючка»), *чIегIеракь* «чернозем» (из: *чIегIераб* + *ракь* «земля»), *чIегIерцIубил* «сорт черного винограда» (из: *чIегIераб* «черный» + *цIубил* «виноград»), *канагIборохь* «уж» (из: *канагIаб* «коричневый» + *борохь* «змея»), *хъахIбер* «белок глаза» (из: *хъахIаб* «белый» + *бер* «глаз»), *чIегIерхIинчI* «грач» (из: *чIегIер* «черная» + *хIинчI* «птица»), *чIечIерхер* «душица» (бот.: из *чIечIераб* «черный» + *хер* «трава»).

3.2. В другой части сложных существительных данной модели первые компоненты обозначают различные признаки – размер, возраст, качество: *бакъвачIагIа* «густая буза» (из: *бакъвараб* «сухая» + *чIагIа* «буза»), *бихьинбече* «теленок-самец»; пример взят из словаря Саидова 1967 : 92 (из: *бихьинаб* «мужского пола» + *бече* «теленок»), *гIатIиракь* «плоскость, равнина»; «целинные земли» (из: *гIатIидаб* «широкая» + *ракь* «земля»), *гIисиннихь* «алыча» (из: *гIисинаб* «мелкий» + *нихь* «плоды»), *тIеренчед* «лепешка, тонкий хлеб» (из: *тIеренаб* «тонкий» + *чед* «хлеб»), *гьитIинкилиць* «мизинец» (из: *гьитIинаб* «маленький» + *килиць* «палец»), *чIахIахатI* «вид крупного почерка» (из: *чIахIаяб* «крупный» + *хатI* «почерк»), *бегIергIучI* «запор» (дверной: из: *бегIераб* «острый» + *гIучI* «затычка»), *гIисинльи* *гIисинльимал* «детушки» (из: *гIисинал* «маленькие» + *льимал* «дети»), *цIекIгIеч* «сорт кислых яблок» (*цIекIаб* «кислый» + *гIеч* «яблоко»).

В части существительных анализируемого типа произошла полная или частичная фразеологизация значения: *бесдалмахIо* «малая берцовая кость» (из: *бесдалаб* «сирота» + *махIо* «нога»), *лъамамесед* «ртуть» (из: *лъамааб* «жидкий» + *месед* «золото»), *тIокIцIар* «прозвище» (из: *тIокIаб* «особое» + *цIар* «имя»), *чIегIерхIайван* «крупный

рогатый скот» (из: *чIегIераб* «черный» + *хIайван* «животное»), *беца-бакь* «слепая кишка, аппендикс» (*бецаб* «слепая» + *бакь* «кишка»), *цIекIгъан* «поджелудочная железа» (из: *цIекIаб* «горькое» + *гъан* «мясо»), *хъахIбер* «белок глаза» (из: *хъахIаб* «белый» + *бер* «глаз») и некоторые другие. Примеры на употребление слов разновидностей данной модели в тексте: *ГIисинлъималаз кечI ахIеян абуниги гъесул инкар букIунаро...* «Хоть дети попросят его спеть, он не отказывается» (газ. «Истина» от 6 июля 1996 г.). *ЧIахIахатIаль хъвана дица кагъат* «**Крупным почерком** написал я письмо». *Цо гIолохъанаб гIалаяль бетIер гъайбатго къулизабун буго, гIурччинхергун басандулеб буго* «Одна молодая кобылица голову красиво опустила, с **зеленой травой** играет...» (М.С.). *Нижеда бихъана чаргъедол босен* «Мы увидели гнездо **сороки**». *ГъветI бугеб бакIалда бихъинкетуги цIцIеги хъихъугейила* «Где дерево растет, там не держи **кота** и козу» (пог.).

В качестве разновидности данной модели может быть рассмотрена структура, в которой представлена усеченная форма причастия в качестве первого компонента (усекается аффикс причастия с классно-числовым показателем) и существительное в номинативе: *бетарахъ* «простокваша» (*бетараб* «свернувшееся» + *рахъ* «молоко»), *биаранах* «топленое масло» (*биараб* «растопленное» + *нах* «масло»), *цIурачед* «пирог с начинкой» (*цIураб* «начиненный» + *чед* «хлеб»), *цIурахинкI* «вареник» (*цIураб* + *хинкI* «хинкал»), *цIуражо* «колбаса» (*цIураб* + *жо* «вещь»), *бижаражо* «фурункул» (*бижараб* «выросший» + *жо* «вещь»).

Модель образования сложных существительных «краткое прилагательное + существительное в номинативе», представленная в аварском литературном языке, имеет соответствующую по структуре и семантике модель в современном русском языке: «основа прилагательного + существительное» (в отличие от аварского языка, в русском обязательно в сложении основ принимает участие интерфикс), т.е. компоненты сложного прилагательного всегда соединяются при помощи соединительного гласного: *сухофрукты* (сухие + о + фрукты), *вольн- (о)-слушатель*, *драг- (о)-ценности*, *сух- (о)-дол*, *новостройка* (– новая стройка), *кривотолки*, *первоисточник* (первый источник) и др. Даже эта немногочисленная группа сложных существительных свидетельствует о том, что их семантика может быть некоторым образом осложнена фразеологическими добавками (как их принято называть в лингвистической литературе): ср. *кривотолки*

«неправильные, неосновательные рассуждения, сплетни» (в словаре С.И. Ожегова, к примеру, выделяются два значения слова «кривой»: 1. не прямой, изогнутый; 2. слепой на один глаз (разг.)). Что касается переносного употребления слова «кривой» в значении «выражающее недоброжелательство» (см. **кривая улыбка**), то оно также не совсем совпадает с тем значением, которое формируется у данного слова в составе сложного существительного («неосновательные рассуждения»). Слово **сухофрукты** также не обозначает просто «сухие фрукты» (это сушеные специальным образом фрукты и не все фрукты).

4. В четвертой модели «**И.п. сущ. + безаффиксн. прич.**» в качестве первого компонента выступает существительное в номинативе, второй же компонент представляет собой безаффиксное причастие (у причастия отсекается суффикс с классно-числовым показателем). Следовательно, данный способ можно охарактеризовать как сложение с нулевой суффиксацией: *габурбухь* «шарф» (из: *габур* «шея» + *бухьунеб* «которым перевязывают»), *квербаццун* «носовой платок» (из: *квер* «рука» + *баццуненеб* «которым вытирают») и т.д. В качестве второго компонента выступает форма причастия вневременного значения, образованная от глагола в форме констатива (обозначает обычное, постоянное, вневременное действие). Композиты такой структуры имеют место и в других дагестанских языках. Например, в даргинском языке, как отмечает Б.Т. Чамсаева, представлены сложные слова со структурой «именная основа + причастная форма»: *кьялизан* «подойник» (*кьял* «корова» + *изан* «доющий»), *нигдухьян* «маслобойка» (Чамсаева 1998: 10-11).

В русском языке в качестве второго компонента безаффиксальное причастие не употребляется, но в семантическом плане представлена аналогичная модель «сложение с нулевой суффиксацией», где первый компонент выражен существительным, а второй безаффиксальным глагольным элементом: *солевар* «– тот, кто варит соль; семантически = варящий соль), *снегомет*, *зверолов*, *книголюб*, *горючевоз*, *дымоход*, *пылесос*, *ледорез*, *стеклорез* и др. Первые части таких существительных содержат конкретизацию действия, выраженного опорным компонентом (кстати, как и в аварском языке), называют характер действия (см. об этом дальше).

Разнообразие таких сложных существительных в русском языке заключается в том, что в качестве первых компонентов выступают разные части речи: прилагательное, наречие, местоимение, чис-

лительное, существительное: *камнепад, пустозвон, суховей, тугодум, тяжеловоз, скоропись, тайнопись, старожил, пескожил (червь), однолюб, однодум, самопрогон, самолет, самосвал, стеклодув, водосброс, пчеловод* и др. Специфика русского языка в этом отношении заключается еще в том, что сложное существительное здесь может быть образовано по модели, аналогов которой не может быть в аварском языке: в качестве второго компонента может выступить существительное с нулевым аффиксом: *лизоблюд, ластохвост, чистотел, долгопят* и др.

С точки зрения семантической спаянности компонентов сложные существительные указанного выше характера в аварском языке можно разделить на две группы: а) сложные существительные с фразеологической семантикой: *гъобочIикI* «мокрица» (зоол.) (из: *гъобо* «мельница» + *чIикIунеб* «который лижет»), *рахъухъириц* «домосед» (из: *рахъу* «зола» + *хъирицунев* «который выскребает»), *рахъубикъ* «пятиуродный брат» (*рахъу* «зола» + *бикъунев* «который делит»), *эгъеборлъ* вид насекомого (из: *эгъе* «пятка» + *борлъунев* «которым сверлят»), *ахакъчIик* (бран. «пенкосниматель»), *хонобах* «сорт абрикос» (*хоно* «яйцо» + *бахунев*), *махIбач* «охотничья собака» (из: *махI* «запах» + *бачунев* «который берет/ведет»); б) сложные существительные, семантика которых в целом выводима из значений составляющих компонентов: *квербацIуI* «носовой платочек», «платочек» (из: *квер* «рука» + *бацIуIунев* «которым вытирают»), *рахъубахъ* «совок» (из: *рахъу* «зола» + *бахъунев* «которым вынимают»), *ражибух* «ступка» (из: *ражи* «чеснок» + *бухунев* «которым толчут»), *хинкIбахъ* «шумовка» (из: *хинкI* «хинкал» + *бахъунев* «которым вынимают»), *гIучIалтIам* «настенный ящичек для ложек, вилок» (из: *гIучIал* «вилки, ложки» + *тIамунев* «куда вкладывают»), *бетIербухъ* «головная повязка» (из: *бетIер* «голова» + *бухъунев* «которым повязывают»), *хъвацIабич* «продавец кож» (из: *хъвацIа* «кожа» + *бичулев* «который продает»).

Как видно из перечисленных примеров второй подгруппы четвертой модели, вторые (причастные) компоненты указывают на назначение тех предметов, которые обозначены первыми компонентами в форме существительных в именительном падеже. Охарактеризованную модель в аварском языке можно назвать сложением с нулевой суффиксацией (второй причастный компонент не содержит суффикса причастия с классно-числовым показателем); такому усечению

подвергается причастие, образованное от формы глагола, называемой в научной литературе констативом: такая форма, как уже указывалось, обозначает вневременной, обычный, постоянный признак: *хинкIбахъ* «[то, чем] хинкал вынимают» (*бахъ* от *бахъ* = *уне* (*б*) «вынимающий»). В отсекаемый формант входит и показатель констатива в сочетании с суффиксом причастия, поэтому оставшаяся усеченная часть формально равняется глагольному корню.

В русском языке представлена аналогичная модель образования сложных существительных, называемая также сложением в сочетании с нулевой суффиксацией: происходит сложение существительных с опорным глагольным компонентом. Поскольку, в отличие от аварского языка, здесь второй компонент является опорным и глагольным, то образованные таким способом сложные существительные обычно обозначают производителя действия, названного глагольной основой: *сталевар*, *скалолаз*, *короед*, *атомоход*, *снегопад*, *солнцепек*. Первые части таких существительных конкретизируют действие, выраженное опорным компонентом, и называют характер действия: *пулемет*, *короед*, *водолаз*, *землемер*, *водомер*.

Сходства в аварском и русском языках не ограничиваются однотипностью моделей. В обоих языках по характеризующим моделям могут быть образованы: а) названия животных: в ав. *гьобочIикI* «мокрица», *махIбач* «охотничья собака»; б) названия механизмов-предметов: в рус. *тепловоз*, *солнцедар* (назв. сорта вина), в ав. *квербацIцI* «платочек», *рахъубахъ* «совок»; в) названия производителей действия: в ав. *хъвацIабич* «продавец кож», *ахакъчIикI* бран. крохобор (букв. «пенулижущий»), в русск.: *сталевар*, *скалолаз* и т.д.

5. Пятая модель представлена структурой «**сущ. в и.п. + краткое прилагательное**». По сути дела форма краткого прилагательного образуется усечением суффикса полного прилагательного с классно-числовым показателем, т.е. пятую модель можно было бы охарактеризовать как сложение основ с нулевой суффиксацией (аффиксацией): *мегежхалат* «о человеке с длинной бородой» (из *мегеж* «борода» + *халатав* «у которого длинная»), *гIамалберцин* «о человеке с хорошим характером», с хорошими манерами» (*гIамал* «характер» + *берцинав* «у которого хороший») *къвалхалат* «горский овчинный тулуп» (*къвал* «рукав» + *халатаб* «длинный») и др. Таким образом, в качестве опорных слов здесь выступают существительные, а качественные характеристики предметов, обозначенных этими существитель-

ными, выражаются краткими прилагательными. Определяемые существительные при этом обозначают предметы, характеристика которых связана с определением внешних и внутренних качеств лиц или обычных предметов. Таким образом, обозначенный первым компонентом – существительным предмет выступает в качестве атрибута или другого предмета: *кларкьенбаглар* «краснощекий (ая) – о человеке» (*кларкьен* «щека» + *багларай* «у которой красные»), *цахъахI* «белозубая» (о женщине) (*ца* «зуб» + *хъахIай* «у которой белый»), *мIеметIубаглар* «петух» (*мIеметIу* «гребень» + *баглар* «у которого красный»), *анищхалат* «мечтатели» (*анищ* «мечта» + *халатав* «у которого длинная»). Поскольку краткие формы прилагательных не содержат классно-числовых показателей, то образованные по пятой модели сложные существительные, характеризующие лица, могут относиться к лицам как мужского, так и женского пола: ср. *анищхалат* «мечтатель, мечтательница». Разграничение же по классу в этом случае происходит по контексту. Характеризуемая модель является живой и достаточно продуктивной. В художественной литературе встречаются случаи образования индивидуально–авторских слов по данной модели: ср. *цIарльикI* «красивого имени» (*цIар* «имя» + *льикIав* «у которого красивое»: (из стихотворения Г. Цадаса «Собака Алибега»). У Г. Цадасы данное существительное использовано и как имя собственное с иронически–пренебрежительной оценочной характеристикой: *Дун тIаде щезегIан цIарльикI аравин, цIакъго рес къотIани, эсухъе ракке* «До моего прихода **красавчик** (букв. «имя-красиво») ушел, если нет другой возможности, загляните к нему» (Г. Цадаса. Письмо пацанам). *Вас гогьдаризавуни, чухъахалат лъугьуна* «Если сына избаловать, **слабак** (букв. «черкеска–длинна») вырастет» (пог.). Как и в перечисленных выше других моделях, здесь часть существительных имеет фразеологический характер. Прежде всего это сложные существительные, являющиеся обозначениями предметов окружающей действительности (неживых предметов): *махIквеш* «ромашка кавказская» (*махI* «запах» + *квешаб* «у которого плохой»), *бакъбакк* «восток» (*бакъ* «солнце» + *баккунеб* [рахъ] «откуда выходит [сторона]), *бокIонбитI* «прямоугольник» (*бокIон* «угол» + *битIараб* «у которого прямой»), *гIоркъхалат* «местный сорт кисло–сладких груш с длинными плодоножками» (букв. *гIоркъ* «ручка» + *халатаб* «длинный»), *синугъечI* «неряха» (*сину* «клей» + *гъечI* «не имеющий» (кр. ф.)).

Однако большинство сложных существительных такой струк-

туры, обозначает качество лиц или одушевленных предметов и имеет довольно прозрачную семантику, выводимую из значений составляющих компонентов: *xIemIpekъ* «кривоногий», «хромой» (*xIemIe* «нога» + *pekъav* «у которого хромая»), *гьумерхъахI* «белолица» (*гьумер* «лицо» + *хъахIай* «у которой белое»), *мукъурберцин* «о сизом голубе с красивым зобом» (*мукъур* «зоб» + *берцинаб* «у которого красивый»), *рачIхалат* «длиннохвостый» (*рачI* «хвост» + *халатаб* «у которого длинный»), *чехъkIодо* «обжора» (*чехъ* «живот» + *kIудияв* «у которого большой»), *куцквеш* «урод» (из: *куц* «вид, внешность» + *квешав* «у которого плохой»), *куцберцин* «красавец, красавица» (из: *куц* «внешность» + *берцинай* «у которой красивая»), *гIамалkIодо* «гордец», «чванливый человек» (*гIамал* «характер» + *kIудияв* «у которого большой»), ср. также прилагательное *гIамалkIудияв* «гордый, спесивый», *агъазгъечI* «беззаботный» (из: *агъаз* «забота» + *гъечIев* «не имеющий»), *сабругъечI* «нетерпеливый» (*сабру* «терпение» + *гъечIев* «не имеющий»), *къиматгъечI* «человек, не пользующийся уважением» (*къимат* «уважение» + *гъечIев* «не имеющий»), *гIакълугъечI* «глупец» (*гIакълу* «ум» + *гъечIев* «не имеющий»), *бегIберцин* «миловидный» (*бегI* «внешность» + *берцин* от *берцинаб* «красивый»).

Пятая модель, как отмечалось выше, достаточно продуктивна у существительных, которые выражают качественные характеристики лиц. По этой модели могут быть образованы новые сложные существительные, особенно со вторым компонентом *гъечI* от *гъечIев* (й) «не имеющий (ая)»: *ничгъечI* «бессовестный (ая)», *рахIмугъечI* «беспощадный (ая)», *ракIгъечI* «бездушный (ая)», *xIинкъигъечI* «бесстрашный» (*xIинкъи* «страх» + *гъечIев* «не имеющий») и т.д. В русском языке формально сходная модель не представлена. Однако в семантическом плане соответствующим эквивалентом можно считать одну из структур, являющуюся результатом сложения прилагательных с существительными (в сочетании с нулевой аффиксацией). Многие существительные из имеющихся в языке отличаются фразеологичностью семантики: *желтощек* (рыба: «щёки [у которой] желтые»), *чистотел* (растение: «тело [у которого] чистое»), *долгопят* (обезьяна), *толстосум*, *винтокрыл* (вертолет) и т.д. От соответствующих сложных существительных в аварском языке такие структуры отличаются обратным расположением компонентов. Общей же особенностью является то, что такого типа существительные и в русском, и в аварском языках могут обозначать растения, животные.

Именно в этих случаях наблюдается фразеологичность общей семантики в виде фразеологических добавок, приращений смысла.

6. Достаточно необычна и специфична модель **«деепричастие + усеченное (безаффиксное) причастие или реже существительное»**. Данный способ образования сложных существительных также можно характеризовать как сложение с нулевой аффиксацией (отсекается аффикс полного причастия с классно-числовым показателем): *бухӀунхутӀ* «окурок» (из: *бухӀун* – деепр. от *бухӀузе* 1. «гореть» 2. «курить» + *хутӀараб* «оставшийся» = «оставшийся от курения»), *хъухъанчед* «блин», «оладик» (из: *хъухъан* деепр. от *хъухъазе* «пилить» + *чед* «хлеб»). Приведенные примеры свидетельствуют о степени фразеологичности семантики образуемых по характеризующей модели существительных. Ср. также другие примеры: *бухӀунчӀикӀ* «похлебка» (*бухӀун* «нагрев» + *чӀикӀунеб* «съедаемое, облизываемое»). Модель непродуктивна. По мнению С.З. Алиханова, «первоосновой для образования сложных слов от деепричастных сочетаний служили трехкомпонентные сочетания»: *хъухъан гъабураб чед* «пиля сделанный хлеб» (следовательно, значение *гъабураб* «сделанный» имплицитно содержится в семантике слова *хъухъанчед* – Р.А.), *бухӀун хутӀараб жо* (редукция существительного *жо* «вещь» привела к субстантивации сочетания *бухӀун хутӀараб*, на основе которого и образовалось сложное слово *бухӀунхутӀ* «окурок» с безаффиксным вторым компонентом – прилагательным). По мнению же С.З. Алиханова, «происходит стяжение сочетания, и оно переходит в сложное слово» (Алиханов 1994:13).

7. Седьмая модель объединяет довольно ограниченное количество сложных существительных, образованных **сложением числительных с существительными в именительном падеже** (количественное числительное, являющееся первым компонентом, при этом представлено в краткой форме, без частицы – суффикса = го: ср. *лъабго* – *лъаб* «три», *ункъго* – *ункъ* «четыре» и т.д.): *кӀутӀанкӀ* «двое-точие» (*кӀи* «два» + *тӀанкӀ* «точка»), *ункъбокӀон* «четырёхугольник» (*ункъ* «четыре» + *бокӀон* «угол») и т.д.

По характеру своего значения эти существительные делятся на две группы: а) существительные, общее значение которых мотивируется значениями составляющих компонентов, б) существительные с фразеологической семантикой, не мотивированной или лишь частично мотивированной значениями составляющих компонентов.

К первой группе могут быть отнесены следующие существительные: *лъабоклон* «треугольник» (*лъаб* «три» + *боклон* «угол»): во втором примере все же происходит частичная фразеологизация, наращение смысла, ибо в прямом значении соединение смыслов «три» + «угол» не дает значения «треугольник»; *клигъеж* «плечи» (*кли* «два» + *гъеж* «плечо»), *клитлала* «два этажа» (*кли* «два» + *тлала* «этаж»), *клиригъ* «двухэтажный дом» (*кли* «два» + *ригъ* «дом»), *анкъгъат* «семь слоев», «семь этажей» и некоторые другие. Данная группа все же представлена в аварском литературном языке довольно ограниченным количеством слов. Более продуктивна вторая группа, куда входят существительные с фразеологической семантикой, с наращением смыслов: *лъабох* «треножник» (*лъаб* «три» + *бох* «нога»), *лъабглин* «трилистник» (*лъаб* «три» + *глин* «ухо»), *ичклал* «скорпион» (*ичI* «девять» + *клал* «рот»), *ункъбер* «прозвище человека в очках» (*ункъ* «четыре» + *бер* «глаз»), *кликвехъ* «два конца чего-либо» (*кли* «два» + *квехъ* = ?), *клигъумер* «лицемер» (*кли* «два» + *гъумер* «лицо»), *клигъумерлъи* «лицемерие», *лъабмоцI* «три месяца» (у мусульман: Раджаб, Шаабан и Рамазан), *анкъкIач* «книжка (отдел желудка жвачных животных)» (из: *анкъ* «сеть» + *кIач* «шуба»).

В отдельных случаях при образовании сложных существительных происходит стяжение согласных на границе двух морфем с губным «б»: *лъаб* + *боклон* – *лъабоклон* «треугольник», *лъаб* + *бох* = *лъабох* «треножник».

Всего несколько сложных существительных образуется соединением количественного числительного в форме родительного падежа с существительным *бетIер* «голова»: *анцIубетIер* «десятник» (*анцIул* – р.п. от *анцI* «десять» + *бетIер* «голова»), *нусибетIер* «сотник» (*нусил* «сотни» + *бетIер* «голова»).

Единичные сложные существительные образуются соединением количественных числительных (первый компонент) с масдарами и существительными с одновременной суффиксацией (т.е. к числительному присоединяется собственно масдар или же суффиксальное образование в форме имени существительного, не употребляемого вне сложного существительного): *клиборлъи* «пробивание, сверление» (*кли* «два» + *борлъи* = масдар от глагола *борлъизе* «сверлить»), *клибикъи* «раздвоение» (*кли* «два» + *бикъи* = масдар от глагола *бикъизе* «делить / ся»), *кличIвай* «складывание вдвое» (*кли* «два» + *чIвай* = масдар от глагола *чIвазе* «сложить»), *лъабчIвай* «складывание втрое»,

ункъчIвай «складывание вчетверо», *щулъел* «сложенные в скирды снопы хлеба» (*щу* «пять» + *лъел* = сущ., образованное от масдара *лъей* «складывание»: сложение происходит одновременно с суффиксацией отмасдарного образования).

В русском языке сложные существительные, первые компоненты которых выражены числительными, делятся на несколько групп в зависимости от способа их образования: 1) в первой группе происходит чистое сложение: однотрубка, двуокись, пятиокись (слов такого характера немного); 2) сложно-суффиксальные существительные: *пятиборье*, *одноклубник*, *однокурсник*, *шестиклассник*, *однолетник* (однолетнее растение), *семигранник*, *однолеток* (человек одних лет с кем-нибудь, ровесник), *одноколейка*, *однопутка* (однопутная железная дорога), *двоевластие*, *однорядка* (старинная мужская одежда – однобортный пиджак без воротника), *пятилетка*, *двустиишие*, *двухлетка* и др. В ряде таких существительных первые компоненты представлены в форме родительного падежа числительного (*пятилетка*, *семигранник* и др.); 3) сложение с нулевой суффиксацией: *однолюб*, *однодум*.

Нетрудно заметить, что часть существительных, образованных таким образом, отличается фразеологичностью семантики. В отличие от русского языка, в сложных существительных такой структуры в аварском языке, первые компоненты (числительные) имеют форму только номинатива.

8. Восьмая модель представлена структурой **«форма местного падежа существительного + связанный субстантивный компонент»** (способ образования сложного существительного при этом может быть охарактеризован как сложение с суффиксацией): к локативу присоединяется глагольный корень с субстантиватором – суффиксом (модель аналогична русскому слову *вездеход*, но в аварском языке второй компонент осложняется суффиксом, переводящим глагольный корень в связанный субстантив): *рагьдател* «слуга» (из: *рагьда* «во дворе» + *тезе* «оставлять»: от глагола *тезе* «оставлять» при этом образуется существительное *тел* со словообразовательным значением «[тот, кого] оставляют», однако субстантивный элемент = *тел* образуется непосредственно при сложении основ, поэтому способ образования существительного мы назвали сложением с суффиксацией), *квердаххел* «перчатка» (*кверда* «на руке» + *ххел* «вдеваемое»), *гъеждалъел* «подставка на плече» (*гъежда* «на плече» + *лъел*

от лъезе «ставить»), *мергикълъел* «подставка для веретена» (*мергикъ* «под веретеном» + *лъел* от лъезе «ставить»).

Возможно также сложение локатива с самостоятельным существительным: *гЛурдахІан* «гриб» (*гЛурда* «на лугу» + *хІан* «сыр» = ?), *хъабалухъагЛучІ* «ребро» (*хъабалухъа* «из бока» + *гЛучІ* «палочка»), *гЛурухъхур* «пашня у реки» (*гЛурухъ* «в реке» + *хур* «поле», «пашня»), *кІкІлалахъбакІ* «ущелье, теснина» (*кІкІлалахъ* «в ущелье» + *бакІ* «место»), *какикъжсо* «коврик для намаза» (*какикъ* «под намазом» + *жсо* «вещь»). Примеры: *ТакъсирчагІаз* *гъоркъго тана кварталахелал*, *гъурмада букІараб ххам* «**Преступники** оставили на месте перчатки, лицевые повязки» (газ. «Истина» от 20 августа 1996 г.). *Дир пикруялда, бадибчІвай хехго бихъулин абухъего, цлогъабазул лымалги цлогъаби рукІуна* «На мой взгляд, как в наказание, дети воров становятся ворами» (газ. «Истина» от 27 августа 1996 г.). *ГъетІараб хъабалухъагЛучІалдасан йижарай чЛужугІадан йитІизаййизе лъугъиналдаса, сабру гъаби лъикІабила* «Чем исправлять женщину, **созданную из кривого ребра**, лучше иметь терпение (терпеть)» (пог.).

9. Более продуктивна в количественном отношении модель, представленная структурой «наречие + существительное в номинативе» (чистое сложение): *гъоркъобакІ* «отношение» (*гъоркъоб* «между» + *бакІ* «место»); в этом случае произошло стяжение согласных – б + б: см. конец и начало двух основ), *метеркъо* «завтрашний день»; «будущее» (*метер* «завтра» + *къо* «день»), *цеберагІи* «предисловие» (*цебе* «впереди» + *рагІи* «слово»), *гъоркъбакІ* «прежнее место» (*гъоркъ* «внизу» + *бакІ* «место»), *цеберукъ* «передняя» (*цебе* «впереди» + *рукъ* «комната»), *нахъарукъ* «кладовая, комната в конце дома» (*нахъа* «сзади» + *рукъ*), *къадекак* «полуденный намаз» (*къаде* «к обеду» + *как* «намаз»), *эхедемухъ* «подъём» (*эхеде* «вверх» + *мухъ* «сторона»), *эхемухъ* «спуск» (*эхе* «вниз» + *мухъ* «сторона»), *гъоркъарукъ* «нижняя комната» (*гъоркъа* «снизу» + *рукъ* «комната»), *гІодонакІкІ* «туман» (*гІодоб* «внизу» + *накІкІ* «облако, туман»), *къокъиднух* «короткая дорога» (*къокъид* «коротко» + *нух* «дорога»), *хасалогІеч* «араканские яблоки» (сорт; из: *хасало* «зимой» + *гІеч* «яблоки»), *хасалогени*: осенние груши; сорт местных «гимринских груш» (*хасало* + *гени* «груша»), *дандежсо* «закуска»; «все, что едят с хлебом» (*данде* «напротив»; «по направлению к ...» + *жсо* «вещь»), *тІадгъобо* «верхний жёрнов» (*тІад* «наверху» + *гъобо* «мельница»), *тІадчагІи* «начальство» (*тІад* «сверху» + *чагІи* «люди»), *къадеквен* «обед» (*къаде* «к обе-

ду» + *квен* «еда»), *гЛодокару* «ежевика» (*гЛодоб* «внизу» + *кару*).

Данная модель продуктивна, она может служить основой для образования новых слов, что подтверждается примерами, взятыми нами из республиканской аварской газеты *Хлакъикъат* «Истина» (эти слова отсутствуют в аварско-русском словаре М.-С. Саидова): *тЛадчагЛи* «руководители, начальство» (*тЛад* «сверху» + *чагЛи* «люди»), *гЛодоркъоял* «дни отдыха» (*гЛодор* «внизу» + *къоял* «дни»). См. примеры: *Маялъул байбихъуда – гЛодоркъоял* «В начале мая – *дни отдыха*» (газ. «Истина», 1996 г., 27 апр.). *Недосдача батаниги, жидеегогЛурабжогоибосун, тЛадруссунелругоревизоралва тЛадчагЛи* «Хоть и находят недостачу, взяв достаточно для себя, уходят ревизоры и **начальники**» (газ. «Истина», 1996 г., 6 июня). *Гьелъул цеберагЛи ялда хъван буго дир васасул хЛакъалъуль мустахЛикъал рагЛаби* «В его **предисловии** написаны заслуженные слова о моем сыне» (газ. «Истина» от 29 августа 1996 г.). Сложные существительные анализируемого типа используются также в пословицах и поговорках: *Вакъиларилан къадеквенги тоге, роцЛун бугилан буртинаги тоге* «Думая, что не проголодаешься, **обед** не оставляй – считая, что дождя не будет, бурку не оставляй» (пог.). *Садакъаги къадеквенги дагъаб жо* «Подаяния и **обеда** бывает мало» (пог.).

Как видно из приведенных примеров, существительные, образованные по данной модели, делятся на а) мотивированные значениями составляющих компонентов: *нахъарукъ, цеберукъ, къадеквен, къадекак, гъоркъарукъ* и б) не полностью мотивированные, с фразеологическими добавками или полностью фразеологизированные: *дандежо, бокьонацI, тЛадчагЛи, цеберагЛи, тЛадгъобо* и др.

10. Десятая модель «**наречие + безаффиксн. сущ. (сложен. с нулевой аффиксацией)**» аналогична девятой. Однако, если в девятой модели имеем дело с чистым сложением наречия и существительного в номинативе, то в данном случае происходит сложение с нулевой суффиксацией: наречие соединяется с глагольным корнем, без глагольного аффикса (модель аналогична русскому способу образования сложных слов типа «вездеход»): *цебебигъ* «фартук, передник» (*цебе* «впереди» + *бигъ* от глагола *бигъизе* «надевать»), *къедабигъ* «занавеска» (*къеда* «на стене» + *бигъ*), *рельедакунцI* «светлячок» (*рельедал* «ночью» + *кунцI* от глагола *кунцIизе* «светиться»), *цебебухъ* «передник» (*цебе* «впереди» + *бухъ* от *бухъине* «привязать»), *гЛебсахъуриц* «бокоплав» (насекомое): (*гЛебса* «боком» + *хъуриц* от

хъурицизе «ползать»), *какикътIам* «коврик для намаза» (*какикъ* «под намазом» + *tIам* от *tIамизе* «стлать», «стелить»), *гъоркъетIам* «животное или предмет, поручаемые чьему-либо присмотру» (*гъоркъе* «вниз» + *tIам* от *tIамизе* «класть, ставить»).

11. Морфологическая структура сложных существительных данной модели такова: «наречие + отглагольный суффиксальный субстантив», одновременно образующийся при сложении, следовательно, способ образования данных сложных существительных можно назвать сложением с суффиксацией: *цадахълъел* «приложение» (*цадахъ* «вместе» + *лъел* от глагола *лъезе* «ставить»), *хадурегIел* гр. «частица», *хадулъел* «последлог» (*хадуб* «за, после» + *лъел* от *лъезе* «ставить»), *tIалълел* «крышка» (*tIад* «сверху» + *лъел*), *нахърател* «запас» (*нахъ* «сзади» + *рател* «имущество», «состояние»), *гъоркълъел* 1) «подкладка»; 2) «задаток», «залог» (*гъоркъ* «внизу» + *лъел* – суффиксальное отглагольное образование, от глагола *лъезе* «ставить»), *гъоркъчIел* «засада» (*гъоркъ* «внизу» + *чIел* от глагола *чIезе* «стоять»), *цеветел* «слуга» (*цеве* «впереди» + *тел* от глагола *тезе* «оставлять»), *гъоркълъел* «подкладка» (*гъоркъ* «внизу» + *лъел* от *лъезе* «ставить»), *гъоркъелълел* «основа, хорошая база» (*гъоркъе* «вниз» + *лъел*). Слова такого характера находят употребление и в газетно-публицистической речи: *Нижеца къватIазда, бецIал бакIазда къаси-къаси чирахъл ракула ва рухIараб мехалда гъл хисизе администрациялъ чирахълзул нахърателги чIезабун буго* «Мы на улицах, в темных местах вечерами зажигаем лампы, и, когда сгорают, чтобы заменить, администрация сделала **запас** лампочек» (газ. «Истина» от 6 января 1996 г.). *Хасалие рагIи-хералълул нахърател гIуцIиялъул иш цересел соназдаго Iадин, исанаги лъкI буго* «Работа по заготовке **запасов** кормов, как и в предыдущие годы, и в этом году идет хорошо» (газ. «Истина» от 4 января 1996 г.). *Сах-саламатго хасел tIамиялъе лъкIаб гъоркъелълел хIадур гъабизе кIвана* «Чтобы хорошо зиму провести (перезимовать), смогли заложить хорошую **основу** (запасы) – см. газ. «Истина» от 4 января 1996 г.

Одна часть сложных существительных, входящих в десятую и одиннадцатую модели с первым компонентом – наречием, отличается высокой фразеологичностью, другая часть образует существительные, значения которых в определенной степени можно мотивировать составляющими компонентами. Однако ни о первой, ни о второй группах нельзя сказать, что значение целого равно простой сумме

значений соответствующих компонентов. Явление это характерно и для других дагестанских языков, причем для данной модели сложных слов. Так, в арчинском языке имеют место сложные существительные с фразеологичной семантикой, первые компоненты которых выражены наречиями: *кьир–гварчи* «подбородок» (*кьир* «внизу» + *гварчи* «желобок мельницы»), *гьирххон* «каменная плита, укрепляющая края крыши» (*гьир* от *гьарак* «вперед» + *ххон* «ловушка...»), *хоІлош–гертти* «радуга»: *хоІлош* «с неба» + *гертти* «дуга» (Кибрик и др. 1977: 96).

12. Модель **наречие + масдар**. Такую структуру имеют как существительные фразеологического характера, непосредственно образованные сложением наречий и масдара, так и сложные существительные, являющиеся отглагольными субстантивами (они образуются от сложных по своему составу глаголов). В первую группу входят существительные типа: *тІадерахъи* «оспа» (*тІаде* «наверх», «верх» + *рахъи* = масдар от *рахъине* «вскочить», «выскочить»), *цебелъей* «указание», «требование» (юрид., из *цебе* «вперед» + *лъей* = масдар от глагола *лъезе* «ставить»), *нахъарай* «подхвостник» (*нахъа* «сзади» + *рай* = масдар от глагола *разе* «вставить»), *бакъадарахъи* «жировое отложение на поверхности кишок» (*бакъада* «на кишках» + *рахъи* = масдар от глагола *рахъине* «выскочить» [в знач. «реализоваться»]), *гьоркъчІей* «засада» (*гьоркъ* «внизу» + *чІей* «стояние»), *бидултІадецуь* «давление крови». Примеры: *Дица гьеб тІадкъай тІубазабулеб буго, амма хъвай–хъвангутІи дур иш буго*. «Я это **поручение** выполняю, но писать – не писать – это твое дело» (газ. «Истина» от 29 августа 1996 г.) *Ниж гьоркъчІалиде тІаде ккана* «Мы наткнулись на **засаду**». *Амма Оганесянил квербакъиялдалъун ургъарал ва гьарурал такъсиразул сияхІ жеги къан гьечІо* «Но список преступлений, совершенных или придуманных при **содействии** Оганесяна, еще не закрыт» (газ. «Истина» от 6 июля 1996 г.).

13. Структура сложных существительных данной модели характеризуется как **существительное в номинативе + отглагольное суффиксальное существительное, функционирующее только в составе сложного существительного** (по сути дела второй компонент представляет собой глагольный корень, оформленный субстантиватором – суффиксом одновременно со сложением): *щакъитІел* «чернильница» (*щакъи* «чернила» + *тІел* = сущ. от глагола *тІезе* «наливаться»: семантика существительного такова: = «то, куда чернила на-

ливают»), *тлорщел* «зерно, урожай» (*тлор* «колос» + *щел* от глаг. *щевезе* «созреть»; «получить»), *цлаглел* «огниво» (*цла* «огонь» + *глел* от *глезе* «стоять, становится; возникнуть»), *квелъел* «повязка, перевязь» (через плечо для поддержки больной руки) – (из: *квер* «рука» + *лъел* – от глагола *лъезе* «ставить»: словообразовательное значение = «то [место], куда руку ставят»). Таким способом образуется ограниченное количество слов, список таких слов новыми сложными субстантивами, как правило, не пополняется.

В современном русском языке также имеет место аналогичная модель образования сложных существительных, которая в специальной литературе характеризуется как «сложение в соединении с суффиксацией» (Современный русский язык 1989: 368), где первая часть выражена существительным в номинативе (основа сущ. в номинативе), а вторая часть представляет собой глагольный компонент в соединении с суффиксом: *канатоходец* (канат-о-ход-ец), *воздухоплаватель* (воздух-о-плава-тель), *мореплаватель*, *миноносец*, *орденоносец*, *взяткодатель*, *машиностроитель*, *огнетушитель*, *камнедробильщик*, *честолобец*. Такого типа существительные в русском языке обычно функционируют в качестве названий производителя действия. Они могут быть наименованиями лиц, орудий, инструментов. Таким образом, при сходстве моделей словообразования семантика сложных существительных, образованных в русском языке, отличается от семантики сложных существительных такого же строения в аварском языке. Значение производителя действия в русском языке выражено суффиксами *-тель*, *-ец*, *-щик*: – *плаватель* (– тот, кто плавает), – *отправитель* (– тот, кто отправляет), – *носец* (– тот, кто носит), – *датель* (– тот, кто дает) и т.д. В аварском же языке субстантиватор (суффикс) *-ел* (*щакъитI-ел* «чернильница») выражает общее значение предметности (в первую очередь), предмета, назначение этого предмета уточняется семантикой первого компонента (*щакъитIел* «куда наливают чернила», *кве (р)лъел* «куда ставят руку», «повязка для руки»).

В современном русском языке, кроме слов с достаточно ясной семантикой, мотивированной значениями составляющих компонентов, встречаются и такие сложные существительные (образованные по той же модели и конкретному образцу), в которых вторая часть является связанной не только по своей семантике, но и по своему строению. В литературе отмечается, что вероятность того, что эта

«вторая часть приобретет самостоятельность и станет употребляться как отдельное слово, равна едва ли не нулю» (Словообразование современного русского литературного языка 1968: 290). Речь в данном случае идет о словах типа *космопроходец*, *космолаз* (новообразования), построенных по типу *землепроходец*, *водолаз*. Такого типа слова отличаются фразеологичной семантикой и несвободны по своему строению. Вторая часть этих слов (-проходец, -лаз) в других окружениях ранее не встречалась. Именно поэтому образование новых единиц по образцу этих слов порождает слова (*космопроходец*, *космолаз*), а не словосочетания, несмотря на свободу функционирования первой части. Вместе с тем имеются отдельные случаи, когда некогда несамостоятельный (второй) компонент приобретает статус автономного элемента. Такой путь могут пройти элементы типа *-проходец*. Например, так появились слова *вещание* (из: *радиовещание*), *приемник* (из: *радиоприемник*). Новые тенденции развития русского языка ярче обнаруживаются в новой лексике. Космическая лексика, как отмечается в литературе, в этом отношении особенно показательна, ибо в ней интенсивно идут процессы преобразования старых структур и возникновения новых. «Космическая лексика благодаря своей особой социальной значимости, новизне и формальному своеобразию оказалась в современном языке источником актуальных выразительных средств» (Там же, с. 290). Так, например, в научной литературе обращается внимание на образование ряда слов сложной структуры с элементом *космо-*: *космоцентр*, *космошлем*, *космопорт*, *космоград*, *космо-пластмассы*, *космостанция*, *космосеть*, *космоинженер*, *космокорабль* и т.д. Все перечисленные существительные имеют конкретные значения. Но встречаются также слова с отвлеченными значениями: *космоощущения* («Литературная газета», 30 окт. 1965 г.), *космориторика* (Там же, 8 мая, 1953 г.). По аналогии с существующими в языке структурами созданы существительные *космооткрыватель* (ср. *землеоткрыватель*), *космоплавание* (мореплавание), *космовидение* (телевидение). Особенно продуктивно создавались новые слова в 50-60-е годы в связи с усилившимся интересом к авиационной и космической технике: *ракетолет*, *ракетоплан*, *космолет*, *звездолет*, *планетолет*, *экранолет*, *стартоплан*, *винтолет*, *вихролет*, *земнолет*, *турболет* и т.д. (такого типа слова употреблялись в газетно-публицистической речи, научно-фантастической литературе, переводных с других языков произведениях и т.д.).

14. Небольшая группа сложных существительных **образуется сложением существительного в номинативе (первый компонент) с масдаром**. Слов, имеющих такую структуру, в аварском языке достаточно много, но большая часть из них образована от соответствующих сложных глаголов в качестве отглагольного существительного (масдара): *халкквезе* «следить» – *халкквей* «слежка», *дандекквезе* «сопоставлять» – *дандекквей* «сопоставление» и т.д. Мы же в данном случае рассматриваем немногочисленную группу сложных существительных, являющихся, на наш взгляд, самостоятельными образованиями: *рачелкъай* «талия» (*рачел* «пояс» + *къай* = масдар от глагола *къазе* «носить»), *лъайкъей* «образование» (*лъай* «знания» + *къей* «давание»), *хІалбихъи* «опыт» (*хІал* «сила»; «состояние» + *бихъи* «проба»), *бетІербахъи* «жизнь, житье–бытье» (*бетІер* «голова» + *бахъи* = масдар от глагола *бетІербахъизе* «вынуть», «вытащить»), *бербалагъи* «работа», «присмотр» (*бер* «глаз» + *балагъи* = масдар от глагола *балагъизе* «смотреть»), *лазатбахъи* «беспокойство» (*лазат* «покой» + *бахъи*), *мугъчІвай* «опора на кого-либо», «надежда на кого-л.» (*мугъ* «спина» + *чІвай* = масдар от глагола *чІвазе* «опираться»), *хІухъбахъи* «отдых» (*хІухъ* «вздых» + *бахъи*), *ракІгъей* «приятные ощущения от отдыха, природы» (*ракІ* «сердце» + *гъей* = масдар от глагола *гъезе* «прикреплять»), *нухбитІи* «удача в путешествии или в каком-либо деле» (*нух* «дорога» + *битІи* = масдар от глагола *битІизе* «быть прямым»), *бербиххи* «изумление» (*бер* «глаз» + *биххи*). Вместе с тем требует специального рассмотрения вопрос о разграничении действительно (собственно) сложных слов и фразеологизмов, сочетаний слов. Данный вопрос имеет прямое отношение и к орфографии рассматриваемых единиц, ибо если какую-либо единицу рассматриваемого типа считать фразеологизмом, то требуется отдельное написание компонентов, ибо фразеологизм = это сверхсловная единица (больше, чем одно слово). Примеры: *Хиса-басиялги хІисабалде росун, нахъ рахъичІого мугъчІвай гъабизе ккола правовиял нормабаздаги законзадаги* «Принимая во внимание изменения [в обществе] без промедления нужно сделать **опору** на правовые нормы и законы» (газ. «Истина» от 18 июня 1996 г.). *Хасго лъикІ букІинаан ракъалдехун лъикІаб бербалагъи букІинабизе* «Особенно было бы хорошо проявить **заботу** о земле хорошей». (газ. «Истина» от 18 июня 1996 г.). *Дагъистаналде букІине ккола хасаб бербалагъи* «О Дагестане должна быть особая **забота**» (газ. «Истина» от 19 декабря 1996 г.). А. Карибо-

вас бицана исана ришдал лымалазул **хлухьбахъи** кин глуцлун бугебали «А. Карибов рассказал о том, как организовал **отдых** детей этим летом» (газ. «Истина» от 29 июля 1996 г.).

Из перечисленных примеров ясно, что абсолютное большинство сложных существительных такого характера в аварском языке имеет отвлеченное значение. По аналогичной в семантическом и в определенной степени формальном планах модели сложные существительные могут быть образованы и в русском языке. Речь в данном случае идет о сложных существительных, образованных по модели «основа существительного + отглагольное существительное»: *воздухоплавание*. Такой способ характеризуется как сложение с суффиксацией, а сложное слово, образованное таким образом, имеет значение отвлеченного понятия: *теплоснабжение, водоснабжение, мореплавание, воздухоплавание, оспопрививание, ледообразование, формообразование, жизнепонимание, звуковоспроизведение, древонасаждение, топливоснабжение, словоупотребление* и т.д.

В редких случаях в аварском языке представлены конкурирующие формы «и.п. сущ. + масдар» и «р.п. сущ. + масдар»: *ракIгъей* «приятный (душевный) отдых» и *рекIелгъей* (*рекIел* = р.п. от *ракI* «сердце»). См. пример: *Гемерлъаги гъединал рекIелгъеял, жакъа Гладин, ихтилат-кеп Гемерал къоял* «Пусть будет много **душевных радостей**, много веселых, как сегодня, дней» (газ. «Истина» от 21 сентября 1996 г.).

15. Предельно ограниченное количество сложных существительных образуется в результате **сложения номинатива существительного с отглагольным субстантивным компонентом** (в качестве субстантиватора при этом используется суффикс *-ад*). Таким образом, способ образования сложного субстантива можно охарактеризовать как одну из разновидностей сложения с суффиксацией, поскольку субстантивация второго компонента в результате суффиксации происходит одновременно со сложением. Почти все слова (их немного), образованные таким образом, имеют негативный характер, содержат отрицательные коннотативные характеристики: *гъантурад* бран. «окаянный» (в знач. «да сгниёт твоё мясо») (из: *гъан* «мясо» + *туризе* «гнить»), *чехътурад* бран. (в знач. «да сгниёт твой живот») (из: *чехъ* «живот» + *турад* от глагола *туризе*), *эбелхвад* (в словаре М.-С. Саидова «дорогой») (из: *эбел* «мать» + *хвад* от глагола *хвезе* «умереть»). В данном случае, с учётом значения, выделенного в аварско-

русском словаре М.-С. Саидова (1967: 599), отмечаем полное переосмысление компонентов сложного слова: соединение значений составляющих компонентов («чтоб умерла мать») дает противоположный результат: негативная коннотация переходит в позитивную, осложненную, на наш взгляд, оттенком легкой иронии и доброжелательности; *мугъбекад* (в знач. «чтоб сломался твой хребет!», из: *мугъ* «спина» + *бекад* от глагола *бекизе* «сломать / сломаться»), *рижибакъвад* «выродок, поддонок» (*рижи* «рождение» + *бакъвад* от глагола *бакъвазе* «высохнуть»), *бетIергъанчихвад* «чтоб хозяин умер». Приведенные слова в литературе по аварскому языку не получили достаточной семантической характеристики, орфография их у разных авторов не совпадает. Так, например, в аварско-русском словаре компоненты даются в раздельном написании, из чего логически следует, что перед нами фразеологизированные выражения, а в работе Г. Казиева «Лексика аварского языка» (1969) эти же слова приводятся в качестве сложных существительных в слитном написании (с. 73). На наш взгляд, рассматриваемые единицы могут быть охарактеризованы как сложные существительные: компоненты этих единиц нельзя разъединить вставкой других слов (это, во-первых), во-вторых, все перечисленные единицы включаются в систему (парадигму) склонения обычных существительных. Т.о. можно считать, что произошла полная лексикализация сочетаний, и они носят, очевидно, субстантивный характер.

16. Отдельные сложные существительные имеют свою собственную морфологическую структуру, не повторяющую структуру сложных существительных других типов: 1. *Бокъарабахъ* «сорвиголова» (*бокъараб* «все желаемое» = причастие от глагола *бокъизе* «любить, желать» + *бахъ* = безаффиксное образование от глагола *бахъине* «произойти»). Первичная, основная семантика данного сложного слова такова: «человек, который не боится что бы ни произошло» (– «пусть все, что угодно, произойдет»); 2. *нухмалъулел* «руководители» (*нух* «дорога» + *малъулел* «указывающие», «учащие»): как видно из анализа, здесь произошла довольно серьезная фразеологизация значения сложного слова; 3. *Гелбацадал* «ровесники» (*гел* «поколение» + *бацадал* «равный», «одинаковый»); 4. *Рахчирукъ* «прятки» (детская игра) (из: *рахчи* = масдар от глагола *рахчизе* «прятаться» + *рукъ* «комната», «дом») – здесь также произошла фразеологизация семантики, значение «детская игра» является приращением

смысла, фразеологической добавкой, а вместе с тем смысл «прятки», «прятаться» мотивирован компонентом *рахчи*. Фразеологизация значения отмечается и в другом слове, образованном по той же модели «масдар + и.п. сущ.»: *axluxlur* «шум-гам» (*axli* = *масдар* от глаг. *axlize* «кричать», «звать» + *xlur* «пыль»). См. примеры: *Хасавюрт, Казбек, Цумада районачдаса лымалазе xluxбахъиялъул заман букIана гIелбащадалгун аваданлъи гьабураб гIумрулъун* «Для детей из Хасавюртовского, Казбековского, Цумадинского районов время отдыха было радостными с **ровесниками** днями жизни» (газ. «Истина» от 29 июля 1996 г.). *ЧIобогояб axli-xlураль нильер букIинесеб гIелалъе щибго къезе гьечIо* «Пустой шум нашему будущему поколению ничего не даст» (газ. «Истина» от 6 июля 1996 г.). *Завадалъул нухмалъулез xlukму гьабуна хадубккун мухъ дагъ-дагъккун къезе* «**Руководители** завода приняли решение в дальнейшем уменьшить плату» (газ. «Истина» от 29 августа 1996 г.). Относительно слова *нухмалъулел* А.У. Урусиллов отмечает, что это слово являет собой пример воплощения языковой тенденции к экономии средств выражения, известного в лингвистической литературе как «семантическая конденсация», «стяжение» (*нух* + *малъулел*).

17. Отдельные сложные существительные образовались в результате аналогии с соответствующими сложными существительными в русском языке: ср. *односельчанин* (один + сельчанин) – *росуцояв* (из: *росу* «село» + *цояв* = субстантивированное прилагательное, образованное от числительного *цо* «один»; значение: «село, [у которого] одно»; ср. *дир росуцояв* «мой односельчанин» или же: *диргун росуцояв* в букв. значении «со мной село [у которого] одно»). Компонент *цояв* (-й, -л) выражает значение «со (ср. сотоварищи, собратья), одного порядка». К словам, образованным таким образом, можно отнести ряд сложных существительных, не встречающихся в аварско-русском словаре М.-С. Саидова (нами они были выписаны из разных номеров аварской республиканской газеты *XIакъикъат* «Истина»): *пишацоял* «коллеги», «работники одной отрасли производства» (букв.. *пиша* «работа» + *цоял* «у которых одна»), *вагонцоял* «пассажиры одного вагона» (букв. *вагон* + *цоял*), *ракъцояв* «земляк» (букв. *ракъ* «земля» + *цояв* «у которого одна и та же»), *пероцоял* «братья» / товарищи по перу («коллеги-журналисты»), *районцоял* «из одного района (о жителях)».

А.У. Урусиллов отмечает появление новых способов словооб-

разования существительных, ранее не имевших широкого употребления или вовсе отсутствовавших в аварском языке. Так, в современном аварском языке встречаются лексемы, представляющие собой семантические эквиваленты русских слов: по морфологической структуре они являются двухкорневыми образованиями, повторяющими внутреннюю форму соответствующих слов русского языка: *церахъин* «выступление», *тIадебоси* «обязательство», *тIадкъаял* «задания», *нахъеккей* «отставание», *нахъечIвай* «отходы», *тIасаин* «падёж» и др. (Урусилов 1994:281).

Проникновение какой-либо модели из одного (русского) языка в другой (аварский) по аналогии может послужить основой для образования новых слов по данной модели, как в случае слова *вагонцо-ял* (в знач. «одновагонники»). Однако процесс этот довольно сложный и неоднозначный. Значение и сложность действия фактора аналогии в словообразовании отмечены и в научной литературе по русскому языку (Шмелев 1963), и по аварскому языку (Урусилов 1994). См. аварские примеры из газеты: *Гуржистаналда лъикIго машгъураб буго нильер **ракъцоял** ГIалихIажи ГIисаевасул цIар* «В Грузии хорошо известно имя нашего **земляка** Алигаджи Исаева» (газ. «Истина», 1996, 29 августа). *Дуца кинаб къимат къолеб нильер **ракъцояв** Рамазан ГIабдулатиповас Россиялъул телевидениялдаса гъабураб лъазабиялде?* «Какую ты даешь оценку сообщению, сделанному по российскому телевидению нашим **земляком** Рамазаном Абдулатиповым?» (газ. «Истина», 1996 г., 29 августа). *ХIурматиял «ХIакъикъат» газеталъул **пероцоял**, хъвалеп буго ... Шагърудин МухIамадовас* «Уважаемые **товарищи** по перу газеты «Истина», пишет ... Шахрудин Магомедов» (газ. «Истина», 1996 г., 22 июня). *Курбанов сундаго щаклъи гъечIел **вагонцоялгун** хвалилаб сапаралде витIана* «Курбанова отправили вместе с ничего не подозревающими пассажирами **одного вагона** на смерть» (газ. «Истина», 1996, 6 июня). *Гъезиеги ГIарцулаб кумек гъабуна Москваьлда ругел нильер **ракъцояз** ва гъудулзабаз* «Им также оказали денежную помощь живущие в Москве наши **земляки** и товарищи» (газ. «Истина», 1996, 6 июня).

В определенном смысле можно назвать новообразованиями и слова типа *лъайкъей* «образование» (*лъай* «знания» + *къей* = масдар от глагола *къезе* «давать»), *гъоркълъел* «задаток»; «в заложники взятые», которые также встречались на страницах периодической печати: *Гъанже газеталъ рорхулел руго халкъияб лъайкъеялъул суалалги*

«Теперь газета поднимает вопросы народного **образования**» (газ. «Истина», №№ 159-160, 1996 г., 29 августа). *Гьоркьльалие милиционерал роси дагъистанияз рикIкIунеб буго нахъегIанаб ишлъун* «Взятие милиционеров в заложники дагестанцы считают подлостью» (газ. «Истина», 1996, 19 декабря).

Калькирование как один из способов пополнения лексики было отмечено исследователями аварского литературного языка (Урусиллов 1994). Так, отмечаются многочисленные кальки, возникшие путём перевода словообразовательной структуры русских слов (суффиксальные образования): *гIуцIцIарухъан* «организатор», *хурухъан* «полевод», *цевехъан* «передовик» и др. Изменения в лексике в большей степени, чем в других ярусах языка, обусловлены внеязыковой действительностью, как отражение в языке возникающих новых явлений в общественной и производственной сферах. А. Урусиллов отмечает, что воспроизведением морфологической структуры русских слов образованы в аварском языке словообразовательные кальки *росуцояв* «односельчанин», *класссцояв* «одноклассник», *полкцояв* «однопольчанин» и т.д. Он же отмечает и появление в аварском языке полукалек как результат влияния русского языка: *буфетчIужу* «буфетчица», *бетончагIи* «бетонщики», *пайчагIи* «пайщики» и др. (в аварском языке слова перечисленного типа образованы способом сложения основ).

В каждом из сопоставляемых языков наблюдаются случаи, когда имеют место специфические для них способы словообразования. Так, в русском языке достаточно продуктивен способ сложения с суффиксацией. Первыми компонентами при этом могут быть основы различных частей речи, а второй суффиксальный компонент образуется от глагола. В аварском языке в такого типа (редких) случаях первым компонентом может быть существительное и редко наречие: *щакъитIел* «чернильница» (*щакъи* «чернила» + *тIел* от глагола *тIезе* «наливать»), *цветел* «слуга» (*цеве* «впереди» + *тел* от глагола *тезе* «оставлять»). Модель, достаточно ограниченная по своим возможностям, поэтому в аварском языке мало слов, образованных таким образом. Что касается русского языка, то здесь выделяются различные подгруппы в зависимости от того, основой какой части речи выражен первый компонент: а) первый компонент – основа существительного: огнетушитель, народовластие, честолюбец, судоремонтник, баснописец, водокачка, мясорубка, мышеловка, словопроизводство, сенокос-

силка, казнокрадство, грузополучатель и т.д. (для отдельных слов в аварском языке представлены эквивалентные структуры): *ракъбагъари* «землетрясение»: *ракъ* «земля» + *багъари* «трясение» (масдар), в остальных случаях представлены описательные конструкции: *хер хъвалеб машина* «сенокосилка» (букв. «сено [которой] косят машина»), *гъан буссунеб машина* «мясорубка» (букв. «мясо [которым] рубят машина») и др.;б) первый компонент – основа прилагательного: долгожитель, пустословие, скоросшиватель, черногрудка, громкоговоритель, скороварка, краснодеревщик, ясновидение, остроумный, чистописание (для некоторых слов терминологического характера с обозначенной моделью в аварском языке существуют кальки): *битӀунхъвай* «чистописание» (*битӀун* – онареченное деепричастие «правильно» + *хъвай* «написание», «писание» [масдар]), низкопоклонство;в) первый компонент = местоимение «сам» – : *самокрутка, самолюбие, самопроверка, самохвальство, самовосхваление, самоотравление, самоудовлетворение, самоограничение, самозарядный, самосейка, самовнушение, самооценка, самоволка, самовольщик, самоделка, самокритичный*;г) первый компонент – глагольная основа: *трясогузка, пучеглазка, вертихвостка* (легкомысленно-кокетливая женщина): сложные существительные с первым глагольным компонентом имеют фразеологичную семантику. Как видно из примеров, вторые части этих существительных имеют субстантивный характер (-глаза, -хвостка), но самостоятельно не употребляются. Вторую разновидность существительных, образованных по данной словообразовательной модели, образуют те сложные слова, второй компонент которых выражен существительным в именительном падеже (в отличие от первой подгруппы, здесь вторые части могут употребляться самостоятельно), а первый компонент выражен глагольной формой: *перекати-поле* «степное растение в виде шаровидного кустика» (перен. «о человеке, не имеющем домашнего очага, постоянно меняющем место своего жительства»), *сорвиголова* «об отчаянном человеке», *скопидом, держиморда, горицвет* (растение), *вертиголова, вертишейка* (название птицы), *немогузнайка* и некоторые другие. В аварском языке такие существительные не образуются, а в русском – они представлены в ограниченном количестве и, как показывает материал, в основном обозначают людей (по их различным характеристикам), животный и растительный мир.

Следует обратить внимание на отсутствие в аварском языке

сложных существительных, в качестве первого компонента которых выступают структуры: сам-, взаимо-, место-: взаимовлияние, взаимопонимание, местопребывание, месторасположение, самодисциплина и др.

Еще один семантический фактор, на который следует обратить внимание в русском языке, – это многозначность существительных, образованных сложением в сочетании с суффиксацией (особенно в этом плане показательны суффиксы -чик, -щик). Отмирание профессий ручного и малоквалифицированного труда приводит к появлению профессий нового типа, специалистов широкого профиля, но вместе с тем отдельные профессии вытесняются машинами. «Все эти внешние по отношению к языку факторы отразились в тех процессах, которые происходят в словообразовательных типах, формирующих наименования профессий. Появление машин, заменяющих труд рабочих нескольких профессий, увеличивает случаи совмещения в одном слове значений лица и предмета, так как новые механизмы, автоматы, полностью повторяющие производственные процессы рабочих, сохраняют нередко то же наименование, которое имело соответствующее лицо. Ср.: рабочий трубоукладчик (тот, кто укладывает трубы) и машина трубоукладчик, то же и в словах типа сегментоукладчик» (Словообразование современного русского языка 1968:131). Так происходит расширение семантики сложно-суффиксальных существительных, и они начинают совмещать в себе значения лица (производителя действия) и предмета (тоже производителя действия). Для разграничения значений такого типа слов с суффиксами -чик, -щик употребляются дополнительные средства, выражающие предметные значения, в результате чего образуются словосочетания или сложно – составные слова: механический укладчик, самолет-зондировщик, автомат-погрузчик, машина-уборщик, авторегулировщик, самоукладчик и т.д.

И, наконец, необходимо обратить внимание на еще одну морфологическую особенность вторых компонентов сложных существительных, образованных сложением двух существительных в сочетании с суффиксацией: в отличие от соответствующих структур в аварском языке, здесь вторые компоненты могут быть выражены формой множественного числа: мясопоставки, кормозаготовки, льнопоставки, сенозаготовки, хлебозакупки, торфоразработки, лесоразработки и др.

Специфические особенности сложных существительных русского языка в сопоставлении с аварским не ограничиваются приведенными выше. Так, в словаре «Новые слова и значения» (1971) в перечне новых сложных слов указаны такие существительные, значения которых не представляют собой обычную сумму первичных значений составляющих компонентов. Второй компонент оказывается при этом носителем переносного значения, которое ранее не было отмечено у этого слова в словарях: автоветеран, автодиспетчер, авторулевой (ср. автослесарь). Речь идет о том, что компоненты – ветеран, диспетчер, рулевой обозначают не лиц, а предметы – механизмы.

Другой особенностью вторых компонентов некоторых сложных существительных в русском языке можно считать его же сложный состав. Такие сложные существительные в определенном смысле являются новообразованиями: женщина-воздухоплавательница, мастер-ледо-вар (специалист по заливке катков), мужчины-многоборцы, спортсменки-легкоатлетки, авиатор-сверхзвуковик и др.

18. Достаточно часто **сложные слова разных моделей употребляются в аварских пословицах, поговорках.** Причем нам встретились в том числе сложные существительные, не зафиксированные в аварско-русском словаре М.-С. Саидова (1967): *ЛъарагI мацI бицуниланицIа мухIорбетиларо* «Оттого что будешь по-кумыкски говорить, **море** (букв. «соленое озеро: соли озеро») не прокиснет». *ХIамабагьадурасул гIумру кьокъаб* «У **безрассудного** (слепого) героя жизнь короткая». *Хур-рукъ бичун аниги, кьо-ас бичун унареб* «Можно **имущество** (букв. «поле-дом») продать, но нельзя **достоинство** продать». *Гьерсил хIатIал рукIунаро, дагIба – рагIиялъул куркъби гурони* «У лжи не ноги бывают, а крылья **уссо**ры». *Гьекьолдухъанасе гьекьел кьурав чи – гIадлу-низам хвезабизе кумен гьабулев чи* «Кто дает пить пьянице, тот помогает нарушить **дисциплину** (порядок)». *КIала-лъбакIалдагитиушман ватулев* «Даже у **очага** можно найти врага». *Текъасул тIикъва-магIги хьущтIулеб* «У несправедливого даже **подкова** скользит».

Анализ материала аварских пословиц и поговорок показал, что здесь встречаются необычные по структуре и семантике существительные, не вошедшие в существующие аварско-русские словари (Саидов 1967, Жирков 1936): *НакIкIикартIинисабакъ баккиларо, кьарумасдасан жо баккиларо* «Из дырочки тумана солнце не покажется, у скопидама ничего не получишь». *ЛьикIаб бугьица цIихъва-*

оцалде (в аварско-русском словаре отсутствует) *лъльар хьвагІулареб* «Хороший бык не бодает **кастрированного вола**».

Отмечены три сложных слова интересной структуры: *Царгъ-иниб гъваргъвар гурев, гъабуда делдел гурев* «В закромах **пусто**, на кисти ничего не висит» (о бедном, неимущем человеке). Первое слово образовано на основе звукоподражательного повтора, и в буквальном смысле оно обозначает «шум, гром» («тот, у кого в закромах нет шума [при скребании муки]»). Второе сложное окказиональное существительное образовано повторением корня глагола *дал-изе* «висеть» (*далдал > делдел*).

Сложные существительные употребляются и в русских поговорах – поговорках: У **матушки-сошки** золотые рожки. Русский человек **хлеб-соль** водит. Лучше грозный царь, чем **семибоярщина**. **Хмель-щеголек** поводит без сапог. При пире, при бражке – все дружки; при **горе-кручине** все ушли. И здесь иногда встречаются необычные сложные существительные: Задать кому таску, трепку, катку. Задать **переверт-пучка**. **Поросенок–наступник** вола избидел, **кураца-иноходица** волка задавила.

Одним из древнейших словообразовательных типов, сохраняющих продуктивность в современном русском литературном языке, являются сложные слова с первой частью **все-**. Необходимо при этом отметить, что слов – новообразований того или иного периода с элементами **все-** немало: *вседозволение, всеисцеление, всепонимание* и т.п. Образуются и сложные прилагательные с элементом **все-**, где второй компонент выражен названиями государств: *всегерманский, всеболгарский, всеафриканский, всефранцузский* и т.п. В аварском же языке, если и встречаются такие модели, то они представляют собой словообразовательные кальки: *тІолгохалкъальулаб* «всенародный».

Еще одна специфическая, хотя и не очень продуктивная, модель образования сложных слов в русском языке – это **префиксально-сложно-суффиксальные** существительные: *Причерноморье, повседневный, предновогодний*. По причине отсутствия соответствующих эквивалентов в аварском языке (нет префиксов) значения таких сложных существительных могут быть переданы описательно: *цІияб соналда цебесеб* «предновогодний» (значение префикса передано послелогом *цебе* в адъективной форме).

Выше отмечалось, что сложные слова имеют достаточно широкое употребление. Однако в поэтической и прозаической речи не-

мало случаев образования индивидуально-авторских сложных слов по существующим моделям. Такие сложные слова, сохраняя формально-грамматическую модель, объединяют необычные в семантическом плане или же ранее не встречавшиеся в узуальных композитах компоненты. Отдельные сложные слова имеют окказиональный характер, поэтому здесь приводятся примеры сложных слов и первого, и второго типов: а) *хъахIгамачI* «белый камень», *басралъи – херлъи* «старость-износ», *росу – ракъ* «родная земля, родимое место» (букв. «село-земля»), *къури – кIичIи* «ходьба-походка»; «манеры», *хъахIмикки* «белый голубь», *бахъинакIкI* «белое облако», *сурматIегъ* «коричневый цветок»; б) *иша–кIумIан* «знаки, намеки», *хочI – хабар* «забавы, веселье» (обычно в сложных словах компонент «хабар» занимает препозицию: *хабар – кIал* «беседа»: букв. «разговор» + «рот», *хабар – гIазаб* «новость»), *къул – къул* «занудные разговоры», *гъетIа – къули* «манеры, поведение» (примеры взяты из произведений Али-Гаджи из Инхо и Анхил-Марин). Не все из перечисленных слов имеют в формальном плане индивидуально-авторский характер, но в семантическом плане у них произошли определённые изменения, обусловленные соответствующим контекстом: авторскими художественно-образительными и текстуально-семантическими целями. Так, например, сложные слова типа *хабар-гIазаб* «новость» не нарушают системы существующих в языке моделей образования сложных слов (ср. также *хабар-кIал* «беседа»), они образованы по модели «сущ. вин. п. + сущ. вин. п.». Вместе с тем в семантическом плане объединение слов *хабар* «весть», «новости» со словом *гIазаб* «мука», «трудности» носит окказиональный характер. Компонент *гIазаб*, на наш взгляд, подвергся семантической трансформации (изменению), имеет лексически ослабленный характер. Значение данного компонента может быть приблизительно выражено словом «пережитое». Сложные слова типа *гъетIа–къули* узуального характера также встречаются в аварском языке: они образованы соединением двух масдаров, в первом компоненте масдарно-глагольный корень вместо показателя масдара *-и* оформляется формантом *-а*: *гъетIузe□* (инфинитив) «согнуться, скривиться» *гъетIи* (масдар) *гъетIа* (выступает как компонент сложного слова). Такого типа случаи образования сложных слов описывались выше в рамках модели 1.4., поэтому формальных нарушений в данном случае нет. Вместе с тем семантические изменения произошли в результате того, что произошла метафоризация значе-

ний составляющих компонентов: *гьетIа-кьули* «манеры, поведение» (букв. «кривление-сгибание»). Такие изменения в семантике глагольных лексем происходят и в русском языке: ср. **ломаться** в значении «кривляться, упрямо не соглашаться на что-нибудь» (Ожегов 1983:291), **гнуть** в сочетаниях типа **гнуть спину** в значении «раболепствовать, унижаться» (Ожегов 1983:121) и др. Метафоризация компонентов при образовании сложного слова в проанализированном нами случае связана именно с тем, что имеем дело с индивидуально-авторским словом с окказиональной семантикой, а не структурой. Метафоризация компонентов сложных слов в таких случаях приводит к фразеологизации значения производного сложного слова и его стилистической окрашенности. В этом трудно убедиться, если сравнивать окказиональное сложное слово *гьетIа-кьули* с узуальными и синонимическими *хьвади-чIвади*, *гIамал-хасият* (последние имеют стилистически нейтральный характер). Структурно-семантический анализ окказиональных сложных слов не входит в задачи нашего исследования, по этой причине в данном случае ограничиваемся обозначением этой весьма интересной в плане потенциальных возможностей языка проблемы.

ГЛАВА III

СЕМАНТИКО-СЛОВОООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АВАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В количественном отношении сложные прилагательные в аварском языке уступают сложным существительным. Тем не менее имеется мнение, что «в аварском языке образование сложных прилагательных следует считать одним из древнейших способов словообразования». (Мадиева 1980:80). Правда, трудно согласится с мнением, что прилагательные, образованные сложением основ, являются наиболее употребительными (с. 80). Наши возражения в данном случае связаны с тем, что в лингвистической литературе по аварскому языку нет каких-либо статистических данных относительно употребительности той или иной группы прилагательных или существительных. Кроме того, в количественном отношении простых прилагательных больше, чем сложных. В монографии использованы практически все сложные прилагательные аварского языка. Их список позволяет утверждать, что сложные прилагательные, среди которых встречаются и редко употребляемые в стилистически нейтральной речи, не могут быть наиболее употребительными. Вместе с тем с точки зрения морфологической структуры составляющих компонентов сложные прилагательные в аварском языке представляют определенный интерес. По сравнению с моделями образования сложных существительных способы образования сложных прилагательных выглядят несколько беднее, тем не менее как морфологическая структура компонентов, так и семантические отношения, реализующиеся между ними, заслуживают внимания.

Исследователи аварского языка обычно ограничиваются формальной стороной рассматриваемых в настоящей монографии проблем. Нас же интересует (и не меньше, чем формальная сторона) функционально-семантический аспект (семантические связи компонентов), без которого комментарии к характеристике словообразовательных процессов были бы недостаточными. Отрыв семантики от формальной организации компонентов сложных слов в аварском языке достаточно характерен для ряда исследований по аварскому языку. Одной из задач настоящего исследования является устранение этого

пробела.

Абсолютное большинство сложных прилагательных в аварском языке образуется сложением двух слов различных частей речи. Хотя встречаются и такие модели, где происходит словосложение (или основосложение) двух прилагательных (например, в прилагательных-цвето-обозначениях). Ниже рассматриваются наиболее употребительные и потенциально продуктивные модели построения сложных прилагательных.

1. Первая модель рассматривается в разных работах учебного и научного характера по аварскому литературному языку. Структура данной модели такова: **существительное в именительном падеже + прилагательное**. (обычная характеристика модели в существующей литературе). Г.И. Мадиева так характеризует эту модель: «... оба элемента равноправны: они как бы дополняют друг друга» (Мадиева 1980:80). В действительности же компоненты этой модели трудно считать равноправными: ср. *глазухъахIаб* «белоснежный» (букв. *глазу* «снег» + *хъахIаб* «белый») т.е., «белый как снег». Таким образом, прилагательное в качестве второго и семантически опорного компонента здесь обозначает цвет, а существительное – качество этого цвета по подобию. Структура модели такова: «существительное в номинативе + полная форма прилагательного»: *рахъхъахIаб* «молочно-белый» (*рахъ* «молоко» + *хъахIаб* «белый»), *лахIчегIераб* «черный как сажа», «очень черный» (*лахI* «сажа» + *чегIераб* «черный»).

Результатом специфической семантики существительного «сажа» является то, что в уподобительно–усилительном значении «очень» оно сочетается только с прилагательным «черный». В отличие от других сложных прилагательных – цветообозначений указанной структуры, данные прилагательные употребляются как в прямом, так и в переносном значении: *лахIчегIераб гьереси* «черная ложь» (усилительное значение). В таком значении в русском языке употребительны несвободные сочетания: «бессовестная, наглая ложь». Кроме того, фразеологизированное выражение «изображать кого-либо в черных красках» семантически достаточно близко сочетанию *лахIчегIераб гьереси* (сочетание цветообозначения с отвлеченным существительным). В русском языке прилагательное «черный» также в переносном значении сочетается с существительным отвлеченного значения: черные мысли (думы), черная тоска (скука) – о тяжелых, мрачных мыслях, чувствах (Учебный словарь сочетаемости слов рус-

ского языка 1978:657). Отличительной особенностью в аварском языке является то, что в подобного рода фразеологизированных сочетаниях употребляется именно вариант *лахIчIегIераб* «очень (сильно) черный», а не *чIегIераб* «черный».

В русском языке сложным прилагательным такой структуры могут также соответствовать сложные прилагательные, но несколько другого морфологического состава.

Так, прилагательному *гIазахъахIаб* (сущ. + прилагательное) в русском языке соответствует прилагательное «белоснежный» с морфологической структурой «прилагательное + прилагательное». Кроме того, компоненты в русском языке имеют обратный порядок, что соответствует семантике «белый как снег». Порядок компонентов, правда, может быть и таким же, как в аварском языке: ср: *рахъхъахIаб* «молочно белый» (в ав: «молоко + белый»). Семантика сложных прилагательных – цветообозначений указанного выше характера в русском языке может быть выражена моделью, не характерной для аварского языка: «основа прилагательного + полное прилагательное»: снежно-белый (в ав. *гIазахъахIаб* «снег + белый»), угольно-черный (в ав. *лахIчIегIераб* «сажа + черный»), орехово-смуглый (в ав. *цIулакьодул кьераб* цвета ореха). В русском языке место первого компонента занимают основы относительных прилагательных, а в аварском функцию относительного прилагательного, как известно, выполняют формы родительного падежа, поэтому нет ничего необычного в том, что и в цветообозначениях употребляется такая форма: *гьацIул кьераб* «меда цвета» (цвета меда), *гIадал кьераб* «цвета снега». Части аварских сложных слов первой модели в русском языке соответствуют простые существительные или сочетания слов: *гIелбацадал* «ровесники», *гIамалкIудияв* «горделивый», *лахIбецIаб* «очень темный», *лахIчIегIераб* «очень черный», «черный как сажа».

Сложным прилагательным, обозначающим оттенки цвета в аварском языке и имеющим структуру «сущ. в номинативе + прилагательное», в русском языке могут соответствовать также сложные прилагательные, но в качестве первого компонента в этом случае выступают краткие прилагательные, обозначающие оттенки основных цветов, наименованных самостоятельным прилагательным: темно-синий, ярко-желтый, ярко-красный, темно-зеленный, светло-коричневый, светло-серый и тд.

Другие примеры: *растIеренаб* «тонкий как волос» (рас «во-

лос» + *тIеренаб* «тонкий»), *кантIогъилаб* «ярко-желтый», «желтый как лучина» (*кан* «лучина» + *тIогъилаб* «желтый»), *цIаканаб* «ярко-светлый», «светлый как огонь» (*цIа* «огонь» + *канаб* «светлый»), *ракIбацIадаб* – «чистосердечный» (*ракI* «сердце» + *бацIадаб* «чистый»), *гIамалберцинаб* «благонравный», «с хорошим характером» (*гIамал* «характер» + *берцинаб* «красивый»), *гIамалкIудияв* (*й*) «горделивый (ая)» (*гIамал* «характер» + *кIудияв* «(у которого) большой»), *билбагIараб* «багровый», «ярко-красный», (*бил* «хна», *багIараб* «красный»), *цIиркъчараб* «пестрый, как тигр» (*цIиркъ* «тигр» + *чараб* «пестрый»), *гIелбацадал* «ровесники, одного поколения» (*гIел* «поколение» + *бацадал* «равный, одинаковый»), *лахIбецIаб* «очень (сильно) темный», «темный как сажа» (*лахI* «сажа» + *бецIаб* «темный»), *хергIурчинаб* «зеленый как трава», «светло-зеленый», *цIохъахIаб* «белоснежный», (*цIо* «молозиво» + *хъахIаб*).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в семантическом плане они могут быть подразделены на несколько групп: а) прилагательные, обозначающие оттенки цвета: *кантIогъилаб* «светло-желтый», *билбагIараб* «ярко-красный», *лахIбецIаб* «сильно-темный», *цIаканаб* «ярко-светлый» и др. В составе таких сложных прилагательных первые компоненты обозначают предметы, имеющие определенный цвет, являющийся по сути дела основным тоном обозначаемого прилагательным цвета;

б) прилагательные, обозначающие качества людей: *ракIбацIадаб* «с чистым сердцем, открытый», *бахъикъосарав* «несчастный» (*бахъи* «несчастье» + *къосарав* «у которого отклонилось, заблудилось»), *гIамаллъикIав* «с хорошим характером», *гIамалкIудияв* «горделивый», «спесивый»; в) прилагательные, обозначающие разные качества: *растIеренаб* «тонкий, как волос», *хъалтIеренаб* «с тонкой кожей» и др. Примеры употребления аварских сложных прилагательных в тексте: *РакIбацIадаб захIматалъе гIоло гъесие рец-бакъ гъабунa* «**Задобрсовестный** (букв. «сердце + чистый») труд его похвалили». *Гъев ракIбацIадаб, хIилла-рекIкI гъечIев гIолохъанчи ватана Казбек районaлул Ленинаул, росульa*. «Он оказался **бесхитростным** юношей с открытым сердцем из села Ленинаул Казбековского района» (газ. «Истина» от 31 августа 1996 г.). *Байдабазда бижулeб билбагIараб гIинтIул тIегъ* (Али-Гаджи из Инхо) «На лугах растущий **ярко-красный** цветок (-роза) шиповника».

Отличительной особенностью сложных прилагательных в

русском языке является то, что компоненты сложного прилагательного всегда соединяются с помощью интерфикса в виде «соединительного гласного». Как и в аварском, в русском языке способом чистого сложения образуются прилагательные, опорным компонентом которых являются самостоятельные прилагательные (второй компонент). В качестве же первого компонента в обоих языках может быть основа существительного (в аварском полностью слово, ибо словосуществительное, не оформленное морфологическими показателями единственного числа, равняется основе): *тазобедренный, звукобуквенный, газонептяной, физико-математический, хлебобулочный, землепользовательный, мясо-молочный, теплолюбивый, шлакоблочный, геологоразведочный, трактороремонтный, водотрубный, сахарозаводской* и др.

В русском языке сложение по такой модели может сопровождаться нулевой аффиксацией: *саблерогий, козлоногий, серебророгий, горбоносый, иглокожий, носорожий* и т.д.

Относительно вторых компонентов такой структуры сложных прилагательных акад. В.В. Виноградов отмечает, что «количество несамостоятельных слов-морфем, которые служат для образования сложных имен прилагательных непосредственно с помощью окончания -ый (-ий), (-ая, -ое), в современном языке очень ограничено: -ногий, -кожий, -лицый, -мордый, -полый, -рукий, -носый, -глазый, -пузый, -задый, -лобый, -зубый, -волосый, -бородый, -бокий, -ротый, -шерстый, -гру-дый, -бедрый, -ухий, -бровий, -голосый» (Виноградов 1972:182). Если считать количество слов, образованных при помощи перечисленных компонентов, то особо ограниченным данный способ, сравнительно с аварским языком, назвать трудно, хотя с точки зрения потенциальных возможностей сказанное следует считать верным. Надо обратить внимание еще на одно обстоятельство, отмеченное В.В. Виноградовым: перечисленные компоненты в большинстве своем восходят к обозначениям частей человеческого тела или тела животных. В первой же части таких сложно составных слов-прилагательных могут быть представлены формы родительного падежа числительных, основы прилагательных, а в поэтической речи и существительных: *красногрудый (снегирь), слабогрудый (мальчик), чернобровый, тонкошерстный, двухглазый, двухголовый, стрелобровый, свиноголовый, светлоголовый, чешуекрылый, однокрылый* и др.

Семантические отношения между компонентами прилага-

тельных перечисленных выше типов неоднозначны: *хлебобулочный* комбинат (где делают хлеб и булки), *мясо-молочный* магазин (где продают мясо и молоко), *шлакоблочный* (шлачные блоки), *трактороремонтный* (ремонт тракторов), *водотрубные* (трубы для воды), *камнедробильный* – предназначенный для того, чтобы дробить камни), *круглогодичный* (осуществляется круглый год) и т.д. Однако подробное описание семантики частей речи, образованных различными способами, как отмечал В.В. Виноградов, – задача больше лексикологии (семасиологии), поэтому мы в данном случае ограничиваемся более общими семантическими отношениями между компонентами.

2. Вторую группу образуют в основном прилагательные–цветообозначения, имеющие морфологическую структуру «**существительное в родительном падеже + прилагательноекьераб**» (от существительного *кьер* «цвет»). Второй компонент указывает на сему «цвет» и выступает в качестве адъективизатора, качество цвета передается первым (определятельным) компонентом в форме родительного падежа: *рахъулкьераб* «цвета золы» (*рахъул* – р.п. от сущ. *рахъу* «зола» + *кьераб*), *зодилкьераб* «небесного цвета» (*зодил* – р.п. от сущ. *зоб* «небо» + *кьераб*), *хлотолкьераб* «цвета ковыля» (*хлотол* – р.п. от сущ. *хлет* «ковыль» + *кьераб*), *тлулакьераб* «коричневый», «цвета печени» (*тлулал* = р.п. от сущ. *тлул* «печень» + *кьераб*), *гъацлукьераб* «цвета меда», (*гъацлук* = р.п. от сущ. *гъоцло* «мед» + *кьераб*), *мазгарулкьераб* «бронзовый», (*мазгарул* – р.п. от сущ. *мазгар* «бронза» + *кьераб*), *члотлокьераб* «коричневый» (о масти; *члотлол* = р.п. от сущ. *члетл* «блоха» + *кьераб*: *члотлокьераб бугъа* «бугай коричневой масти») и некоторые другие.

Структура и семантика цветообозначений, их история в аварском языке не изучены. Вопрос этот в научном аспекте интересен (особенно, если иметь в виду материал диалектов аварского языка) и требует специального рассмотрения. Как и в структуре сложных существительных, первые компоненты сложных прилагательных характеризуемой модели могут быть представлены, как видно из примеров, в полной форме родительного падежа существительного: *хлотолкьераб*, *зодилкьераб* и в усеченной форме (без конечного согласного элемента = л форманта родительного падежа): *тлулакьераб* «коричневый» (*тлула* (л) + *кьераб*). Прилагательным модели *гъацлукьераб* «цвета меда» в русском языке соответствуют сочетания двух типов: а) в сочетаниях первого типа оттенки цвета обозначаются структурой

«прилагательное, образованное от существительного (обозначаемый этим существительным предмет является носителем обозначаемого сложным прилагательным оттенка) + существительное «цвет»: небесный цвет/небесного цвета, кофейный цвет/ кофейного цвета, молочный цвет/ молочного цвета, кирпичный цвет/ кирпичного цвета;б) в сочетаниях второго типа первым компонентом выступает существительное «цвет» в родительном падеже в сочетании с существительным в родительном падеже, указывающим на качество цвета: цвета неба, цвета фиалки, цвета травы, цвета моря, и д. При необходимости обозначения более точной характеристики (качества) цвета перед вторым компонентом используется определение, выраженное прилагательным: цвета морской волны, цвета слоновой кости.

Отдельным сложным прилагательным аварского языка в русском соответствуют простые прилагательные-цветообозначения: *ракьулкьераб* (*ракьул* = р.п. от сущ. *ракь* «земля» + *кьераб*) «землистый» (цвета земли), *рохьокьераб* «пепельный» (букв. «цвета золы»), *мазгарулкьераб* «бронзовый» (букв. «цвета бронзы»).

3. Третья модель сложных прилагательных в аварском языке представлена структурой: «существительное в именительном падеже» + прилагательное *махIаб* (в) уподобительного значения»: *церамахIав* «хитрый, хитроватый», «подобный лисе» (*цера* «лиса» + *махIав*), *глабдалмахIав* «глуповатый» (*глабдал* «глупец» + *махIав*), *цIогьормахIав* «вороватый» (*цIогьор* «вор» + *махIав*), *цIукамахIав* «трусливый» (*цIука* «трус»), *кусамахIав* «безбородый, с редкими, жидкими усами и бородой», *ракьямахIаб* «костистый» (*ракья* «кость»), *оцмахIав* «туповатый», «подобный быку» (*оц* «бык»), *бацIмахIав* «смелый, отважный», «подобный волку», (*бацI* «волк» + *махIав*), *бугьамахIав* «грузный и тупой» (обычно о мужчинах; *бугьа* «бугай»), *цимахIав* «напоминающий медведя», «неповоротливый» (*ци* «медведь»), *хьварсмахIав* «тупой, грубоватый», (*хьварс* «деревянный молот для смягчения кожи»), *цIулмахIав* «хрящеватый» (*цIул* «хрящ»).

Список таких сложных прилагательных в целом достаточно ограничен, хотя в виде индивидуально-авторских образований такие структуры могут и повторяться. Следует обратить внимание на то, что большей частью прилагательные указанной морфологической структуры характеризуют лиц мужского пола (взрослых мужчин) и содержат негативную коннотацию. Уподобительный характер данных

прилагательных отчасти объясняется характером первых компонентов: часть из них представлена названиями животных (*бугъа* «бугай», *оц* «бык», *цер* «лиса», *ци* «медведь»), другая же часть обозначает предметы (и лица), которым по тем или иным качествам можно уподобить лицо мужского пола: *гIабдал* «дурак», «глупец»; *хъварс* «деревянный молот для смягчения кожи», *цIукIа* «трус», *цIогъор* «вор», *куса* «безбородый человек», «мужчина с редкими бородой и усами», *ракъа* «кость» и др. Негативно-экспрессивный характер сложных прилагательных, в состав которых в качестве первых компонентов входят указанного характера существительные, объясняется отрицательными коннотативными характеристиками первых компонентов, обозначающих те или иные отрицательные или нежелательные качества.

В русском языке определённой части таких прилагательных соответствуют «прилагательные с общим значением «наделенный тем, что названо производящей основой» (Современный русский язык 1989:371): ср. в ав. *ракъамахIаб* «костистый» – в рус. болотистый. Другая же часть соответствует прилагательным с суффиксом -оват-, обозначающим неполноту проявления признака: ср. в ав. *гIабдалмахIав* «глуповатый» (при *гIабдалав* «глупый», «дурной» – в русском «глуповатый»).

Более точно семантика сложных прилагательных типа *оцмахIав* в русском языке обычно передается компаративными фразеологическими единицами (фразеологизированными выражениями) типа: «неповоротливый, как медведь», «хитрый как лиса», «глупый как пень» (ср. ав. *хъварсмахIав* «тупой как деревянный молот (для смягчения кожи)», «трусливый как заяц» и др. Названия животных в таких выражениях в стилистически нейтральной речи употребляются во второй сравнительно–уподобительной части, тогда как в аварском языке в сложных прилагательных с аналогичной семантикой названия животных представляют первую часть. Что касается компонента *махIав* (*б*) с классно-числовым показателем в значении «такой, как», «подобный», то, по нашему предположению, этот компонент восходит к слову *махI* «запах», «дух» (в значении «суть», «сущность»).

В русском языке определенная часть сложных прилагательных содержит в качестве второго уподобительного компонента адъектив «подобный», а первая часть, как и в аварском, может быть выражена основой существительного: мужеподобный, громоподобный,

свиноподобный, обезьяноподобный, звероподобный, змееподобный, женоподобный, слоноподобный, скотоподобный. Большая часть таких прилагательных, как и в аварском языке, в качестве первых компонентов содержит названия животных и в целом характеризует различные качества людей. В обоих сравниваемых языках, как показывают примеры, такие сложные прилагательные имеют негативный характер, отличаются отрицательными коннотативными характеристиками.

Кроме того, как отмечалось выше, по семантике сложным прилагательным типа *цIумахIав* в русском языке могут соответствовать прилагательные, образованные от основ существительных при помощи суффикса -оват- со значением: несколько или отчасти, слегка похожий на кого-нибудь какими-нибудь качествами: мужиковатый, вороватый, плутоватый, дубиноватый, мешковатый, крючковатый, клочковатый. В этом морфологическом типе имен прилагательных ощущается оттенок ослабленности качества, указание на некоторое приближение к свойствам чего-нибудь.

4. Прилагательное *махIав* (б) в качестве второго компонента употребляется и в другой модели: «Краткое (усеченное) прилагательное + *махIаб*»: *цIекIмахIаб* «кисловатый», «горьковатый», (*цIекIаб* «кислый, горький» + *махIаб* «с привкусом»), *бецIмахIаб* «темноватый, с темным налетом» (*бецIаб* «темный»), *бихьинмахIав* «с мужественным характером» (*бихьин-ав* «мужественный»), *цIумахIав* «женоподобный» (*цIуяб* «женского пола»), *цIекIмахIав* (о мужчинах) «любящий чувственно-плотские разговоры, с жеманными манерами» (*цIекI* = кр. форма от *цIекIаб* «кислый»). Как видно из примеров, данная группа представлена немногочисленным количеством слов. В семантическом плане их можно было бы подразделить на две группы: а) выражающие значения неполноты качества (им в русском языке соответствуют прилагательные с суффиксом -оват-): *цIекмахIаб*, «кисловатый», *бецIмахIаб* «темноватый», и б) со значением подобия (уподобительные прилагательные): *бихьинмахIай чIужугIадан* «мужеподобная женщина», *цIумахIав бихьинчи* «женоподобный мужчина» (в этом случае значение подобия, как видно из сопоставлений, выражается в обоих языках сложными прилагательными. См. примеры: *Кваранса-квегIса гургинмахIал гохIал ругоан*. Справа и слева были **кругловатые холмы**). *БихьинмахIай чIужугIаданалдасаги цIунаги, цIумахIав бихьинчиясдасаги цIунаги*. «Остерегайся мужепо-

добной женщины и женоподобного мужчины» (пог.).

5. В аварском языке, как и в русском, представлены сложные прилагательные, где семантически главный компонент обозначает основной цвет, а второй компонент выражает оттенок данного цвета. Таким образом, пятая модель сложных прилагательных объединяет главным образом прилагательные, обозначающие цвета. В аварском языке структура данных прилагательных такова: **краткое прилагательное (первый компонент) + полное прилагательное (семантически главный компонент)**: *бецIбагIараб* «темно-красный» (*бецI* – кр. форма от *бецIаб* «темный» + *багIараб* «красный»), *бецIгIурччинаб* «темно-зеленый», *бецIхъахIилаб* «темно-синий», *канчIбагIараб* «ярко-красный» (*канчI* – кр. форма от *канчIаб* «яркий» + *багIараб* «красный»).

В русском языке такого типа сложные прилагательные образуются способом чистого сложения, и их опорным компонентом, как и в аварском, является самостоятельное прилагательное. Обычно первый компонент (основа прилагательного) и второй компонент (самостоятельное прилагательное) в русском языке находятся в отношениях подчинения: ярко-зеленый, ярко-красный, темно-синий, темно-коричневый, темно-зеленый, светло-зеленый и тд.

Интересно то, что в аварском языке некоторые цветообозначения по указанной выше модели не образуются. Так, например, не образуются в аварском языке сложные прилагательные с компонентами ярко-, темно- от прилагательных коричневый, серый (ср. в русском: темно-коричневый, светло-коричневый, темно-серый, светло-серый): дело в том, что прилагательные «коричневый» и «серый» в аварском языке имеют сложную структуру изначально и своими первыми (субстантивными) компонентами точно обозначают оттенок/ (качество) данного цвета: ср. *тIулакъераб* «коричневый» (*тIула* (л) «печени + *къераб* «цвета»»), *рохъолкъераб* «серый» (*рохъол* «золы» + *къераб* «цвета»). В русском языке также невозможны сложные прилагательные характеризуемого типа от таких же прилагательных, как «молочный» (цвета молока), «табачный» (цвета табака), «небесный» (цвета неба), «кофейный» (цвета кофе), «кирпичный» (цвета кирпича) и тд. В таких прилагательных как в аварском, так и в русском языке степень насыщенности цвета обозначена через название предмета точно определенного цвета, поэтому нет необходимости в образовании прилагательных с компонентами *-темно*, *-ярко*: язык не допуска-

ет в силу логических причин образования таких структур. В этом смысле, как видно из анализа соответствующих примеров, аварский и русский языки обнаруживают определенные сходства. Ниже приводятся примеры употребления прилагательных характеризованного типа в русском и аварском языках: см. в словаре С.И. Ожегова: молочный 3. Голубовато-белый, цвета молока. Молочные белки. Молочное стекло (с. 318); кофейный цвет (тёмно-коричневый) – с. 266; на ней было платье небесного цвета. Такую же структуру, как и охарактеризованные выше прилагательные типа *бецIбагIараб* «темно красный», имеет прилагательное *хъахIчараб* «пестрый», «беловато-пестрый», (*хъахI* – кр. форма от *хъахIаб* «белый» + *чараб* «пестрый»).

6. В образовании сложных прилагательных в аварском языке, как и в русском, принимают участие числительные. Обычно **числительные представлены первыми компонентами, а вторые компоненты выражаются полными прилагательными, в свою очередь образованными от существительных.** Таким образом, способ образования таких прилагательных в аварском языке можно назвать сложением с суффиксацией: *кIитIалаяб* «двухэтажный» (в основе прилагательного лежит сочетание *кIитго тIала* «два этажа»). Из анализа приведенного примера видно, что в качестве первого компонента выступает корневая часть числительного без частицы-форманта -го, образующей полную форму, а второй, самостоятельно не употребляющийся, компонент в форме прилагательного образуется от существительного *тIала* → *тIалаяб* одновременно со сложением. В большинстве работ по аварскому языку, к сожалению, данный способ назван чистым сложением (Мадиева 1980; Абдуллаев, Сулейманов 1965; Алиханов 1994; Казиев 19). В лучшем случае говорится о сложных прилагательных вообще, не разграничивая чистое сложение и сложение с суффиксацией. См. другие примеры: *кIитIаркъелаб* «раздвоенный на две части», «двухконечный» (*кIи* «два» + *Iаркъелаб* от *Iаркъел* «ветка»), *лъабгIаркъелаб* «трехконечный», «разветвленный на три части», *кIикIвекъаб* «раздвоенный по двое» (*кIи* «два» + *кIвекъаб* от *кIвекъ* «побег, веточка»), *кIитгьюмерилав* «двуличный» (*кIи* «два» + *гьюмерилав* от *гьюмер* «лицо»), *лъабгъатаб* «трехслойный» (*лъаб* «три» + *гъатаб* от *гъат* «слой»), *ункъбокIонаб* «четырёхугольный» (*ункъ* «четыре» + *бокIонаб* от *бокIон* «уголь»), *лъаббокIонаб* «трехугольный», *щутIалаяб* «пятиэтажный», *ункъбераб* «четырёхглазый» (*ункъ* «четыре» + *бераб* от *бер* «глаз»), *цокIалаб* «единодушный» (*цо*

«один» + *кIалаб* от *кIал* «рот»). Слово *цокIалаб*, если судить по данным аварско-русского словаря М.-С. Саидова (1967:555) употребляется в двух значениях: 1) единодушный: *цокIалабхIукму* «единодушное решение» и 2) однотипный: *цокIалабхIалтIи* «однотипная работа».

Из такого типа прилагательных образованных чистым сложением, можно назвать только один случай: *щубагъаб* (о возрасте овец): «пятигодовалый» (*щу* «пять» + *багъаб* «годовалый»), возможны и другие варианты с разными числительными). В указанном выше словаре М.С. Саидова слово *багъаб* даётся как самостоятельное прилагательное отдельной статьёй (с. 41). В русском языке также представлена модель образования сложных прилагательных, компоненты которой в морфологическом плане характеризуются как «числительное в родительном падеже (за исключением простых по структуре числительного *сто* и *один*: *одноэтажный*, *однокомнатная* квартира, *одноразовый* шприц и т.д.) + полное прилагательное»: *двухэтажный*, *десятиэтажный*, *стоцентнеровый*, *пятиметровый*, *трехкопеечная* (монета), *семилитровый*, *четырёхгодичный*, *восемькилометровый*, *шестиугольный*, *пятизвездочный*, *пятиграммовый*. Как видно из приведенных примеров, в аварском русском языках прилагательные, представленные в модели в качестве второго компонента, образуются от существительных: ср. в ав. *гъат* «слой», «этаж» – *гъатаб*, *бокIон* «угол» – *бокIонаб* «угольный», *бер* «глаз» – *бераб*, *кIал* «рот» – *кIалаб*, *гIаркъел* «ветка» – *гIаркъелаб* и др.; в русском : метр – метровой, грамм – граммовый, километр – километровый, этаж – этажный, угол – угольный, звездочка – звездочный, угол – угольный и т.д. В отдельных случаях в качестве первого компонента в русском языке используются и другие формы числительных: *двуличный*, *двоедушный*, *двуногий*, *четвероногий*, *двусторонний*. В аварском литературном языке прилагательным типа *двуногий*, *четвероногий* соответствуют сложные прилагательные, образованные способом сложения с суффиксацией (краткая форма числительного + отсубстантивное суффиксальное прилагательное: *кIухIатIулаб* «двуногий», *ункъобохилаб* «четвероногий» (соответственно: *кIи* «два»+ *хIатIулаб* = прил. от сущ. *хIетIе* «нога»; *ункъ* «четыре» + *бохилаб* = прил. от сущ. *бох* «нога»). Однако такого абсолютного соответствия во всех случаях нет. Отдельным русским сложным прилагательным могут соответствовать описательные конструкции.

Как правило, меньше сходств или почти их нет в случаях фразеологизации сложной структуры, образованной в результате определенного переосмысления составляющих компонентов: *цокIалаб* «единодушный» (*цо* «один» + *кIалаб* – прил. от сущ. *кIал* «рот», букв. «одноротовый»).

В русском языке сложные прилагательные с первой частью, выраженной числительными, могут быть образованы сложением с нулевой суффиксацией, чего нет в аварском языке: двурогий, пятипалый, одноглазый, четвероногий и др.

7. Немногочисленная группа **сложных прилагательных образуется сложением существительных (первый компонент) и адъектива *xIалаб***, указывающего на определенный вкус или содержание предмета, обозначенного первым компонентом: *къанцIахIалаб* «перекисленный, прокисший» (*къанцIа* «уксус» + *xIалаб* «с привкусом»), *лъимхIалаб* «сильно жидкий, водянистый» (*лъим* «вода» + *xIалаб*), *гъурихIалаб* «ветренный, где много ветра» (*гъури* «ветер»), *цIамхIалаб* «солесодержащий», соленый, но *цIамгIалаб* «пересоленный»: *цIамгIалаб чурна* «пересоленный суп», *салихIалаб* «песокосодержащий», «песокообразный», (*сали* «песок» + *xIалаб*). Теоретически ряд таких прилагательных можно продолжить, но в аварско-русском словаре как реально употребительные даются лишь указанные сложные прилагательные. Следует также отметить различия в употребительности созвучных прилагательных *цIамхIалаб* и *цIамгIалаб* (ср. *цIамхIалаб ракъ* «солесодержащая почва, земля», «солончак» и *цIамгIалаб чурна* «пересоленный суп»). Двум разным словам аварского литературного языка в русском соответствует одно многозначное слово с различными лексико-семантическими вариантами: 1. Солесодержащий; 2. Пересоленный.

Можно сделать предположение, что второй компонент «*xIалаб*» в аварском языке генетически восходит к существительному *xIал* «состояние»: семантика сложных прилагательных, по крайней мере, не противоречит такому предположению: *цIамхIалаб ракъ* «солончак» (т.е. солесодержащее состояние земли). Орфографию же слов *цIамхIалаб* и *цIамгIалаб* следует, видимо, считать дифференцирующими написаниями (частично не совпадающие написания, целью которых является разграничение разных значений). В русском языке для сложных прилагательных такая модель не характерна. Значения же аварских сложных прилагательных передаются обычно простыми

прилагательными: *лъимхIалаб* «водянистый», «жидкий», *цIамгIалаб* «пересоленный». В случае отсутствия таких эквивалентов значения аварских сложных прилагательных могут быть выражены описательно, сочетаниями слов: *къанцIахIалаб* «с привкусом уксуса».

Отсутствие слов типа *цIамхIалаб* в русском языке компенсируется достаточно продуктивными суффиксальными прилагательными на -ист (ый): *землистый, жилистый, сернистый* и т.д. Вместе с тем в семантическом плане они настолько разнообразны, что аварским прилагательным указанной структуры в русском языке соответствует лишь одна группа со значением излишнего качества чего-нибудь (что обозначено основой): они указывают на наличие большой примеси чего-нибудь: *водянистый, кровянистый, маслянистый, травянистый, сернистый, мучнистый*.

Другая группа прилагательных на -ист (ый), производная от основ существительных, имеет значение: «похожий на что-нибудь, напоминающий своими качествами то вещество, тот предмет, которые обозначены основой»: *золотистый, серебристый, бархатистый, пушистый*. В аварском языке таким прилагательным соответствуют или сравнительные конструкции, или сложные прилагательные со второй частью *къераб* -прилаг. от сущ. *къер* «цвет» в группе прилагательных-цветообозначений (*тIулалкъераб* «цвета печени», *гъацIулкъераб* «цвета меда»).

Третья часть прилагательных с суффиксом -ист со значением обилия чего-нибудь, обладания множеством чего-нибудь частично соответствует прилагательным со вторым связанным компонентом -*хараб* в аварском языке: ср. *гIаркъахараб* -ветвистый или прилагательным со вторым компонентом -*хIалаб*: *хьуцIхIалаб* -болотистый, *ракъхIалаб* -землянистый. Ср. другие примеры прилагательных с суффиксом -ист: *каменистый, росистый, голосистый, болотистый, бугристый, ветвистый, глинистый, гористый, душистый, жилистый, землистый, зернистый, лесистый, мозолистый, мясистый, плечистый, пятнистый, речистый, пенистый, ухабистый* и др.

8. Восьмая модель объединяет небольшую группу сложных прилагательных со следующей морфологической структурой: «**краткое (усеченное) прилагательное + причастиеккараб**» со значением «ставший» (обозначает неполноту признака, названного первым компонентом). Следовательно, в характеризуемой модели семантически опорным является первый компонент: *багIарккараб* «красноватый»,

«с красным оттенком», *хъахIулккараб* «синеватый», *бецIккараб* «темноватый», (*бецI* – кр. форма от *бецIаб* «темный», *хъахIккараб* «подобный белому цвету», «беловатый», *тIогьылккараб* «желтоватый» (с желтым оттенком), *чIегIерккараб* «с черным налетом, черноватый», *цIахIулккараб* «сероватый», *тIеренккараб* «тонковатый» (*тIерен* = краткая форма от *тIеренаб* «тонкий»). Причастие *ккараб* в редких случаях сочетается и с существительным в номинативе: *кьоноккараб* «плоскому камню подобный» (*кьоно* «плоский камень»). В принципе семантику причастия *ккараб* можно определить для всех случаев как уподобительное значение: *багIарккараб* «подобный красному цвету, красноватый» (*багIар* – краткая форма от *багIараб* «красный», *чIегIерккараб* «подобный черному цвету» (*чIегIер* – краткая форма от *чIегIераб* «черный» и д. См. функционирование таких прилагательных в тексте: *Порул гохIккараб рагIалда бакI-бакIалда рукъзал рихъулаан*. «На холмистом берегу реки виднелись дома». *Берда цебе накIкIул цо залимаб хъахIулккараб парча борхана...* «Перед глазами поднялось большое синеватое облако» (в первом предложении семантически главным является субстантив *гохI* «холм», во втором – краткая форма прилагательного *хъахIулаб* «синий»).

В русском языке значение подобия в сложных прилагательных, первая часть которых представлена в форме основы существительного, может быть выражена не самостоятельным (по характеризующей семантике), связанным адъективным компонентом -видный (не в значении видный – выдающийся, известный). В литературе отмечается высокочастотность данной модели с первым компонентом – существительным яйцевидный (в форме яйца, напоминающий по форме яйцо). Такие структуры частично повторяют также семантику другой словообразовательной модели в аварском языке: «существительное в номинативе + *гIадаб* «подобный», (однако такие структуры чаще используются в поэтической речи для выражения не реального, а ассоциативного сходства: *бакъгIадай* «солнцеподобная», *моцIгIадай* «луноподобная» (см. об этой модели в аварском языке ниже). Прилагательные же с компонентом -видный выражают видимое (реальное) сходство, что мотивировано исходным лексическим значением самого компонента: змеевидный, лишаевидный, клиновидный, зерновидный, шаровидный, конусовидный, гороховидный, серповидный, клиновидный, сноповидный, крестовидный, миндалевидный, гребневидный, грушевидный, копьевидный и др.

В грамматическом словаре русского языка (Зализняк 1977) приведено слов такой структуры около ста. И только одно из них построено по модели «основа прилагательного + видный»: *миловидный*.

Модель образования сложных прилагательных со вторым компонентом *-видный* следует считать сложением со связанным вторым компонентом, не имеющим прямого соответствия в аварском языке. Другой такой моделью со связанным компонентом является модель «существительное (или прилагательное) + *образный*». Относительно сложных прилагательных, образованных таким способом, в «Русской грамматике» отмечается: «В современном русском языке прилагательное с компонентом *-образный* уже не мотивируется словом образ «внешний вид, подобие (устар), к которому этот компонент восходит исторически» (Русская грамматика, Т.1 1980:321): *зигзагообразный, медведеобразный, спиралеобразный, киселеобразный, каплеобразный, пылеобразный, гребнеобразный, нитеобразный, чешуеобразный, камнеобразный, сердцеобразный, яйцеобразный, солнцеобразный, чашеобразный* и д.

Во всех перечисленных случаях в качестве первых компонентов выступают существительные трех типов: а) обозначающие лиц и животных (одушевленные существительные), б) обозначающие вещества (кисель, мазь, каша) и в) конкретные предметы, имеющие чётко описуемые формы (лезвие, спираль, яйцо, чаша и д.). Анализ всех прилагательных такого типа подтверждает наше заключение. Среди прилагательных со второй частью *-образный, -подобный* особое место занимают индивидуально – авторские образования, построенные аналогично, но выполняющие те или иные семантико-стилистические функции: *статуеподобная, тумбообразная*: «Неуклюжие и статуеподобные женщины садились в трамвай, подбирая свои длинные подо­лы» (Никитин. Это было в Наканде). «Маленькая, тумбообразная, некрасивая, пожилая (Горький. Письмо к Пятницкому. 19 сентября 1901).

Ср. также другие примеры: *порошкообразный, газообразный, стеклообразный, кристаллообразный, пастообразный, мохообразный, собакообразный, ракообразный, улиткообразный, насекомообразный, человекообразный, зонтикообразный, тарелкообразный, лепешкообразный, куполообразный, веретенообразный, снопообразный* и др.

В качестве первых компонентов сложных прилагательных со

связанным вторым компонентом = образный выступают и прилагательные (реже количественное слово «много»): *первообразный, старообразный, многообразный*, однако такая структура в русском языке непродуктивна и представлена считанным количеством слов.

Относительно статуса элемента *-образный* в составе слов перечисленного типа в лингвистической литературе нет общепринятого мнения. Так, В.В. Виноградов писал: «Именам прилагательным так же, как и существительным, свойственны книжные суффиксы очень конкретного значения. Эти суффиксы состоят из семантем, образующих вторую часть сложных слов» (Виноградов 1972:182) В числе таких семантем – суффиксов (так можно охарактеризовать эти элементы исходя из приведенного рассуждения – Р.А.) В.В. Виноградов называет *-видн (ый), -образн (ый), -подобн (ый)*: *стекловидный, шаровидный, порошкообразный, сланообразный, мужеподобный* и т.д. (с. 182). Отпадает необходимость сопоставления русских сложных прилагательных со связанными вторыми компонентами *-валентный, -геничный, -генный*, относящихся к специальной терминологии, ибо в аварском языке отсутствуют какие-либо соответствия: *фотогеничный, вулканогенный* (имеющий вулканическое происхождение), *двухвалентный* и т.д.

9. Несколько сложных прилагательных имеет структуру **«мн. число существительного + несамостоятельный адъективный компонент «хараб»**: *бокІнахараб* «многоугольный, многогранный» (*бокІнал* «углы» + *хараб*), *гІаркьахараб* «ветвистый» (*гІаркьал* «ветви» + *хараб*). Однако поскольку существуют глаголы *бокІнахине* «становиться (стать) многогранным», *гІаркьахине* «ветвиться, разветвляться», то прилагательные указанной структуры следует считать отглагольным прилагательными, а не образованными путем сложения, тем не менее с точки зрения морфологической характеристики составляющих компонентов данные прилагательные представляют научный интерес. На стыке морфем происходит определенное изменение: усекается согласный элемент суффикса мн. числа: *бокІон* «угол» – *бокІн-ал* «углы», *гІаркьел* «ветка» – *гІаркь-ал* «ветки» (в составе сложных прилагательных первые компоненты представлены в виде: *гІаркьа-*, *бокІна-*). См. примеры: *МухІамадица шулаго къана инсул пинкьахараб, биццатаб квер*. «Магомед крепко пожал мозолистую, твёрдую руку отца» (*пинкьахараб* = *пинкьал* «мозоли» + *хараб*).

10. Нами зафиксировано два слова (сложные прилага-

тельные) со структурой: **деепричастие + полное самостоятельное прилагательное или причастие**. В обоих случаях при сложении основ происходит фразеологизация семантики сложного целого: *цІанбитІараб* «прямой» (*цІан* – деепр. от глагола *цІазе* «тянуть» + *битІараб* «прямой», «равный»), *чІванкъотІараб* «определенный», «точно определенный», «конкретный» (*чІван* – деепр. от глагола *чІвазе* «прикрепить» + *къотІараб* = причастие от глагола *къотІизе* «отрезать»): ср. *чІванкъотІараб жаваб* «конкретный ответ» («именно такой, каким должен быть»), *цІанбитІараб нух* «прямо ведущая дорога». Оба сложных прилагательных отличаются экспрессивно-выразительными стилистическими возможностями, что в русском языке может быть передано лишь описательными конструкциями. Модель достаточно специфическая и своеобразная для прилагательных. В русском языке аналогичные структуры отсутствуют, поэтому отпадает необходимость сопоставительного анализа.

11. Не удалось полностью этимологизировать слова *бецІагІаб* «светло-коричневый» (о масти овец: *бецІагІаб чахъу* «светло-коричневая овца»). И *багІаргъинаб* «красноватый». В первом случае семантика компонента *бецІ* (полная форма *бецІаб*) «темный» противоречит значению сложного целого. Что касается компонента *агІаб*, самостоятельно не употребляемого в качестве прилагательного (однако имеющего форму адъектива), то можно только предположить, что здесь имеется связь с со словом *агІ* «пень», «чурбан» (предмет с оттенком коричневатости). Что касается второго слова *багІаргъинаб*, то непонятна этимология компонента *гъинаб*. Привлечение материала диалектов поможет выяснить этимологию данного компонента, однако такая задача в настоящем исследовании не ставилась. Привлечение нами первого слова *бецІагІаб* в научный оборот объясняется тем, что оно приводится в Аварско-русском словаре М.С. Саидова (1967:80). Нормативность же второго прилагательного вызывает определённые сомнения.

12. Некоторые сложные слова в аварском литературном языке образовались под влиянием соответствующих эквивалентов в русском языке: *багІарбайрахъулаб* «краснознаменный» (*багІар* – кр. форма от прилагательного *багІараб* «красный!» + *байрахъулаб* – прил. от сущ. *байрахъ* «знамя»), *гІемерсонилаб* «многолетний», (*гІемер* «много» + *сонилаб* – прил. от сущ. *сон* «год»). Модель образования таких существительных может быть представлена в

виде: «краткое прилагательное + отсубстантивное прилагательное (ср. *байрахъулав* – прил. от *байрахъ* «знамя», *сонилаб* – прил. от *сон* «год»). Аналогичная модель, по которой образуются сложные прилагательные в русском языке, представлена следующей структурой: «основа прилагательного + субстантивное прилагательное»: *желторотый* (вторая часть, имеющая форму адъектива и образованная от существительного *рот*, самостоятельно не употребляется, *белолицый* (у которого белое лицо), *чернобровый* (у которого черные брови), *черноусый* (у которого черные усы), *синеглазый* (у которого синие глаза), *бледнолицый* (у которого бледное лицо), *голубоглазый*, *черноглазый*, *белобокий* (с белыми боками), *белоголовый* (имеющий светлые волосы), *белоснежный*, *краснощекий* (у которого красные щеки), *желтокожий* (с желтой кожей), *желтолицый* (с желтым лицом), *синеокая*, *красноперый* (с красными плавниками, с красным опереньем), *бледнолицый*, *краснокожий* (с красной кожей), *краснозвездный*, *черногривый* (с черной гривой), *черноголовый* (с черными волосами), *черноволосый* (с темными, черными волосами), *чернокожий*, *белогрудый*, *белотелый*, *беловолосый*, *белокаменный*, *краснофлотский* и др.

В абсолютном большинстве из приведенных примеров вторые компоненты образованы от существительных, обозначающих части тела, и самостоятельно не употребляются (нет форм: *лицый*, *усый*, *бровий*, *щекий* и др.) Первые же компоненты в этих структурах представляют собой цветообозначения. Таким структурам в аварском языке отчасти соответствуют сложные существительные со структурой «существительное в номинативе + краткое прилагательное – цветообозначение»: *гьумерхъахI* «белолицый» (*гьумер* «лицо» + *хъахI* – краткое прилагательное от *хъахлаб* «белый»), *бералчIегIер* «черноглазый» (глаза + черные), *цабихъахI* «белозубый» (зубы белые), *кIаркь-енбагIараб* «краснощекий» (щека + красная), *бетIерхъахI* «белоголовый». Перечисленные субстантивированные прилагательные типа *белолицый*, *синеглазый*, *белобокий* и др. образованы сложением в соединении с нулевой суффиксацией.

При сложении основы прилагательного с другими прилагательными, образованными от существительного безаффиксальным способом, в качестве первого компонента в русском языке могут выступать не только прилагательное – цветообозначение, но и другие прилагательные, обозначающие разные качества: *резвоногий* (*резвый* + **ногий** от нога), *кривоногий*, *долгоногий*, *тонконогий*, *длинноногий*,

(длинный + **рогий** от рог), толстошей (толстая + **шей** от шея), мягкокожий (мягкая + **кожий** от кожа), толстокожий, криворожий, гладкокожий, короткошей, толсторожий и др. В составе и этих прилагательных вторые компоненты – прилагательные образованы от названий частей тела. Но сложение прилагательного с существительным при образовании сложного прилагательного может сопровождаться суффиксацией: древесномассный, железнодорожный (железная + дорога), жидкомолочный (жидкое + молоко), внешнеполитический (внешняя + политика), стародедовский (старый дед), добрососедский (добрый сосед), кисломолочный (кислое + молоко), каменноугольный, цельномолочный (цельное + молоко), крупноблочный (крупные блоки), узкополосный мелкоузельный (мелкая + розница), тяжелогрузый, круглогодичный (круглый + год), высокогорный (высокие + горы), сухотравный (сухая + трава), полнокровный, левобрежный, чистокровный, слабонервный, рыбоконсервный (рыбные + консервы), пустословный.

13. В русском языке представлена не характерная для аварского языка модель «**количественное слово + прилагательное**», являющаяся результатом двух разных видов сложения: а) сложение с нулевой аффиксацией: многоголосый, многоногий, многорукий и б) сложение в соединении с суффиксацией: *многоземельный, многоэтажный, многоквартирный, многоязычный, многопредметный, многослойный, многоцветный, многомилостивый, малолитражный, малолюдный, малокровный, малоземельный, малогаборитный, мало доходный, многодневный* и т.д. В аварском языке, как правило, таким прилагательным соответствует словосочетание, сложное прилагательное как словообразовательная калька может быть образовано по аналогии: *гЕмерсонилаб* (*гЕмер* «много» + *сонилаб* прилаг. от сущ. *сон* «год») «многолетний». В аварском языке количественное слово может выступать в качестве адъективного второго компонента в кальках другого типа (с переставленными при калькировании компонентами: *рикIкIенгЕмералпримерал* – калька от: **многочисленные-примеры**. Можно привести примеры на употребление прилагательных-калек: *Росдал магIишат цебетIезабиялъулъ лъураб бутIаялъе ва гЕмерсонилаб ракIбацIадаб захIматалъе гIоло* «Дагъыстан Республикалъул росдал магIишатакъул мустахIикъав хIалтIухъан» *абураб хIурматияб цIар къуна...* «За вклад в развитие сельского хозяйства и **многолетний** добросовестный труд присвоили звание «Заслуженный

работник сельского хозяйства Республики Дагестан» (газ. «Истина» от 6 января 1996 г.).

В главе первой отмечено, что и в аварском, и в русском языках путем сложения двух существительных образуются сложные существительные, по своей семантике совмещающие оба признака, выраженных составляющими компонентами: кресло-кровать, вагон-ресторан, ясли-сад и др.

Точно таким же образом в русском языке образуются сложные прилагательные: основа первого прилагательного + полная форма второго (самостоятельного) прилагательного. В значении таких слов совмещаются признаки, обозначенные как первым, так и вторым компонентами: *фабрично-заводской* (фабричный и заводской), *капельно-жидкий* (капельный и жидкий), *оранжево-красный* (красный и оранжевый), *профессорско-преподавательский*, *красновато-лиловый*, *рабоче-крестьянский*, *военно-морской* (военный и морской), *сине-зеленый*, *дорожно-строительный*, *черно-серебристый*, *научно-технический*, *приемно-передающий*, *поисково-спасательный*, *счетно-решающий*, *сушильно-очистительный* и т.п.

В аварском литературном языке такие сложные прилагательные образуются очень редко и употребляются нерегулярно: *чIегIерхъахIаб* «черно-белый», (большей частью образование таких структур имеет отношение к сфере цветообозначений).

В русском же языке семантика перечисленного типа сложных прилагательных может быть представлена в формуле «относящийся в равной степени к предметам или процессам, названным мотивирующими основами образующих прилагательных» (Русская грамматика 1980:318).

Отсутствие сходств в словообразовании сложных слов между разносистемными языками, каковыми являются аварский и русский, может объясняться отсутствием в том или ином языке определённой части речи. Так, в аварском как и в других дагестанских языках, значения русских предлогов передаются так называемыми послелогоми: ср. на столе – *столалда тIад*, под столом – *столалда гъоркъ*, за столом – *столалда нахъа*. Следовательно, поскольку в аварском языке предлоги не могут служить компонентом сложных слов (прилагательных), значение сложных прилагательных, образованных в русском языке по модели «предлог + прилагательное», (способ образования – сложение с суффиксацией: прилагательные, служащие вто-

рым компонентом, образуются от существительного при помощи суффикса): окологлоточный (около +глотки), околосоудечный (расположенный вокруг сердца), околоземный (находящийся около Земли, окружающий Землю), околоушный (находящийся около уха) и др., передаётся описательно с участием послелогов. Ещё одной причиной того, что в аварском языке отсутствуют однословные эквиваленты, является терминологический характер указанных слов в русском литературном языке: ср. околосоудечный—*ракIалдааскIоббугеб* букв. «с сердцем рядом находящийся» Аварские описательные конструкции примерно соответствуют толкованиям значений русских однословных вариантов.

14. В лингвистической литературе по аварскому языку почти ничего не сказано о причастиях и **прилагательных со значением всеобщности**. Такие сложные прилагательные, к примеру, образуются сложением полного прилагательного с местоимением *цинаб* «каждый», *лъикIабцинаб* «все хорошее», *квешабцинаб* «все плохое», *гъуинабцинаб* «все сладкое», *берцинабцинаб* «все красивое». Такие образования выполняют двойную функцию. В роли прилагательных с определяемыми существительными они выполняют атрибутивную функцию, но эти же структуры могут субстантивироваться (в этом случае они функционируют как обычные субстантивы): *лъикIалицинал гIадамал* «все хорошие люди», *берциналицинал ясал* «все красивые девушки», *гъуиналициналконфетал* «все сладкие конфеты», *лъикIалицинал рачIана* «все хорошие (люди) пришли» и т.д. См. примеры употребления подобных прилагательных в предикативных конструкциях: *Квешабцинаб гIамал чорхоль босун буго досул*. (М.М.) «**Все плохие** черты характера впитал он». *Лъималазегъуинабцинаб бокъула* «Дети любят **все сладкое**» (субстантивированное прилагательное). *Берциналицинал ясаз гIахъаллъи гъабунa гъеб конкурсалда* «**Все красивые** девушки приняли участие в этом конкурсе» (прилагательное в атрибутивной функции). *Щварабцинаб гIарац хвезабунa нижеца шагъаралда* «**Все полученные** деньги израсходовали мы в городе». *Дица хъварабцинаб досие рекIее гIечIо* «**Все, что я написал**, ему не понравилось» (в последних двух примерах употреблены причастия со значением всеобщности).

15. Структуры, статус которых в лингвистической литературе точно не определен не только для аварского языка, но и других дагестанских языков, довольно часто в художественной литера-

туре и в словарных материалах (что особенно важно) встречаются в слитном написании. Такая орфография должна свидетельствовать о статусе данных слов как сложных прилагательных: ср. *тІулбикъарав вац* «родной брат» (*тІул* «печень» + *бикъарав* «с которым делишь»). При наличии фразеологизированного синонимического выражения *тІулалъулвац* «родной брат», (букв. «печени брат») первая структура может считаться сложным целым см. пример из стихотворения Г. Цадасы «Рокъул къец»: **ТІулбикъарав вацас малъараб гъабун..** «Послушав **родного** брата...»

С другой же стороны, ограниченная сочетаемость в данном случае ставит перед нами проблему «что есть что». Речь не идет только о данном слове, речь идет о структурах такого типа, которые с точки зрения их лексико–грамматического статуса должны быть изучены специально. Нами такая узко специальная задача не ставилась, но проблема тем не менее не снимается. Как уже отмечалось, в лингвистической литературе морфологический статус таких слов однозначно не определяется. Безоговорочная характеристика их как сложных прилагательных была бы слишком категоричной, однако можно сказать, что в функции прилагательных такие структуры употребляются однозначно, хотя их вторая часть имеет причастное происхождение.

16. Сложные прилагательные могут быть образованы в аварском литературном языке **сложением существительных в номинативе (реже прилагательных) с адъективом *гІадав* (й) в значении подобия: *бакъгІадай* «солнцеподобная» (*бакъ* «солнце»), *моцІгІадай* «луноподобная» (*моцІ* «луна»), *цІумургІадай* «подобная колокольчику», (*цІумур* «колокольчик»), *мокъокъгІадай* «подобная куропатке», (*мокъокъ* «куропатка»), *лъикІабгІадаб* «такой, как хороший», «подобная хорошему» (*лъикІаб* «хороший»), *борхатабгІадаб* «подобный высокому» (*борхатаб* «высокий») и др.**

О возможностях образования сложных прилагательных с компонентом – подобный в русском языке говорилось выше (они выражают внутренние качества или манеры людей: ср. *слоноподобный*, *змееподобный*, *звероподобный* и т.д). Что же касается сложных прилагательных, выражающих внешние характеристики людей, то как в аварском, так и в русском языках они используются часто в поэтической речи в сравнительных конструкциях и придают речи возвышенность, образность, эмоциональность.

17. Как и в группе сложных существительных, здесь выделяется определенная **часть сложных прилагательных, образованных при помощи повторов**. Повторы имеют различный характер и формируют разные семантические модификации:

1. Отдельные сложные прилагательные образуются повторением слов антонимического характера: *гьуинаб-цIекIаб* «кислое-сладкое», (*гьуинаб* «сладкое» + *цIекIаб* «горькое», «кислое»), *лъикIаб-квешаб* «хорошее-плохое» (употребляется в выражениях типа *лъикIаб-квешаб жо* «хорошее и плохое в жизни» (букв. «хорошая и плохая вещь»). Субстантивация прилагательного *лъикIаб-квешаб* приводит к видоизменению значения. 1. Уговоры, 2. Настаивания, совет, ср. *ЛъикIаб-квешаб бицун рекъезавуна дица дов* «**разными уговорами** (букв. «хорошее-плохое сказав») я склонил его к согласию». Как и в других дагестанских языках, прилагательные такого типа в аварском языке употребляются в составе фразеологических единиц: *чIегIераб-хъахIаб* «черное-белое»: *чIегIераб-хъахIаб лъаларо* «ничего не знает, не понимает», *лъикIаб-квешаб* «хорошее-плохое»: *лъикIаб-квешаб бицине* «убеждать уговорами» (букв. «хорошее-плохое сказать»), *гьитIунав-кIудиявабичIого* «все без исключения», (букв. «младший-старший не сказав») и др. В составе фразеологических единиц такие субстантивированные прилагательные, естественно, употребляются в переносном, фразеологически связанном значении. Вместе с тем в атрибутивной функции, в роли собственно прилагательных, морфологические структуры указанного характера употребляются обычно в прямом значении: *ЛъикIаб-квешаб жо бичIчуларо досда* «**Хорошего-плохого** он не понимает» (букв. «Хорошей-плохой вещи он не понимает»). *ТIадагъаб-бакIаб абичIого бакIарана нижеца гамачI* «**Все лёгкие и тяжёлые** камни собрали мы» (букв. «Лёгкие-тяжёлые не исключив |не сказав| собрали мы камни»).

2. Вторая часть сложных прилагательных образуется сложением усеченной и полной форм одного и того же прилагательного Г.И. Мадиева называет их парноповторными прилагательными в усилительном значении (Мадиева 1980:81): *кIуди-кIудиял* «больших размеров» (*кIуди*-усеч. форма от прил. *кIудиял* «большие»), *батIу-батIуял* «разнообразные (*батIу* – усеч. форма от *батIуял* «другие», «отдельные»), *лъикIа-лъикIал* «все хорошие» (*лъикIа* – усеч. форма от *лъикIал* «хорошие»), *чар -чарал* «очень пестрые». См. употребление подобных слов в предложениях: *БатIу-батIуял къецездабергъара-*

зесайигъаталкъуна XI. Габдулхалимовас «Победителям **различных**-соревнований дал подарки Г. Абдулхалимов» (газ. «Истина» от 20 августа 1996 г.). *ЛъикIа-лъикIалсайигъаталкъуна лъималазе «Очень хорошие* подарки раздали детям».

Обычно такие прилагательные употребляются в форме множественного числа *кIуди-кIудиял* ишал «большие дела», *батIу-батIуял пикраби* «разнообразные (разные) мысли», *порха-порхатал музIрул* «все высокие (одна выше другой) горы». Употребление же в форме единственного числа прилагательного, образованного таким способом, возможно в сочетании с существительными Pluralia tantum, обозначающими совокупность предметов: *берци-берцинаб ретIел* «вся красивая одежда», «одежда покрасивее». Значение таких прилагательных в русском языке может быть передано постпозитивной формой сравнительной степени: одежда (что) покрасивее, горы (что) повыше, камни (что) покрупнее. В кратком грамматическом очерке аварского языка, приложенном к аварско-русскому словарю М.-С. Саидова (1967: 750-751) отмечается, что «для выражения усиленного качества или для выражения разнообразия (но вне степеней сравнения) служит усеченная форма прилагательного с последующей ее же полной формой». В принципе теоретически такие прилагательные могут быть образованы без ограничений, если при этом семантика исходного прилагательного не противоречит семантике сложного целого. Такие прилагательные используются в разных стилях речи, в том числе в языке художественной литературы и в газетно-публицистической речи: *Бегъула кIиялго батIубатIуял рокъор ругони* «Можно если оба находятся в **разных** комнатах» (газ. «Истина», 1996г., №№ 121-123, 6 июля). *Киса-кирего батIу-батIуял берцинал махIал чIвала.* «Везде чувствуется аромат **различных** (разнообразных) цветов. *Аслияб къватIалъул цо рахъалда эхетун руго цIу-цIуял минаби.* «На главной улице по одной стороне высятся **всё новые** здания» (новостройки). *Бахул букIкI-букIкIараб хъатиниб хъахIаб гIарцул гъуруш лъуна.* «В **морщинистую** ладонь Баху положили серебряный рубль». *Чан-чан гIасигIасияб пикру дирги букIараб.* (М.С.). «Сколько мыслей **одна страшнее другой** у меня было!» *ГIадамасе тIутIалъ кIуди-кIудияб зарал гъабула.* «Человеку муха наносит **очень большой** вред».

18. Отдельные сложные прилагательные образуются повторением в качестве вторых компонентов структур, само-

стоятельно не встречающихся и представляющих собой в определенном роде искусственные образования. Первые компоненты таких прилагательных выражены формами усеченных прилагательных: *гIага-шагараб* «приблизительный» (*гIагараб* «близкий»), *гIиси-бикъинаб* «мелкий», «мелочный»). Значения приведенных сложных прилагательных достаточно однотипны: они обозначают неполное качество. Модель опять-таки специфическая для аварских и других дагестанских языков и поэтому не повторяющая моделей образования сложных прилагательных в русском языке. Вторые компоненты по причине их неупотребительности вне сложных образований следует считать связанными и даже в результате их единичности уникальными. См. примеры слов указанного типа в тексте: *ХIалбихъе ЖЭУялда-са цо гIиси-бикъинаб кумек, хъулухъ тIалаб гъабизе* «Попробуйте потребовать от ЖЭУ **небольшую** помощь, услуги (газ. «Истина» от 12 сентября 1996 г). *Гъель хутIа-кIучарабги бекизабулаан СагIидил ракI* «**Это до конца** ломало сердце Саида» (букв. «Это ломало едва оставшееся сердце Саида»). *ЦIуна-къараб жоялъе къо камулареб* «**Бережёное** зря не пропадёт» (бук. «Для бережёной вещи настанет день»; пог.).

Выше отмечены случаи образования сложных прилагательных в русском языке способом сложения и нулевой суффиксацией: горбоносый, иглокожий и др. В приведенной модели первый компонент выражен существительным. В аварском языке отмечаются определенные соответствия этим прилагательным (см. выше). Однако в русском языке представлены и такие разновидности этой модели, в которых в качестве первого компонента представлены глагольные элементы: *лупоглазый, пучеглазый, корноухий*, а также жестко ограниченное количество прилагательных, где вторым компонентом выступают только глаголы «ездить», «ходить»: *малоезжий, прямоезжий, дурноезжий, мимохожий* (Русская грамматика 1980:326).

Не могут иметь соответствий или однотипных моделей сложные прилагательные, отличающиеся семантическим обособлением: хлебосольный, грудобрюшной, (спец.), голеностопный (спец.). Между компонентами данных сложных прилагательных реализуются отношения равноправия, ибо они образованы из сочетаний с сочинительной связью (хлеб и соль, грудь и брюхо, голено и стопа). В плане семантическом явно чувствуется степень фразеологичности семантики, что следует считать явлением уникальным для каждого языка.

Чем сильнее степень фразеологичности в семантике слов, тем меньше аналогий и соответствий между языками.

Выше отмечалось, что в обоих сопоставляемых языках имеет место в словообразовании сложных прилагательных сложение с суффиксацией. Однако морфологические характеристики компонентов могут при этом различаться. Более того, модель, представленная в одном языке, может иметь нулевое соответствие. Отсутствие же прилагательных, образованных по таким моделям, компенсируется другими средствами языка – описательными конструкциями, фразеологизированными выражениями и д.

В русском языке в этом плане вызывает определенный интерес модель, где второй компонент представляет собой причастие или суффиксальное отглагольное прилагательное, а в качестве первых компонентов выступают основы существительных или прилагательных: сладкопевный (сладко + петь), водоливный (воду + лить), поломойный (пол + мыть), китобойный, желчегонный, хлебозаготовительный, нефтеналивной, теневыносливый, скороспелый, высокорослый, хлопкосеющий, гостеприимный, землеустроительный, шапкозакладательный, хлебопашеский. Данная словообразовательная модель считается достаточно продуктивной особенно в научно–технической терминологии. (Русская грамматика 1980:324). Отмечается даже случай образования сложносуффиксального прилагательного путем соединения (сложения) двух глагольных основ: любознательный (любить знать).

Другим способом образования сложных прилагательных в современном русском языке, не имеющим соответствия в аварском, является сращение. Прилагательные-сращения состоят из компонентов, имеющих различные морфологические характеристики: а) сущ. в косвенном падеже + причастие: умалишенный, мелсодержащий; б) наречие + причастие: *впередсмотрящий, многообещающий, скоропортящийся, слаборазвитый*; в) наречие + прилаг.: *вечнозеленый, трудновыполнимый, остродефицитный, вечномерзлый*. Во всех таких случаях соответствующие понятия и признаки в аварском языке выражаются описательно. Более того, следует отметить, что для сложных прилагательных в аварском языке причастие и отглагольные прилагательные в качестве второго компонента не очень характерны. Говоря о сращении как об одном из способов образования сложных прилагательных, следует отметить, что прилагательные-сращения мо-

гут сопровождаться суффиксацией: *потусторонний, сногшибательный, никчемушный, всамделишний* (в самом деле) и др. Модель непродуктивная, но интересная по своим структурным возможностям, не имеет аналогов в аварском языке.

Соответствуют сочетаниям подчинительного характера в аварском языке и такие сложные прилагательные русского языка, которые образованы сложением первых элементов *ново-, свежее-,* (в значении «только что»), *обще-,* («в значении весь, все»), *само-, еже-,* (связанный компонент) с суффиксальными прилагательными, образованными чаще от существительных, и причастиями: *нововведенный, новоприбывший, новобрачная* (женщина только что вступившая в брак), *новорожденный* (только что родившийся), *свежеиспеченный, свежепосольный* (недавно посоленный), *общеевропейский, общепринятый, общеизвестный, ежемесячный, ежедневный, самопишущий, самозарядный, самовластный, самодовольный, самодвижущий* и т.д. Как отмечалось выше, значения прилагательных такого типа в аварском языке передаются словосочетаниями: *самопишущий – жинцаго хъвалеб* «(который) сам пишет», *общеизвестный – киназего лъалеб* «всем знакомый (известный)», *ежедневный – щибаб къойилаб* (букв. «каждый дневный») и т.д.

В художественной речи (в русском языке) встречаются случаи трехкомпонентных образований: *глухо-пепельно-оранжевая* туча (Нагибин), *красно-бело-зеленый* мексиканский флаг (газ). В аварском языке, где сложение основ разных частей речи (или сложение слов) происходит без соединительного гласного, такие многокомпонентные прилагательные даже как индивидуально-авторские невозможны. В поэтической речи главным образом встречаются сложные прилагательные, образованные из двух компонентов.

Следует обратить внимание на еще одно явление в словообразовании сложных прилагательных в русском языке, не характерное для аварского языка. В ряде сложных прилагательных в роли первых компонентов здесь используется как усеченные, так и неусеченные формы (вторые компоненты выражаются при этом полными прилагательными): *синтетико-аналитический, греко-латинский, медико-биологический* (медицинско-биологический), *венгеро-советский* и др. Такая вариативность компонентов-явление, не характерное для аварского языка. В принципе для него не характерно и образование сложных прилагательных по модели «прилагательное + прилагательное»,

если только отдельные случаи такого типа возможны для лексико-семантической группы со значением «цвет». В этом смысле, как можно было видеть из вышеприведенного анализа, цветообозначения в аварском языке отличаются своими особенностями. В редких случаях такого типа сложные прилагательные в аварском языке обозначают внешние характеристики предметов и лиц: *Гъесул буклана Глолохъанаб, чIегIеркIкIуяб* гъумер «У него было молодое смуглое лицо».

19. В семантико-стилистическом плане представляют определенный интерес **сложные прилагательные, созданные по существующим в языке образцам поэтами, писателями** и функционирующие в художественном тексте в качестве эпитетов: *исчерна-белые брови* (индивидуально авторский эпитет; особенность эпитета-прилагательного заключается в том, что в составе сложного прилагательного объединены компоненты антонимического характера), *тугокрылый* ветер (прилагательное образовано сложением в сочетании с нулевой аффиксацией и употребляется в переносно-метафорическом значении), *мокрогубый* ветер, *быстротечный* ветер: «Подушки седел приятно потеплели, бурые казачьи щеки увлажнял *мокрогубый* ветер (Шолохов. Тихий Дон), *стрелоподобный* взгляд: «Нет-нет, да и уловишь этот взгляд *стрелоподобный, испепеляющий и вопрошающий* (Горький. Письмо А.В. Ам-фитеатрову), *пустоглазая* война: «Что тебе попритчилось, приснилось, злая, пустоглазая война (Сурков. На привале), *белокудрая* волна, *стеклянно-серая* волна, *любвеобильные* глаза, *двухэтажные* губы: «Губы у нее очень красные, толстые, какие-то *двухэтажные*» (Горький. Голубая жизнь), *зеленогорбый* дуб, *широкогрудый, широкоплечий* дуб: «Здесь не расти широкогрудым дубам» (Марлинский. Амалат-бек), *огнедышащий* закат, *чистоплотный* запах, *кроваво-оскорбляющая* ирония: «Ни отчаянного стога, ни могучего проклятья, ни желчной, кроваво-оскорбляющей иронии ни разу не вылетело из этого нежного, терпеливого сердца (Добролюбов Очерки и рассказы), *белогривый, белогрудый, толстобрюхий, толстоногий, черногривый, широкогрудый* (конь), *трепетнокровный* конь, *безрукий* лес, *винно-красный* луч, *бледно-неверное* море: «Бледно-неверное море гаснет восторженный взор (Брюсов. Четкие линии гор), *водянисто-жиденькая* музыка, *небесно-поэтическая* музыка, *чарующе-гнусявая* музыка, *влажно-бирюзовое* небо, *знойно-эмалевое* небо, *черноземно-черное* небо, *чужестранная* ночь, *крутобокое* облако, *спокойно-злое* отчаяние, *печально-веселая* песня, *свадебно-*

ликующая песня, *грустно-холодное* письмо, *стыдливо-робкие* плечи, *грустно-сырая* погода, *свободно-голубой* простор, *смолисто-черная* река, *свинцово-сизая* река, *хрустально-светлая* река, *красно-палые*, *снежно-бе-лые*, *молочно-белые* (руки), *снегоподобные* руки, *победно-золотой* свет, *младенчески-живой* смех, *нетленно-белый* снег, *пусто-порожный* сон, *голотелая* сосна, *воздухообильная* тишина, *деревяннo-назидательный* сон, *осмотрительно-охлажденный* характер, *синегла-зый* цветок, *мучительно-сладкое* чувство, *капризно-гибкий* язык, *на-родно-хитрецкий* язык.

Эти и многие другие индивидуально авторские, потому кра-сочно–поэтические прилагательные построены по существующим в языке словообразовательным моделям. В семантическом плане они представляют определенный интерес. Так, например, компонентами ряда прилагательных выступают слова антонимического характера: *исчерна-белые* брови, *чарующе-гнусавая* музыка, *спокойно-злое* отчаяние, *печально-веселая* песня и др. Другой особенностью приве-денных прилагательных можно считать употребление в качестве од-ного из компонентов названий частей тела (в основном они представ-лены в прилагательных, образованных сложением с нулевой аффик-сацией): *крутobокое* облако, *синеглазый* цветок, *широкогрудый*, *ши-рокоплечий* дуб, *толстобрюхий* конь, *пустоглазая* война, *мокрогубый* ветер и т.д. В ряде случаев эпитеты – сложные прилагательные объе-диняют компоненты разных семантических полей, связанных с со-вершенно различными, ничего общего не имеющими понятиями: *кроваво-оскорбляющая* ирония, *бледно-не-верное* море, *свободно-голубой* простор, *влажно-бирюзовое* небо, *деревяннo-назидательный* сон, *деревяннo-назидательный* тон, *знойно-эмале-вое* небо и др. Не-которые компоненты сложных прилагательных, являющихся редкими эпитетами, находятся между собой в синонимически близких отно-шениях: *свадебно-ликующая* песня, *стыдливо-робкие* плечи. В соста-ве индивидуально-авторских эпитетов один из компонентов может обозначать оттенок цвета, его качество (сравнивая его с цветом пред-мета, обозначаемого одним из компонентов): *винно-красный* луч, *смолисто-черная* река, *хрустально-светлая* река, *молочно-белые* ру-ки, *стеклянно-серая* волна. Часть сложных прилагательных указанно-го выше характера отличается метафоричностью и фразеологично-стью семантики: *мокрогубый* ветер, *пустоглазая* волна, *двухэтажные* губы, *широкоплечий* дуб, *чернорукий* лес, *крутobокое* облако и др.

Основными источниками представленного материала являются художественные и общественно-публицистические произведения русской и советской литературы (Словарь эпитетов русского литературного языка 1979:6). В указанном словаре представлены три типа эпитетов: общеязыковые (это наиболее многочисленная группа слов), народно-поэтические (они пришли в литературный язык из устного народного творчества) и индивидуально-авторские «в основе которых лежат неожиданные, часто неповторимые смысловые ассоциации» (там же с. 7). Многие из индивидуально – авторских сложных прилагательных-эпитетов ограничены определёнными текстами, их употребление носит окказиональный характер: *дурнопьяный* аромат, *рискованно-смелая* береза, *стоглавый* бор, *волнообразный* вой, *огнекрылатый* гром, *рукокровная* клятва и др.

Для аварского языка следует отметить употребительность сложных прилагательных и существительных в пословицах-поговорках и, как отмечалось, в составе фразеологизированных выражений (единицах лексико-фразеологического типа): *бадий-кIалдий къан йикIине* «быть бельмом в глазу» (букв. «в (о) глазах-рту быть застрявшей»), *бер-кIалгъабизе* «делать знаки» (букв. «глаз-рот делать»), *гIин бер тIамизе* «придать значение»; «принять во внимание» (букв. «ухо-глаз приложить»), *лахIчегIераб гьереси* «большой обман» (букв. «как сажа черный обман»), *ясберлъун цIунизе* «беречь как зеницу ока», *кIукъмаххгун барцарай*, *рукIкенгункъалгъарай* «с ножницами не в ладу, с иглой во вражде» (посл.), *Азарго оц бугев цо рельлъмаххалдеккаравила* «Имеющему тысячу быков понадобился (говорят) один лемех» (пог.)

БорхьикартIинибеквер бегъуге «не совывай руку в змеиную дырку» (пог.), *РитIаралицинал рагIаби берцинал рукIунарел*, *берциналицинал рагIаби гьересиялги рукIунарел*. «Не **все посланные** слова (послания) красивыми бывают, не **все красивые** слова ложными бывают» (в данной поговорке употреблено прилагательное со значением всеобщности: *берциналицинал*), *ГIака балагъе рахъ-нахалье лъикIаб*, *чIужу ялагъе гIамал-хасият лъикIай* «Корову найди для **молока-масла хорошую**, жену найди **с характером хорошим**».

Сложные слова, в том числе и прилагательные, широко употребляются в пословицах, поговорках и в русском языке: образно-сравнительный характер ряда пословиц, поговорок находит выражение через соответствующие языковые структуры, каковыми являются

сложные слова (микроструктуры сравнительно-образно-уподобительного характера: белоснежный, кирпично-красный, небесно-голубой и т.д.). Таким образом, употребление сложных слов (прилагательных и существительных) в пословицах-поговорках имеет свою причину: У матушки-сошки золотые рожки. Русский человек хлеб-соль водит. Матушка-Москва белокаменная, златоглавая, хлебо-сольная, словоохотливая. Кто на бумагопрядильне стоит, тот, как свечка, горит. Ой вы, матери-келейницы, сухопарые сидидомицы (один из случаев образования сложных слов с первым компонентом глаголом в форме повелительного наклонения: ср. сорвиголова). Сваха лукавая – змея семиглавая.

В отличие от общеязыковых сложных слов, в пословицах, поговорках могут быть использованы сложные слова, компоненты которых выражены формами множественного числа: Кому страсти-напасти, кому смехи-потехи.

Сложные прилагательные употребляются в обоих языках в произведениях устного народного творчества: в народных песнях, сказках, героических поэмах, в былинах (в русском языке): Ох, ты котик, котик, *крутолобенький*. Виноградье *красно-зелено* мое, с праздником! (из календарной песни). Коса алая, *триаршинная*, платок беленький, *новомодненький*. Летечко теплое, лето *хлебородное*. Ни малая, ни великая, личиком, личиком *бело-круглоликая*. Навеки-то меня да *вековечные*, оставят меня, горюшу *горе-горькую*. Укажите мне дорожку *прямоезжую* (из быliny «Илья Муромец и Соловей разбойник»). «Солнышко Владимир *стольно-киевский* («Добрыня и змей»). А да отганитко три мои загадки *хитроумные*. («Глеб Володьевич»). Собирал себе жеребчиков *темно-карих* («Вольга и Микула Селянинович»). Во своих палатах *белокаменных* устроил Садко все по небесному («Садко»). Он кормил пшеном да *белояровой*. («Добрыня и змей»). *Мил-любезной* по сеничкам похаживает (из хороводной песни).

В аварском языке сложные прилагательные и особенно цветообозначения такой структуры используются как в произведениях устного народного творчества, так и в художественной литературе как экспрессивно-выразительные и красочные определения: *БилбаГарабрасалъул шофёр дида асклове вачлана*. «**Ярко-рыжий** шофер подошел ко мне». *ХъахIчараб буртина гъажалдаги бан эхетана гъев*. «**Черно-белую** (букв. «бело-пеструю») бурку накинув на

плечи, стоял он».

Гьесда хьолбохъ чӀун йигоан **лахӀчӀегӀраб** кӀиго гьалги бугей берцинай гӀолохъанай цо гӀадан. «Рядом с ним стояла **с черными, как сажа**, двумя косами красивая молодая женщина» (Мадиева 1980:80). Цо мискӀинчияс хьизаналъе хьвезе цо **кӀибагъаб** куй бачун бачӀанила (из народной сказки «Мулла и бедняк») «Один бедняк для семьи зарезать **двухгодовалого** барана купил». Иццул бетӀералда **ичӀбетӀераб** аздагьо чӀун буго (из сказки «Медвежие ухо») «Источник стережет **девятиголовый** дракон». В отличие от индивидуально-авторских существительных окказионального характера, о которых говорилось в первой главе, прилагательные аналогичного типа встречаются редко.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставительный анализ структуры и семантики сложных существительных и прилагательных в аварском и русском языках позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих типологическую значимость.

1. Компонентами сложных слов в русском языке выступают как основы различных частей речи, так и самостоятельные слова. Основами здесь в основном представлены первые компоненты: работоспособный, чёрно-белый, землевладелец и др. В аварском же языке первые компоненты обычно представлены в виде самостоятельных единиц, ибо здесь понятия основа слова и слово имеют синонимический характер, потому что существительные в единственном числе не имеют морфологических показателей.

2. Морфологические характеристики компонентов сложных существительных в обоих языках могут совпадать. Так, сходными являются модели: «существительное в номинативе + существительное в номинативе», «основа прилагательного + существительное в номинативе» (в аварском первый компонент представлен кратким прилагательным): в ав.: *чеглеракъ* «чернозём», в русск.: новостройка, сухофрукты и т.д., «числительное + существительное в номинативе»: в ав. *ункъбоклон* «четырёхугольник»; в русск.: однотрубка, двуокись и др. Однако в русском языке, в отличие от аварского, данная модель представлена разновидностями словообразования: а) чистое сложение: пятиокись; б) сложно-суффиксальные существительные: однокурсник; в) сложение с нулевой суффиксацией: однолюб. Сложно-суффиксальные существительные с первым компонентом-числительным непродуктивно представлены и в аварском языке. Не имеет аналогов в русском языке и такая структура, как «числительное + масдар»: *клибикъи* «раздвоение» (*кли* «два» + *бикъи* = масдар от глагола *бикъизе* делить|ся).

Аварской словообразовательной модели «существительное в номинативе + отглагольное суффиксальное существительное» (способ образования характеризуется как сложение с суффиксацией) в русском языке соответствует структура, которая в специальной литературе характеризуется как «сложение в соединении с суффиксацией». Первая часть здесь выражена существительным в номинативе, вторая же – глагольным компонентом в соединении с суффиксом: в

ав.: *щакъитIел* «чернильница» (*щакъи* «чернила» + *tIел* сущ. от глагола *tIезе* «наливать»), в русск.: *воздухоплаватель, канатоходец* и др. Вместе с тем характеризующие модели отличаются семантическими характеристиками.

В русском языке сложные существительные, имеющие такую структуру, чаще всего обозначают производителя действия (названия лиц, орудий, инструментов). В русском языке среди существительных, образованных по указанной модели, встречаются и такие, в которых второй компонент является связанным не только по семантике, но и по своему строению: *космопроходец, космолаз*. В научной литературе отмечается: что вероятность того, что эта «вторая часть приобретёт самостоятельность и станет употребляться как отдельное слово, равна едва ли не нулю» (Словообразование современного русского литературного языка 1968: 290). В функциональном плане имеют сходства в сопоставляемых языках и такие модели: «существительное в номинативе + масдар» (в аварском) и «основа существительного + отлагольное существительное» (в русском): *xIухъбахъи* «отдых», *бербиххи* «изумление» (большинство таких существительных имеет отвлечённое значение); в русск.: *воздухоплавание, жизнепонимание, самолётовождение* и др.

3. Как в русском, так и в аварском языках имеют место сложно-составные слова. Компоненты таких существительных в обоих языках могут находиться в определительных отношениях. Различие же состоит в том, что в русском языке определительный компонент, в отличие от аварского, может находиться как в препозиции по отношению к другому компоненту, так и в постпозиции. В аварском же определительный компонент, как правило, является первым: в ав.: *тахбакI* «кресло» (*тах* «трон» + *бакI* «место»), *гъалбацI* «лев» (*гъал* «грива» + *бацI* «волк»); в рус.: *меч-рыба, скатерть-самобранка, хатародильня* и т.д.

В аварском языке сложно-составные слова в плане семантических отношений, реализующихся между компонентами, достаточно разнообразны: а) компоненты обозначают части целого (такие существительные обозначают совокупность однородных предметов, названных составляющими компонентами: *рос-лъади* «супруги» (*рос* «муж» + *лъали* «жена»); б) составляющие компоненты указывают на разные признаки, совмещённые в одном предмете: *ясли-ах* «яслисад», *гIакълу-лъай* «знания, ум, мудрость» (*гIакълу* «ум» + *лъай* «ум»);

в) компоненты сложного существительного находятся в синонимических отношениях: *сихIру-макру* «хитрости» (*сихIру* «хитрость» + *макру* «коварство»); г) компоненты находятся в антонимических отношениях: *сордо-къо* «сутки» (*сордо* «ночь» + *къо* «день»), *рохел-паишманлъи* «радости-горести». В русском языке компоненты сложно-составных слов также могут находиться как в синонимических, так и в антонимических отношениях: *грусть-тоска*, *друг-приятель*; *вопросы-ответы*, *приём-выдача*, *экспорт-импорт* и т.п.

При определённой однотипности моделей образования сложно-составных слов в русском и аварском языках обнаруживаются и расхождения: так, в аварском языке сложно-составные слова образуются соединением двух масдаров в номинативе, при этом первые компоненты подвергаются определённым изменениям: а) может быть пропущен конечный согласный, элемент показателя масдара = *й*: *кван-на-гъекъей* «еда, пропитание» (из: *кванай* = масдар от глагола *кваназе* «есть», «кушать» + *гъекъей* – масдар от глагола *гъекъезе* «пить»); б) масдарно-глагольный корень первого компонента оформляется гласным элементом = *а* (вместо показателя масдара), второй же компонент может не иметь самостоятельного лексического значения: *мальа-хъвай* || *мальа-хъваял*-мн.число «нравоучения, наставления» (*мальа* из *мальи* – масдар от глагола *мальизе* «учить» + *хъвай* – масдар от глагола *хъвазе* «писать»). В русском языке эквивалентом масдара в некотором роде могут выступать отглагольные существительные. Сложные существительные, образованные соединением таких существительных, в русском языке не продуктивны. Образования такого типа больше носят, как отмечалось в первой главе монографии, специальный характер или употребляются на уровне речи: *приезд-отъезд*, *приливы-отливы*, *включение-выключение* и др.

Сложные существительные составного характера с несамостоятельными компонентами, не имеющими собственного значения или автономно не употребляемыми, представлены в обоих языках: в ав.: *гара-чIвари* «беседа», *букъа-бутIи* «грызение», в русск.: *фигли-мигли* «уловки, шутки», *летка-енка*, *крюйт-камера* и т.д.

4. Сложные существительные, образованные сложением существительных в номинативе (в русском: основа существительного + самостоятельное существительное), в аварском языке не только преобладают количественно, но и отличаются разнообразием семантических функций составляющих компонентов (обычно первых по отно-

шению ко вторым). Первые компоненты могут обозначать материал, из чего сделан предмет, названный вторым компонентом, могут находиться со вторыми компонентами в видо-родовых отношениях, выполняют определительные функции, вместе со вторым компонентом указывают на совокупность предметов одного назначения: *тIикъва-магI* «подкова с гвоздями».

В настоящее время в аварском языке отмечается определённая активность употребления сложных существительных, второй компонент которых выражен формой множественного числа *чагIи* «люди»: *такъсирчагIи* «преступники» (*такъсир* «преступление»), *зулмучагIи* «насильники; террористы» (*зулму* «насилие»), *хъамалчагIи* «грабители» (*хъамал* «грабёж, опустошение»).

5. Специфична для аварского языка модель «родительный падеж существительного (в определительной функции) + существительные в номинативе». Первый компонент употребляется как в полной, так и усечённой форме (чаще). В целом функцию первого компонента можно охарактеризовать как определительную, однако в отдельных группах существительных первые компоненты выполняют более конкретные (частные) функции: а) служат конкретизатором значения второго компонента: *бачавехъ* «тлячий пастух»; б) обозначают целое, части которого названы вторым компонентом: *гъакихIос* «ось арбы» (букв. «арбы ось»); в) указывают на назначение предметов, обозначенных вторыми компонентами: *бидурихъ* «кровеносный сосуд»; г) указывают на материал предмета, обозначенного вторым компонентом: *хIедучирахъ* «свеча» (букв. «воска светильник»), *суматIагъур* «соломенная шляпа».

В ряде сложных существительных характеризуемой модели произошло сращение смыслов составляющих частей, переосмысление их значений, результатом чего является полная фразеологизация значения всего целого: *хIамирачI* «хвойник конский» (*хIамил* «осла» + *рачI* «хвост»), *бацIикIал* «приспособление для снятия фруктов» (*бацIил* «волка» + *кIал* «пасть»).

Таким образом, во всех сложных существительных, образованных в аварском языке по модели «р.п. сущ. + и.п. сущ.», первый компонент подчёркивает какой-либо один отличительный признак: форму, материал, назначение, качество и т.д.

6. Формальные различия между компонентами сложных существительных в аварском и русском языках могут быть в опреде-

лѐнной мере компенсированы семантическими сходствами, однофункциональностью компонентов. Так, в русском языке не образуются существительные по модели «существительные в номинативе + безаффиксальное причастие» (у причастия отсекается суффикс с классно-числовыми показателями), характерной для аварского языка: *габурбухъ* «шарф» (букв. *габур* «шея» + *бухъ-унеб* «которым перевязывают»). Большинство сложных существительных данной модели имеет фразеологичную семантику. Функционально второму причастному компоненту в русском языке может соответствовать безаффиксальный глагольный компонент. Первые части таких существительных конкретизируют действия, выраженные вторым опорным компонентом: *зверолов*, *солевар*. В отличие от аварского языка, в русском в качестве первых компонентов могут выступать разные части речи: прилагательные (*тайнопись*), числительные (*однолюб*), местоимения (*самосвал*) и т.д.

7. Такие же функциональные сходства характерны и для других моделей аварского и русского языков. Модель аварского языка, представленная структурой «существительное в именительном падеже + краткое прилагательное»: *Гамалберцин* «о человеке с хорошим характером» (*Гамал* «характер» + *берцин* = кр. прил. от *берцинаб* «красивая»), в русском языке не имеет формально соответствующей модели. В семантико-функциональном плане соответствующей можно считать модель, образованную сложением прилагательных с существительными (в сочетании с нулевой аффиксацией): *толстосум*, *долгопят* (*обезьяна*). Русская модель имеет обратный порядок компонентов. Общей же особенностью является то, что такого типа существительные в обоих языках могут обозначать растения и животные. Именно в этих случаях ярче выражена фразеологичность семантики сложных слов: *чистотел* (растение), *желтощек* (рыба), в ав.: *тIемтIубагIар* «петух», *гIоркьхалат* «местный сорт груш». В аварском языке образуется значительное количество слов, обозначающих внутренние и внешние качества лиц. В первом случае при обозначении отрицательных качеств регулярно используется краткое прилагательное, образованное от отрицательной формы глагола *гьечIо* «не имеется, отсутствует» со значением «не имеющий» (того, что обозначено первым компонентом): *агьазгьечI* «беззаботный», *сабругьечI* «нетерпеливый» (в русском языке отрицание семантики выражается приставками *без-* (бес-), *не-*). В других случаях краткие прилагатель-

ные выражают разные качества лиц или других неразумных существ. По характеру значения такие существительные образуют две группы: а) существительные с фразеологичной семантикой и б) существительные, семантика которых может быть мотивирована значениями составляющих компонентов.

8. Общим для сопоставляемых языков способом словообразования сложных существительных следует считать «сложение с нулевой суффиксацией». Морфологические характеристики составляющих компонентов при этом могут различаться. Так, достаточно специфической, хотя и непродуктивной для аварского языка, является модель «деепричастие + краткое безаффиксальное причастие» (редко: существительное), не имеющая места (в морфологическом плане) в русском языке. С другой стороны, в русском языке могут быть глагольные вторые компоненты безаффиксального образования, функционально соответствующие причастным компонентам в аварском языке, но не используются в качестве первого компонента деепричастия: бракодел («тот, кто делает брак», функционально: «делающий брак»), ледокол, грузовоз и др.

9. К структурам сложных существительных, не имеющим формально-грамматических аналогов в русском языке, следует отнести: «форма локатива (местного падежа) + существительное в номинативе» (способ образования = сложение с суффиксацией: к локативу присоединяется глагольный корень с субстантиватором–суффиксом): *рагьдател* «слуга», (*рагьда* «во дворе» + *тел* = связанный компонент-субстантив от глагола *тезе* «оставлять»). Возможно также сложение локатива с самостоятельным существительным в номинативе: *какикъжо* «коврик для намаза» (*какикъ* «под намазом» + *жо* «вещь»). Отсутствие аналогичных моделей в русском языке объясняется отсутствием локативных падежных форм. Однако такая причина не всегда имеет реальную силу: не имеет в русском языке аналога и модель «наречие и существительное в номинативе». Причём такие структуры образованы тремя способами: а) чистым сложением; б) сложением с суффиксацией: *метеркъо* «завтрашний день; будущее» (*метер* «завтра» + *къо* «день»); *гьоркъльел* «задаток»; «взятые в заложники» (*гьоркъ* «внизу» + *льел* = субстантивный суффиксальный компонент от глагола *лъезе* «класть, положить»); в) сложением с нулевой аффиксацией: *рельедакунчI* «светлячок» (*рельедал* «ночью» + *кунчI* от глагола *кунчIизе* «светиться»). Не имеет в русском языке аналога модель

«наречие + масдар». Существительные с такой морфологической структурой большей частью характеризуются фразеологичностью семантики: *нахъерай* «подхвостник», *тIадерахъи* «оспа» и др.

Для аварского языка характерны и отдельные сложные существительные, имеющие свою собственную морфологическую структуру, не повторяющую моделей других типов как в аварском, так и в русском языках: *бокъарабахъ* «сорвиголова» (*бокъараб* = причастие от *бокъизе* «желать, любить» + *бахъ* = безаффиксальное образование от глагола *бахъине* «произойти»). Таких существительных несколько: *гIелбаадал* «ровесники», *рахчирукъ* «прятки» (детская игра).

С другой стороны, обращают на себя внимание такие сложные существительные в русском языке, модели которых не повторяются в аварском: это, к примеру, сложные существительные, первые компоненты которых выражены структурами сам-, взаимно-, место- и др: взаимовлияние, местопребывание. Ещё один фактор, на который следует обратить внимание в русском языке, это многозначность существительных, образованных сложением в сочетании с суффиксацией: трубоукладчик (человек и машина). В русском языке, в отличие от аварского, вторые компоненты могут быть представлены в форме множественного числа: лесозаготовки, мясopоставки и т.д. или в переносном значении (что характерно для новообразований): автоветеран, автодиспетчер.

Невозможны в аварском языке сложно-составные существительные, где вторая часть выражена, в свою очередь, сложным существительным: женщина-воздухоплавательница, спортсменки-легкоатлетки.

10. В аварском языке в образовании сложных существительных действует и принцип аналогии с соответствующими структурами русского языка: *росуцоаяв* «односельчанин», но впоследствии по этой же модели образуются сложные слова на собственной почве (у них нет аналогов в русском языке): *вагонцоаял*, «пассажиры одного вагона», *пишацоаял* «работники одной отрасли»; «коллеги».

11. Сложные существительные, образованные одним и тем же способом, в сопоставляемых языках могут отличаться и продуктивностью|непродуктивностью. Так, в русском языке достаточно продуктивен способ сложения с суффиксацией. Первыми компонентами при этом могут быть разные части речи, а второй суффиксальный компонент образуется от глагола: баснописец, скоросшиватель,

самоотравление и др. В аварском же вторые отглагольные компоненты крайне редки, поэтому такие структуры не дают достаточного основания для сопоставительного анализа.

12. Как и сложные существительные, сложные прилагательные в аварском языке образуются без участия соединительного гласного (интерфикса), характерного для русского языка. Расхождений и соответствия в способах образования и морфологической структуре сложных прилагательных в сопоставляемых языках заключаются в следующем:

12.1. В формально-грамматическом отношении совпадающих словообразовательных моделей в сопоставляемых языках мало. Одна из таких моделей лежит в основе образования прилагательных – цветообозначений: в ав.: «краткое прилагательное + полное прилагательное» – в русск.: «основа прилагательного + самостоятельное полное прилагательное». В обоих языках семантически опорные компоненты обозначают основной цвет, а первые – оттенок цвета: *бецIбагIараб* «тёмно–красный», *бецIхъахIулаб* «тёмно-синий». Запрет на образование отдельных прилагательных такой структуры в аварском языке связан с тем, что прилагательные типа коричневый, серый (ср. в русском: тёмно–коричневый, светло-серый) в аварском языке имеют сложную структуру и своими первыми компонентами обозначают реально-точный цвет: *тIулакъераб* «коричневый» (букв. «печени цвета»), *рохъолкъераб* «серый» (букв. «золы цвета»). Да и в русском языке цветообозначения, в основе которых лежит цвет определённого предмета, не допускают образования сложных прилагательных: *кофейный*, *небесный*.

Другой моделью, где обнаруживаются сходства в морфологических характеристиках составляющих компонентов, является модель, образованная с участием числительных (первые компоненты) и полных прилагательных: *кIумIалаяб* «двухэтажный». Общая особенность у таких слов состоит и в том, что вторые компоненты – прилагательные в обоих языках образуются от существительных.

В отдельных случаях при определённом сходстве моделей различия касаются продуктивности – непродуктивности. Так, в русском языке достаточно продуктивно создаются сложные прилагательные сложением основы первого прилагательного с полной формой второго: фабрично-заводской, профессорско-преподавательский. В аварском языке такие прилагательные образуются редко и употреб-

ляются сравнительно нерегулярно.

В обоих языках образуются сложные прилагательные, вторые компоненты которых выражают значение подобия, сходства, а первые компоненты выражены существительными: в ав. *бакъгIадай* «солнцеподобная», *моуIгIадай* «луноподобная», в русск.: *слоноподобный, звероподобный*.

В обоих языках имеет место словообразование сложных прилагательных по способу «сложение с суффиксацией». Однако морфологические характеристики компонентов при этом могут быть разными: так, в русском языке в одной из моделей второй компонент выражен суффиксальным отглагольным прилагательным или причастием (модель продуктивна особенно в научно-технической терминологии): *сладкопевный, шапкозакидательный*.

12.2. Ряд словообразовательных моделей сложных прилагательных аварского языка не имеет аналогов в русском языке. Отсутствие аналогичных структур объясняется разными причинами: формально-грамматическими ограничениями, семантическими факторами и т.д. С другой же стороны, в одном из языков может быть представлена модель, не имеющая точного формально-грамматического соответствия в другом, но однотипная в функционально-семантическом плане. Так, модели «существительное в номинативе + прилагательное» аварского языка в русском семантически соответствует модель: «основа прилагательного + полное прилагательное»: в ав. *гIазахIаб* «белоснежный», в русск.: *угольно-чёрный*.

В русском языке место первого компонента в таких прилагательных чаще занимают основы относительных прилагательных. В этой связи вполне объяснимы случаи образования сложных прилагательных в аварском языке, где первым компонентом является родительный определительный существительного в функции прилагательного: *гьацIулкьераб* «цвета мёда».

Не имеет формально-грамматического соответствия в русском языке модель «сущ + прилаг»: *растIеренаб* «тонкий как волос», *лахIбецIаб* «тёмный как сажа». В семантическом плане также обращает на себя внимание разнообразие этих прилагательных, связанных с обозначением цвета, качеств людей, качеств предметов и т.д.

Одним из формально-грамматических ограничений на образование в русском языке сложных прилагательных выступает невозможность образования формы той или иной части речи: так, в рус-

ском языке не образуется прилагательное от существительного цвет со значением «имеющий цвет». В аварском именно такое прилагательное *къераб* может быть вторым компонентом сложных прилагательных: *зодилкъераб* «небесного цвета».

Отдельным прилагательным аварского языка в русском соответствуют простые по структуре прилагательные-цветообозначения: *ракьулкъераб* «землистый», *рохьокъераб* «пепельный» (букв. «цвета золы»).

Как всегда, отсутствие идентичных моделей в аварском и русском языках объясняется наличием в той или иной модели связанных компонентов. В аварском в качестве такого компонента может быть представлено слово «*махIаб*» (отсубстантивное десемантизированное прилагательное уподобительного значения: *цержмахIав* «хитроватый» (*церж* «лиса» + *махIав*). Многие характеристики такого типа связаны с лицами мужского пола, а слова-прилагательные отличаются, как правило, негативной коннотацией.

Определённая часть русских эквивалентов таких слов содержит в качестве второго компонента семантически параллельное слово –*подобный*: *скотоподобный*, *женоподобный* (в этом случае большая часть сложных прилагательных в обоих языках в качестве первых компонентов содержит названия животных и в целом характеризует те или иные качества людей).

Ещё одним связанным вторым компонентом в аварском языке выступает адъектив *хIалаб*, указывающий на определённый вкус или содержание предмета, обозначенного первым компонентом: *къанцIахIалаб* «с привкусом уксуса», *цIамхIалаб* «солесодержащий». Такая модель в русском языке не представлена, отсутствие же сложных прилагательных такого характера компенсируется простыми прилагательными на = ист (ый): землистый, сернистый и т.д.

То же самое можно сказать о моделях со связанными компонентами *ккараб* и *хараб* в аварском языке. Такие прилагательные в составе сложных прилагательных в русском языке не имеют аналогов: *тIогьилккараб* «желтоватый», *тIеренккараб* «тонковатый», *гIаркъахараб* «ветвистый».

12.3. Не имеет в аварском языке соответствий ряд словообразовательных моделей русского языка: а) прилагательные, образованные сложением с нулевой аффиксацией: *саблерогий*, *козлоногий*; б) сложные прилагательные со вторыми связанными компонентами -

видный, не имеющие прямого соответствия в аварском языке: *груше-видный*, *-вален-тный*, *-генный*, *-геничный*: *фотогеничный*, *вулканогенный*; в) прилагательные с первым компонентом *много-* | *малоземельный*, *малогабаритный*, *многоцветный* (отдельные слова подобной структуры в аварском языке могут быть рассмотрены как словообразовательные кальки: *Гемерсонилаб* «многолетний»); г) сложные прилагательные с первым глагольным компонентом (так образуется крайне ограниченное количество слов): *пучеглазый*, *лупоглазый*; д) прилагательные, отличающиеся семантическим обособлением: *хлебосольный*; е) прилагательные, образованные способом сращения: *вечнозелёный*; ж) прилагательные с первыми компонентами *ново-*, *свеже-*, *обще-*, *само-*, *еже-*: *новобрачные*, *свежеиспечённый*, *общеевропейский* и др.

12.4. Из индивидуально-авторских сложных прилагательных в русском языке следует отметить трёхкомпонентные слова типа *красно-бело-зелёный*, прилагательные с компонентами антонимического характера: *чёрно-белые брови*, прилагательные с компонентами в переносном значении: *мокрогубый ветер*, *двухэтажные губы*, прилагательные с компонентами разных семантических полей (в ряде случаев такие компоненты семантически несовместимы): *бледно-неверное море*, *знойно-эмалевое небо*. Часть индивидуально-авторских сложных прилагательных невоспроизводима и носит окказиональный характер: *дурнопахнущий аромат*, *рискованно-смелая берёза*.

В отличие от общеязыковых сложных слов, в пословицах и поговорках могут быть употреблены сложные слова с компонентами во мн. числе: *смехи-потехи*, *страсти-напасти*. Сложные слова окказионального характера и необычной морфологической структуры отмечаются и в аварских пословицах-поговорках. Они представляют собой разовые образования, и поэтому модели не повторяются.

Таким образом, сходные в сопоставляемых языках словообразовательные модели свидетельствуют об одинаковых формах выражения логически однотипных понятий в разных языках. Принцип экономии языковых ресурсов порождает вместо неудобных громоздко-описательных конструкций сложно-аналитические образования. Случаи расхождений или отсутствия в том или другом языке соответствующих моделей объясняются перечисленными выше факторами.

13. Роль русского языка как фактора, влияющего на сло-

вообразовательные возможности аварского языка заключается в том, что в аварском языке ряд сложных слов образован в результате аналогии с соответствующими сложными словами (прежде всего – существительными) в русском языке. По причине новизны эти слова не включены в существующие словари аварского языка. Появление такого типа слов способствует расширению словообразовательных возможностей аварского языка и появлению новых словообразовательных моделей; сложное слово может служить образцом для образований по аналогии.

В научно-терминологической и общественно-политической лексике расширение словообразовательных возможностей аварского языка связано с процессом калькирования. В проанализированном нами материале не отмечены случаи заимствования словообразовательной модели (не свойственной аварскому языку) вместе с лексической единицей. Употребление же в речи аварцев сложных слов типа вагон–ресторан не затрагивает системы моделей сложных слов, ибо аналогичная структура производных сложных слов имеет место в аварском языке.

14. В обоих языках словообразовательное значение значительного количества сложных существительных и прилагательных носит абстрактный характер, заключающийся в указании на связь простых основ в составе сложного слова. Словообразовательное значение производных в таких случаях имеет синтагматический характер, так как оно сводится к идее соединения простых основ. Вместе с тем в обоих сопоставляемых языках немало случаев, когда словосложение (или основосложение) сопровождается аффрикацией. При этом синтагматическое деривационное значение осложняется значением, вносимым аффиксом (материально выраженным или нулевым), т.е. происходит взаимодействие синтагматического и словообразовательного значения, характерного для аффиксального способа словообразования (особенно это характерно аварскому языку).

Несмотря на то, что словообразовательное значение сложных слов носит достаточно абстрактный характер (в отличие от аффиксального словообразования), в обоих языках представлены случаи осложнения семантики производного конкретными семантическими оттенками, придающими словообразовательной мотивации модификационный характер. Часть семантических дополнений носит фразеологический характер, в связи с чем происходит фразеологизация семан-

тики производного сложного слова.

В случае вхождения производящих основ в состав производного в прямых значениях словообразовательные отношения в обоих языках в основном могут быть характеризованы как отношения эквивалентности, что исключает осложнение семантики производного.

Отношения модификации и мотивации (в узком смысле слова) реализуются в тех случаях, когда имеет место метафоризация значений, составляющих сложное слово, основ или в значение производного входит какая-либо сема, компонент лексического значения составляющего, наиболее существенные с точки зрения обозначаемой реалии. Чаще всего отношения модификации и мотивации сопровождаются фразеологизацией семантики производного. Такой характер фразеологичной семантики наиболее характерен для аварских сложных существительных, в том числе образованных по моделям «И.п. + И.п.», «Р.п. + И.п.».

Переносное употребление компонентов сложного слова более характерно для аварского языка, оно становится очевидным и понятным из контекста или определяющего компонента.

15. Модели сложных слов в аварском и русском языках представляют интерес в типологическом плане с точки зрения части речи, лексического значения и возможных вариантов порядка следования составляющих компонентов. В отличие от аварского языка, где компонент с определительным значением в составе сложного слова занимает фиксированную препозицию, в русском соответствующий компонент может быть как в препозиции, так и постпозиции, что свидетельствует о большей гибкости соответствующей модели в русском языке и возможности вариантов. В обоих языках составляющие компоненты могут носить конкретный или отвлеченный, синонимический или антонимический характер, они могут обозначать цвет, размер, возраст (порядок следования этих компонентов не всегда совпадает). В обоих языках сложные слова, части которых находятся с синонимических отношениях, отражают одно и то же явление с разных точек зрения. Даже в тех случаях, когда составляющие компоненты в сложносоставных словах являются антонимами, они взаимно дополняют друг друга. Единство такого типа сложных слов обеспечивается тем, что определение, общее для обеих частей, употребляется по отношению ко всему сложному целому. В аварском языке чаще используются компоненты со значением множественности, собирательности

или слова, обозначающие предметы одного семантического поля: *михъ-мечеж* «ус-борода», *бетIер-магъ* «голова-хвост» и др. С точки зрения частиречной принадлежности составляющих сложное слово компонентов отмечаются типологические сходства и различия. В обоих языках составляющими могут быть числительные, прилагательные, существительные, наречия (в аварском – дополнительно и формы местных падежей в наречном значении). В русском языке, в отличие от аварского, используются и местоимения, а в аварском употребление в качестве первого компонента прилагательных, деепричастий также является специфичным.

16. В типологическом плане достаточно важны и некоторые наблюдения над словообразовательными возможностями составляющих сложные слова основ существительных и прилагательных в сравниваемых языках, а также выяснение факторов, влияющих на продуктивность словообразовательных моделей или, напротив, ограничивающих такие возможности. Материал монографии позволяет отметить, что стилистически окрашенные существительные чаще используются в составе сложных слов, употребляющихся в книжной речи для создания различных композитивных значений, хотя словообразовательный потенциал таких слов в аварском языке не столь велик. Роль прагматического компонента (важные для человека сферы жизни), связанного с целенаправленной деятельностью или моральными качествами человека, также сказывается на продуктивности модели или словообразовательных возможностях составляющих частей. В сложных существительных, выражающих качественные характеристики *лиц*, достаточно активно используется глагольный компонент *гьечI* (от *гьечIо* «не имеется»). Для обоих языков оказывается существенной степень сочетаемости тех или иных компонентов (широта сочетаемости). Данный фактор по причине своей значимости оказывается существенным даже для связанных компонентов, занимающих в обоих языках обычно постпозицию (ср. употребление в аварском языке связанного компонента *кьераб* с формами существительных в родительном падеже или употребление связанного компонента –*видный* в русском). Наши наблюдения в этом плане позволяют утверждать, что для обоих языков можно говорить о продуктивности как целого сложного слова, так и составляющих его частей. Анализ системной продуктивности в сравниваемых языках позволяет определить круг факторов, ограничивающих продуктивность, их универ-

сальность или специфичность. Таким семантическим ограничением в аварском языке является невозможность соединения связанного компонента «*кьераб*» (от *кьер* «цвет») с собственно цветообозначением из-за семантической избыточности такой структуры.

Аналогичное явление имеет место и в русском языке (ср. невозможность сложных слов типа «красноцветный», «желтоцветный» при наличии «разноцветный»). В обоих языках высокой степенью продуктивности обладают словообразовательные модели, на которые не накладываются структурные, лексико-семантические и стилистические ограничения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев А.К. Словообразование и склонение производных именных основ в цезком языке // Именное склонение в дагестанских языках. – Махачкала, 1979.
2. Абдуллаев А.К. О фонеморфологических явлениях в словообразовании цезкого языка//Фонетическая система дагестанских языков. – Махачкала, 1981.
3. Абдуллаев А.К. Словообразование в цезком языке: Автореферат дис... канд. филол. наук. – Махачкала, 1981.
4. Абдуллаев З.Г. Даргинский язык Т.П. – М.: Наука, 1993.
5. Абдуллаев И.Х. Некоторые вопросы глагольного словообразования в лакском языке // Глагол в языках Дагестана. – Махачкала, 1981.
6. Абдуллаев М., Сулейманов Я. Аварский литературный язык. Учебник для педучилищ. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1965. – На ав.яз.
7. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка. – Махачкала, 1954.
8. Азаев Х.Г. Словообразование и лексика ботлихского языка: Автореферат дис...канд. филолог. наук. – Тбилиси, 1975.
9. Алексеев М.Е, Атаев Б.М. Аварский язык. – М., 1998.
10. Алексеев М.Е Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков –М.: Наука, 1988.
11. Алексеев М.Е Аварский язык // Государственные языки в Российской Федерации. – М., 1995.
12. Алиханов З. Аварские пословицы и поговорки. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1972. – На ав. яз.
13. Алиханов С.З. Генезис аварского словообразовательного элемента –чи // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. – Махачкала, 1985.
14. Алиханов С.З. Суффиксальное словообразование глаголов в аварском языке // Вопросы словообразования дагестанских языков – Махачкала, 1986.
15. Алиханов С.З. Словообразование в аварском языке: Автореферат дис...канд. филолог. наук – Махачкала, 1994.
16. Андреева С.В. Сопоставительно-типологическое исследование способов словообразования в бурятском и русском языках: Автореферат дисс... канд. филол. Наук. – Улан-Удэ, 1996.

17. Арутюнова Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. – М., 1981.
18. Атаев Б.М. Морфология аваро-андо-цезских языков. – Махачкала, 1996.
19. Бакина М.А. Имена прилагательные как производящие основы современного словообразования // Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966.
20. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование – М., 1955.
21. Бозиев А.Ю. Словообразование имён существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. – Нальчик, 1965.
22. Бокарёв Е.А. Краткие сведения о языках Дагестана. – Махачкала, 1949.
23. Боровой Л.Л. Путь слова. – М., 1965.
24. Вакилов Х.С. Имя существительное в гинухском языке (Морфологические категории и словообразование): Автореферат дис...канд. филолог. наук. – Махачкала. 1998.
25. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. – Уфа, 1981.
26. Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1947.
27. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). – М., 1986.
28. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Исследования по русской грамматике. – М., 1975.
29. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию//Избр. работы по русскому языку. – М., 1959.
30. Гагиев И.И. О глагольно-валентных и падежно-семантических свойствах именных композитов абазинского языка//Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках: Тезисы докл. IX регион. науч. сессии. – Махачкала, 1981.
31. Гаджиева Д.Р. Имя прилагательное в аварском языке. – Махачкала, 1979.
32. Гаджиева С.Г. О некоторых вопросах словосложения в лакском языке // Вопросы словообразования дагестанских языков. – Махачкала, 1986.
33. Гайдаров Р.И. Основы словообразования и словоизменения в лезгинском языке. – Махачкала, 1991.

34. Гайдаров Р.И. О некоторых общих моментах в словообразовании дагестанских языков // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. – Махачкала, 1969.

35. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1971.

36. Гак В.Г. Задачи и методы сравнительно-типологического изучения языков // Сравнительная типология французского и русского языков. – М., 1977.

37. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998.

38. Ганиева Ф.А. Словосложение как один из способов словообразования в хиналугском языке // Вопросы словообразования дагестанских языков. – Махачкала, 1986.

39. Гарипов Т.М. Башкирское именное словообразование. – Уфа, 1959.

40. Гарунова К.И. Некоторые соматические названия в диалектах аварского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. – Махачкала, 1986.

41. Гасанова А.М. Некоторые особенности образования тектонимов в салтинском говоре аварского языка // Вопросы словообразования дагестанских языков. – Махачкала, 1986.

42. Головин Б.Н. Введение в языкознание. – М., 1973.

43. Головин В.Г. Очерки по русской морфемике и словообразованию. – Воронеж: Воронежского университета, 1990.

44. Головин В.Г. Принципы выделения словообразовательных частей слова и их характеристика: Автореферат. дисс... докт. филол. наук. – Л., 1991.

45. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику / Русский пер. – М., 1959.

46. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970.

47. Григорьев В.П. О взаимодействии словосложения и аффиксации // Вопросы языкознания. – 1961. – № 5.

48. Грищенко Н.С. Типы развертывания в словосочетаниях сложносуффиксальных и аффиксоидных имен существительных в современном русском языке. Автореферат дисс... канд. филол. наук. – М., 1998.

49. Григорьян Э.А. Принципы классификации суффиксоидов (на

материале сложных существительных с корнями глаголов движения в опорном компоненте) // Филологические науки. – 1981 – № 3.

50. Григорьян Э.А. Суффиксоиды в системе современного русского языка (на материале сложений со 2-м глагольным компонентом): Автореферат дисс... канд. филол. наук. – М., 1970.

51. Гудава Т.Е. Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийском языках. – Махачкала, 1959.

52. Гюльмагомедов А.Г. О сложном глаголе в лезгинском языке // Материалы шестой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. – Майкоп, 1980.

53. Гюльмагомедов А.Г. Проблема дифференциации словообразования и фразообразования в дагестанских языках // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 3. – Академия, 1996.

54. Гюльмагомедов А.Г. Сопоставительное языкознание в очерках и извлечениях. – Махачкала, 1991.

55. Денисенко О. Словообразовательная структура сложных имён прилагательных русской анатомической терминологии // Актуальные вопросы русского словообразования. Т. I. – Ташкент, 1975.

56. Дешериев Ю.Д. Грамматика хиналугского языка. – М., 1959.

57. Джидалаев Н.С. Соматические слова и вопросы словообразования в лакском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. – Махачкала, 1986.

58. Джидалаев Н.С., Алиханов С.З. Генезис аварского словообразовательного элемента –чи // Тюркско-дагестанские языковые контакты. – Махачкала, 1985.

59. Ермакова О.П. Фразеологичность семантики производных слов различной словообразовательной структуры // Актуальные проблемы русского словообразования. 1. – Ташкент, 1975.

60. Ермакова О.П. Идиоматичность семантики и членимость слова // Актуальные проблемы русского словообразования. 2. – Ташкент, 1976.

61. Ермакова О.П., Земская Е.А. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1985. Вып. 6.

62. Живая вода. Сборник русских народных песен, сказок, поговорок, загадок. – М., 1977.

63. Жирков Л.И. Грамматика аварского языка. – М., 1924.

64. Жирков Л.И. Словообразование в аварском языке // Языки Дагестана. Вып. 1. – Махачкала, 1948.
65. Загиров В.М. Словообразовательные суффиксы имён существительных в языках восточнолезгинской группы // Вопросы словообразования дагестанских языков. – Махачкала, 1986.
66. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. – М., 1977.
67. Земская Е.А. Понятие о производности, оформленности и членности основ. – М.: Наука, 1966.
68. Земская Е.А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Вопросы истории и современного состояния. Виноградовские чтения. – т. I-VIII. – М., 1978.
69. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М., 1973.
70. Земская Е.А.. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова // Изв. АН ССР. Сер. лит. и яз. – 1985. – Вып. 6.
71. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992.
72. Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык. – М.: Наука, 1978.
73. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Санскрит. – М., 1960.
74. Иванова Т.А. Некоторые особенности употребления родительного принадлежности в современных славянских языках // Вопросы филологии. – Л., 1974.
75. Исаева З.М. Роль пространственных наречий в образовании сложных глаголов аварского языка // Вопросы словообразования дагестанских языков. – Махачкала, 1986.
76. Исаков И.А. Глагольное словообразование в гунзибском языке // Вопросы словообразования дагестанских языков. – Махачкала, 1986.
77. Исаков И.А., Хашимов М.Ш. Соматические названия в цезких языках // Проблема отраслевой лексики дагестанских языков. – Махачкала, 1981.
78. Казиев Г. Лексика аварского языка. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1969. – На ав. яз.
79. Кайдалова А.И. Лексико-грамматическая характеристика сложных прилагательных: Автореферат дис. канд. филол. наук – М., 1970.

80. Каллистова И.В. Замечания по вопросу об отношении частей внутри сложного слова // Уч. зап. Казанск. ун-та. Т. 116, кн. 5 – 1956.
81. Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. II. – М.:Изд-во МГУ, 1977.
82. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П., Самедов Д.С. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. I. – М.: Изд-во МГУ, 1977.
83. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1972.
84. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. – М., 1990.
85. Климов А.Г. Кавказские языки. – М.: Наука, 1965.
86. Кондрашов Н.А. Основные вопросы русского языка. – М.: Просвещение, 1985.
87. Краткая русская грамматика. Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. – М., 1989.
88. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. – М.: Высшая школа, 1995.
89. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразования // Языковые номинации. Виды наименований. – М., 1977.
90. Кузьмина С.М., Лопатин В.В. К лингвистическому обоснованию «Свода правил русского правописания» (новая редакция) // Русистика сегодня. 1996, № 1.
91. Лагутова Е.Н. Образование сложных слов на базе несклоняемых имён существительных с гласными финалиями // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1978.
92. Левковская К.А. Словообразование. – М.: Изд. МГУ, 1954.
93. Леон Л.А. Словообразовательные модели «существительное + существительное» в современном русском языке // Лингвистический сборник. Проблемы лексикологии и семантологии русского языка. Вып. 9. – М., 1977.
94. Лихтман Р.И. Трудные вопросы словообразования. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1991.
95. Лопатин В.В. Метафорическая мотивизация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. I. – Ташкент, 1975.
96. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. – М., 1977.

97. Лопатин В.В. О сложных словах со второй частью = проходец // Вопросы культуры речи. Вып. V. – М., 1964.
98. Лопатин В.В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // Вопросы языкознания, 1966. № 1.
99. Лопатин В.В. Словообразование как объект грамматического описания // Грамматическое описание славянских языков. – М., 1974.
100. Лопатин В.В., Милославский И.Г., Шелякин М.А. Современный русский язык. Теоретический курс. Словообразование. Морфология / Под ред. проф. В.В. Иванова. – М.: Русский язык, 1989.
101. Магомедов М.-Г.З. Именное словообразование в даргинском языке. – Махачкала, 1972.
102. Магомедова П.Т. Способы словообразования в животноводческой номенклатуре чамалинского языка // Вопросы словообразования дагестанских языков. – Махачкала, 1986.
103. Магомедбекова З.М. Глагольное словообразование и семантические особенности аварского глагола // Ежегодник ИКЯ. Т. VIII. – Тбилиси, 1990.
104. Магометов А.А. Агульский язык. – Тбилиси, 1970.
105. Мадиева Г.И. Аварский язык (Пособие для студентов). Ч. I – Махачкала: Дагучпедгиз, 1965.
106. Мадиева Г.И. Аварский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. – М., 1967.
107. Мадиева Г.И. Морфология аварского литературного языка. – Махачкала, 1980.
108. Мадиева Г.И. Некоторые вопросы сопоставительной грамматики русского и аварского языков: В помощь учителю русского языка в аварской школе. – Махачкала: Дагучпедгиз, 2 изд., 1991.
109. Макухина Е.А. Словообразовательная семантика сложных существительных в современном русском языке: Автореферат. дисс.... канд. филол. наук. – Киев, 1987.
110. Маммаева Н.Ц., Абдуллаев И.Х. Материал по соматической терминологии лакского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков. – Махачкала, 1986.
111. Манучарян Р.С. Некоторые вопросы сопоставления словообразовательных категорий (на материале русского и армянских языков) // Вопросы семантики. Тез. докл. – М., 1971.
112. Манучарян Р.С. Словообразовательное значение в разных

аспектах // Русский язык: Вопросы теории и методики. – Ереван, 1976.

113. Манучарян Р.С. Аспекты и вопросы сопоставительно-типологического изучения словообразования // Гюльмагомедов А.Г. Сопоставительное языкознание в очерках и извлечениях. – Махачкала, 1991.

114. Мельникова А.И. Об одной новой контаминированной модели сложения слов // Уч. зап. МГПИ. – М., 1962.

115. Микаилов Ш.И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. – Махачкала, 1964.

116. Микаилов Ш.И. Орфографический словарь аварского языка. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. – На ав. яз.

117. Микаилов К.Ш. Арчинский язык. – Махачкала, 1967.

118. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – М., 1980.

119. Милославский И.Г. О регулярном приращении смысла при словообразовании // Вопросы языкознания. – 1975. № 6.

120. Михайлов М.А. Аффиксация и сложение // Словосочетание, словосложение и аффиксация как способы словообразования. – Владивосток: АН СССР, 1990.

121. Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском языке. – Л., 1987.

122. Муркелинская З.Г. Об основах сложных глаголов в лакском языке // Морфологическая структура дагестанских языков. – Махачкала, 1981.

123. Муркелинский Г.Б. Словообразование в лакском языке. – Махачкала, 1957.

124. Мусаев М.-С.М. Именное словоизменение даргинского языка. – Махачкала, 1980.

125. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. – Л., 1984.

126. Немченко В.Н. О диахронии и синхронии в словообразовании // Филологические науки. – 1985. – № 5.

127. Никитина Ф.А. Лингвистическое обоснование ввода и закрепление словообразовательных моделей (на материале сложных слов русского языка) // Семантика и структура деривационных моделей. – Владивосток: АН СССР, 1988.

128. Никитина Ф.А. Сложные слова и аналогия // Актуальные

вопросы дериватологии и дериватографии. – Владивосток: АН СССР, 1986.

129. Низбаев А.С. Русские сложные имена существительные регулярно повторяющимися первыми компонентами и их соответствие в узбекском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук – Саратов, 1970.

130. Нурмагомедов М.М. Образование деепричастий в аварском языке // Вопросы словообразования дагестанских языков. – Махачкала, 1986.

131. Нурмагомедов М.М. Морфологическая структура глагола в аварском языке: Автореферат дис...канд. филол.наук. – Махачкала, 1993.

132. Панов М.В. О слове как единице языка// Уч зап. Моск. гос. пед ун-та им. В.П. Потемкина. – 1956. – Т. 51.

133. Панов М.В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М., 1971.

134. Панов М.В. Изучение состава слова в национальной школе. – М, 1979.

135. Пастушенков Г.А. Структура слова (единица структурно-семантического плана). – Калинин, 1977.

136. Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1960.

137. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах. – М.: Художественная литература, 1984.

138. Рахманова Л.И. Несколько замечаний по поводу проекта новой редакции орфографических правил // Русская словесность. 1998, № 6.

139. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М., 1996.

140. Рожкова Г.И. Очерки практической грамматики русского языка. – М.: Высшая школа, 1987.

141. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ф.П. Филина. – М., 1979.

142. Русская грамматика. Т. I. – М.: Наука, 1980.

143. Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Словообразование современного русского языка / Под ред. М.В. Панова – М., 1968.

144. Саидов М.-С. Краткий грамматический очерк аварского языка // Аварско-русский словарь. – М., 1967.

145. Саидова П.-А. Некоторые соматические термины в аваро-андийской группе языков // Проблемы отраслевой лексики дагестан-

ских языков: Соматические термины. – Махачкала, 1981.

146. Самедов Д.С. Некоторые вопросы лексики арчинского языка: Автореферат дисс... канд. филол. наук. – М., 1975.

147. Самедов Д.С., Магомедов Г.И. К вопросу о лексических и структурных общностях в дагестанских языках // Отраслевая лексика дагестанских языков. – Махачкала, 1981.

148. Сложное слово. // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997.

149. Смыр Л.Х. Словообразовательные модели названий трав в абазинском языке // Региональное кавказоведение и тюркология: Традиции и современность. Тезисы докладов. – Карачаевск, 1998.

150. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1981.

151. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1989.

152. Соловьева А.Д. Сложные слова, образованные на базе фразеологизмов как объект лексикографии // Словосочетания и сложные слова в терминосистемах и литературной норме. – Владивосток, 1984.

153. Соттаев А.Х. Имя существительное в карачаево-балкарском языке. – Нальчик, 1968.

154. Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики (на материале современности немецкого языка). – М., 1968.

155. Стракова В. Модель сопоставительного анализа словообразовательной системы // Гюльмагомедов А.Г. Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М., 1987.

156. Структурные общности кавказских языков. – М.: Наука, 1978.

157. Торопцев И.С. Словообразовательная модель. – Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1980.

158. Тимофеев К.А. Об основных понятиях словообразования // Русский язык в школе. 1971, № 3.

159. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // Вопросы языкознания. – 1984, № 1.

160. Улуханов И.С. Мотивация производности (о возможностях синхронно–диахронического описания языка) // Вопросы языкознания. – 1992, № 2.

161. Улуханов И.С. О принципах описания значений словообразовательно мотивированных слов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. –

1970. – № 1.

162. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. – М., 1977.

163. Урусиллов А.У. Роль русского языка в развитии и обогащении лексики аварского языка: Автореферат дис...канд. филол. наук. – М., 1967.

164. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковина. – М.: Русский язык, 1978.

165. Царев А.А. Сложное слово и сопоставительное сочетание в современном русском языке // Вопросы теории и методики изучения русского языка. УЗ Казанского гос. пед. института. Вып. 77. – Казань, 1970.

166. Фидровская А.С. Замечание по вопросу об отношении частей внутри сложного слова // Уч. зап. Казанск. ун-та. Т. 116, кн. 5. – 1956.

167. Хайдаков С.М. Очерки по лексике лакского языка. – М., 1961.

168. Харитончик З.А. О некоторых путях сопоставительного изучения словообразовательных систем // Гюльмагомедов А.Г. Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М., 1987.

169. Чамсаева Б.Т. Лексика традиционных промыслов даргинского языка. – Махачкала, 1998.

170. Чокаев К.З. Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи. Ч. I. – Грозный, 1968.

171. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М.: Изд. МГУ, 1968.

172. Шанский Н.М. О соединительном гласном как словообразовательной морфеме // Русский язык в школе. – 1958. – № 5.

173. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973.

174. Шмелёв Д.Н. Об одном случае активной аналогии в современном русском языке // Развитие современного русского языка. – М., 1963.

175. Янко-Треницкая Н.А. Закономерность связей словообразования и лексических значений в производных словах // Развитие современного русского языка. – М., 1963.

176. Янко-Треницкая Н.А. Фразеологичность языковых единиц

разных уровней языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Вып. 5.– 1969.

177. Ярулина Т.С. Словообразовательные возможности русских непроизводных глаголов (к вопросу о взаимодействии грамматики и словообразования): Автореферат дисс.... канд. наук. – 1980.

СЛОВАРИ

178. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.

179. Горбачёв К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. – Л., 1979.

180. Жирков Л.И. Аварско-русский словарь. – М., 1936.

181. Исаков И.А., Хайбуллаев М-Р. Русско-аварский словарь – Махачкала, 1992.

182. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. – М., 1986.

183. Магомедханов М.М. Фразеологический словарь аварского языка. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1980. – На ав. яз.

184. Микаилов К.Ш. Русско-аварский терминологический словарь – Махачкала, 1991.

185. Новое в русской лексике: Словарные материалы – 1979 / Под. Ре. Н.З.Котеловой. – М., 1982.

186. Новые слова и значения: Словарь–справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. – М., 1971.

187. Новые слова и значения по материалам прессы литературы 80-х годов. – СПб, 1997

188. Обратный словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1974.

189. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 2003.

190. Потиха З.А. Школьный словообразовательный словарь. – М., 1964.

191. Саидов М.-С., Микаилов Ш.И. Русско-аварский словарь. – Махачкала, 1951.

192. Саидов М.–С. Аварско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1967.

193. Сводный словарь современной русской лексикологии. В 2-х томах – М., 1991.

194. Словарь современного русского литературного языка в 17

томах. – М. – Л., 1950–65.

195. Словарь русского языка АН СССР в 4-х томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981-1984.

196. Словарь современного русского литературного языка в 20-ти томах. – М.: Русский язык, 1991–1992.

197. Словарь иностранных слов. – 7-е изд., перераб. – М.: Русский язык, 1980.

198. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. – М., 1978.

199. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х Т. – М., 1985.

200. Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь. – М.: Школа Время, 1996.

201. Толковый словарь русского языка в 4-х томах / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996.

202. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. – СПб.: РАН, 1998.

203. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.Н. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список аварских слов существительных и прилагательных, анализируемых в монографии

А

- адаб-хІурмат – «уважение»
ахІвал-хІал – «положение, состояние»
ахІи-хІурмат – «крик, шум»
амручІемер – «фантазер»
анищІужу – «мечтательница»
аргъанчІужу – «гармонистка»
авал-ахир – «конец, предел»
анищхалат – «мечтатель»
ахакъчІикІ – «беззаботный»
анцІилбетІер – «десятник»
анкъгъат – «7 слоёв»
анкъкІач – «книжка» (часть «желудка»)
абуначи (из орф. словаря)
авал-къоно – «квартал аула», «окружающая территория»
адаб-хъатир – «уважение, почёт»
азаркъераб – «тысячицветный»
азархана – «больница» (устар.)
азархІетІе (из орф. словаря)
азбар – къоно - «дом и двор»
аман – мадад - «просьба, мольба»
амахвад // эмен хвад (прокл.) – «да помрёт твой отец»
анкъракІ (из орф. словаря)
аргъанадо – «морщинистый лоб»
аргъанчи – «гармонист»
ахирарбагІ – «злополучный час»
анкъгъатаб – «семислойный», «семиэтажный»
асгъечІ – «неавторитетный», «не имеющий достоинства»
ас-къо – «авторитет, солидность»
ахІулгама – «спасательное судно»
адабгъечІ – «нахал», «циник»
аллагъгъечІ – «безбожник»

Б

- багъа-бачари – «движение, сдвиг, шевеление»
багІаргъинаб – «красноватый»

баҒаргъоло – «фасоль»
баҒарҒеч – «красные яблоки» (сорт)
баҒарикI – бот. «кизильник, кизил»
баҒарбакъ – «ярко-красное солнце»
баҒармесед – «красное золото» (чистое золото)
баҒарчараб – «пёстро-красный»
баҒаржо – «почка» (диал. анат.)
баҒарачараб – «красноватый»
бада-гъудур – «неразбериха, беспорядок, путаница»
бадибигъ – уст. «сетка» (вдаль)
базаркъватI – «базарная улица» – улица, где устраивают базар
базаркъо – «базарный день»
бакъалбазар – «бакалейный базар»
бакъалтукен – «бакалейная лавка» (магазин)
бакъанимех – «предвечернее время»
бакъанилҒуж – «предвечернее время»
бакъдебусс – «подсолнух»
бакъхIан – (из орф. словаря)
бакъадарахъи – «жировое отложение на поверхности кишок»
басмахана – «типография»
байрамкъо – «праздничный день»
бахъикъос – «негодяй»
бахъинхIинчI – «белая птица»
бахъинцIибил – «сорт белого винограда»
бегIерҒучI – уст. «запор дверной»
бачавехъ – «пастух телят»
бегIгъечI – «некрасивый»
берберцин – «о человеке с красивыми глазами»
берккей – «сглаз»
бербалагъи – «присмотр, забота»
беркIал – «лицо»
бесдалмахIу – «малая берцовая кость»
бетарахъ – «простокваша»
бетIербахъи – «жизнь»
бетIеркъай – «головная повязка»
бецазенкIкIеро (из орф. словаря)
бецаҒункIкI – «тушканчик»
бецаруз – «филин»

бецІбагІараб – «тёмно-красный»
бецІбурияб – «тёмно-коричневый»
бацІитІагъур – «шут, клоун»
бецІгІурчинаб – «тёмно-зелёный»
бецІккараб - «темноватый»
бецІмахІаб – «с темноватым оттенком», «темноватый»
бецІхъахІилаб – «тёмно-синий»
бидурихъ – «кровеносный сосуд»
бижаражо (тІихъ)
биаранах – «топлёное масло»
билбагІараб – «багровый»
билигъуд – «крашеная деревянная ложка»
битІунхъвай – «правописание»
бихха-бичи – «разрушение»
бихха-хочи – «растерянность», «суматоха»
бихъа-лъай – «сведения, знания о чём-либо»
бихъа-рагІи – «посещение, заход»
бихъинкъегІер – «ягнёнок-самец»
бихъинхІама – «осёл-самец»
богойжо – «продукты для ужина»
богогІуж – «пора ужина»
богорукъ – «кухня»
боголикак – «вечерний намаз»
бодасур – «бесстыдник»
болмацІ, болмац – «народный язык, койне аварское»
болнух – «шоссейная дорога»
борхъикъали – «раковина улитки»
больо-къоно – «каменная лестница»
больонитІинчІ – «поросёнок»
бохижал – «обувь»
боцІи-панз – «скот»
буге-гъечІеб – «всё, что имеется»
бугъналага – «лопатка» (анат.)
буравгъецІ – «тиски»
бурдитІил – «чижик с палкой» (игра)
буртинахъитал – «войлочные сапоги»
буртІинкилиц – «большой палец»
бухаритІагъур – «каракулевая шапка–папах»

бухаритахта – «каракулевая смушка»
бухIаражо – «бульон, отвар»
бухIунхутI – «окурочок»
баянрагIи – «пояснение»
бакъ-моцI – «небесные светила» (букв, «солнце–луна»)
бетIергъанчIужу – «владелица»
бетIергъанчи – «владелец, хозяин»
буцрахъарши – «полка для постельных принадлежностей»
битIгъечIолъи – «неудача»
боголимех – «подвечернее время»
бацIикIал – «приспособление для снятия фруктов»
бакъвачIачIа – «густая буза» (хмельной напиток)
бокIонбитI – «прямоугольник»
бокъонацI – «фурункул»
батIи-батIияб – «разнообразный»
бокIнахараб – «многогранный, многоугольный»
бакъTерхъ – «запад»
бегIберцин – «миловидный»
бихъингIанкI – перен. «молодец» (букв, «самец–заяц»)
бацIмахIав – «о смелом человеке» (букв, «волкоподобный»)
бихъинмахIав – «мужественный»
бокъарабахъ – «сорвиголова»
бадибчIвай – «упрёк»
балагъутIабакI – «наблюдательный пункт»
бакъулунти – «лихорадка»
бакъбакк – «восток»
бербиххи – «изумление»
бетIербухъ – «головная повязка»
бетIер-магъ – «начало и конец»
бухIунчIикI – «похлёбка»
бох-ратIа – «конечности»
бекIикIичI – «крючки» (для застегивания бешмета)

В

варанихIинчI – «страус»
ворта-хъети – «беготня»
вагIза-насихIат – «наставления»
вагонцоял – «пассажир одного вагона»

Г

габурбицат – «толстошей»
габурбухь – «шарф, шейный платок»
габуртIерен – «тонкошей»
габурхалат – «о человеке с длинной шеей»
гажахараб – «клыкастый, зубастый»
газа-раххан – «кирка–мотыга»
гара-чIвари – «беседа, разговор»
гванздегIен – «нехолощённый козёл»
генугъветI – «грушевое дерево»
гозогIоркь – «рукоятка кирки»
гордабигъ – «занавеска для окна»
гугъунбече – «телёнок», перен. «маленький, глупенький»
гуржимачу – «грузинские чувяки»
гуржичIинчIу – «грузинский платок»
габаниквар – «конопляная нитка»
габанихьон - «конопляное семя»
гохI-щоб – «холмы, возвышенности» (собр.)
гелрачI – «дикий козёл»

Гъ

гъадаробер – «одноглазый», «циклоп»
гъадибусен – «воронье гнездо»
гъазиквачI – «гусиная лапка»
гъажазубетIер – «плечо»
гъалакохIинчI (из орф. словаря)
гъалбацI – «лев»
гъалдибер – «вьючное седло для осла»
гъалухIинчI (из орф. словаря)
гъанцIакIичI – «крючок на одежде»
гъасдакквел – «угощение для собравшейся на посиделки молодёжи»
гъатахараб – «многослойный»
гъваки-двари – «шум–грохот»
гъеждалъел – «поклажа на плече»
гъеждакIичIал – «погоны»
гъира-шавкъ – «страстное желание»
гъира-цIа – «порыв страсти», «вдохновение»
гъоркъарукъ – «нижняя комната»
гъоркълъел – (из газ.: «заготовки», «основа»)

гъоркъчІвай – «подкладка»
гъоркъчІел – «засада»
гъолобер – «отверстие для вдевания затычки ярма»
гъологІучІ - «затычка ярма»
гъуд-гІучІ –»ложки–вилки» (собр.)
гъоркъагъури – «ветер, дующий снизу»
гъварда-къоно – «тряпьё, лохмотья»
гъорлъетІам – «животные или предметы, поручаемые чьему-либо присмотру»

Гъ

гъацІулкъераб – «цвета мёда»
гъагмахаІаб – «глуповатый»
гъадигъветІ –»липа»
гъакибер – «колесо арбы»
гъадирохъ - « липовая роща»
гъакимахх (из орф. словаря)
гъакихІос – «ось»
гъанальхинкІал – «пельмени»
гъанамагІ – «мозоль»
гъара–гъикъи – «мольба», «просьба»
гъацІучед – «мёд в сотах»
гъинтах – «полотно», «мягкая белая ткань»
гъиналракІ – «искреннее сердце»
гъитІинкилиц – «мизинец»
гъобочІикІ (зоол.) – «мокрица»
гъодимугъ
гъуинаб–цІекІаб – «сладкое–кислое»
гъоркъобакІ – «отношение»
гъорогъеду (из орф. словаря)
гъуингІеч – «сорт сладких яблок»
гъумерхъахІ – «белолицая»
гъумерквеш – «с некрасивым лицом»
гъумерсурукъ – «с безобразным лицом»
гъунаркъвал – «специальный ремень у седла для джигитовки»
гъодимокъ – «позвоночный столб»
гъабикъали – «приёмный бункер мельницы»
гъантурад (прокл.) – «чтоб плоть сгнила»

гъвелрахъ – «молочай»
гъудул-гъалмагъльи – «приятели»
гъоцлогъеч – «сорт сладких яблок»
гъумерцар – «личность»
гъоркъожо – «пари»
гъурихъалаб – «ветренный»

Г I

гъабдалмахъав – «глуповатый»
гъабкъитъамах – «листья лопуха»
гъадлу-низам – «порядок», «дисциплина»
гъад-хочъ – «насмешка»
гъазаб-гъакъуба – «трудности, мучения»
гъазухъахъаб – «белоснежный»
гъакълугъечъ – «не имеющий ума», «глупый»
гъакъуба-къварилъи – «муки, трудности»
гъамалкъвеш – «о человеке с плохим характером»
гъамалкъодо – «гордец»
гъанкъикъветъаб – «заячья губа»
гъанкъу-хъелеко (собир.) – «домашняя птица»
гъарщ-квар (собир.) – «нити-верёвки»
гъачивехъ – «пастух»
гъачимухъ – «млечный путь» (букв. коровий путь)
гъебсахъурщ – «бокоплав» (насекомое)
гъекъмацъ – «пряжка»
гъатъ-тъех (из орф. словаря)
гъечугъветъ – «яблоня»
гъелбокъ – «хлев для овец»
гъиялъажо – «овца»
гъиндацар (из орф. словаря)
гъиндамес (бакъвазабизе)
гъиси-бикъинаб – «мелкий, мелочный»
гъисинпихъ – «алыча»
гъодо (б)кари – «ежевика», см. гъодокари (в орф. словаре даётся без (б))
гъодонакъкъ – «туман»
гъомо-горо – «ком», «круглый, кругленький»
гъаркъахараб – «ветвистый»
гъоштлогъоркъ – «топорище»

гІункІкІхІинчІ – «летучая мышь»
гІункІрукъ – «локоть»
гІайиб-гъвел – «упрёки, порицания»
гІурдамучари – «тмин»
гІурдахІан – «гриб»
гІаздалкъераб
гІурумухъ – «русло реки»
гІурччинпер – «зелёный лук»
гІурччинхер – «трава» (зелёная)
гІучІалтІам – «ящик для ложек»
гІакданах – «сливочное масло»
гІертІикъкквел – «войлочная накидка»
гІурухъхур – «поле у ручья»
гІоркъхалат – «лиственный сорт кисло–сладких груш»
гІатІиракъ – «плоскость», «равнина»
гІазу-цІер – «осадки в виде снега–града»
гІарц–борохъ (из орф. словаря)
гІодоркъоял – «выходные дни, дни отдыха»
гІелбашадав – «ровесник»
гІисинлъимал – «дети, детвора»
гІакълу-лъай – «знания», «мудрость»
гІурулхоно – «обточенный водой камень»
гІазаб-гІакъуба – «мучения»
гІатІ-тІех – «мука», «смолотое зерно»
гІайиб-гъвел – «порицания», «упрёки»
гІанкІ-цер (собир.) – «дикие звери»

Д

дагъа-макъаб – «незначительный»
дагІба-рагІи – «спор», «ссора»
дандежо – «всё, что едят с хлебом»
дандерижи – «эхо»
дарай-зарба (собир.) - «шёлковые ткани»
даран-базар – «торговля»
даранчагІи – «торговцы»
даранчІужу – «торговка»
дару-дарман (собир.) - «лекарства»
дару-сабаб – «лечение»
дахІадада – «дедушка»

дванки-дари – «стук, гул»
дуниялсур – «посрамлённый»
дахIабаба – «бабушка»
дагIба-къец – «тяжба», «спор»
диванрукъ – «судебная палатка»
дин-ислам – «религия»
дугIа-алхIам – «молитвы»
дуниял-гIалам – «весь свет»
дагIба-рагIи – «ссора, спор»

Ж

жанивтIами – «арест»
жема-къеми (из орф. словаря)
жамагIатчи – «один из старейшин»
жагьилчIужу – «необразованная женщина»

З

Загьру-закъум – «яд», «отрава»
захIматчагIи – «труженики»
захIматчи – «труженик»
зоб-ракъ – «вселенная»
зулму-хIал – «насилие, гнёт»
зулмучагIи – «эксплуататоры», «угнетатели»
захIматкъо – «трудодень»
зазигIункIкI – «белка»
зодикъераб – «небесного цвета»

И

имангьечI – «безжалостный»
ихтилат-кеп – «веселье», «весёлое времяпрепровождение»
ичIкIал – «скорпион»
ищубетIер – «место, откуда бьёт родник»
инсангьечI – «несправедливый», «безжалостный»

Й

йоргъачу//юргъачу – «иноходец»
йитIа-йиши – «выздоровление», «поправка»

К

какикъжо – «коврик для совершения намаза»
кананах (из орф. словаря) - «масло лучины»
канапицI – «смола лучины»
канахIехъ – «чурбан»

канагІборохъ (зоол.) - «уж»
карачахараб – «волнообразный»
картІахараб – «дырявый»
каругъветІ – «тутовое дерево»
кванимех – «время употребления пищи»
кванирукъ – «желудок»
квердахел – «перчатка»
кверкъел – «дверная ручка»
кверчІел – «подол, пола»
кверщел – «власть»
керенсвери – «телогрейка»
кетуруз – «филин»
кантІогъилаб – «жёлтый, как лучина»
кирахІакъ – «плата за наём»
колхозчІужу – «колхозница»
корорукъ – «комната с печью для выпечки хлеба»
кумекчагІи – «помощники»
кусамегеж – «о редкой бороде»
кутнамахх – «лемех плуга»
куцберцин – «миловидный»
куц-мухъ – «вид», «внешность»
куц-бегІ – «физиономия»
кици-бицен – «пословицы-поговорки» (собр.)
кагъат-гІарац – «бумажные деньги»
как-кІал – «соблюдение религиозных обрядов»
канн-цІа – «свет»
кусамахІав – «о человеке с редкой бородой»
куцквеш – «с безобразной внешностью» (о человеке)
какичури – «омовение»
кверчІвай – «поддержка»
канчІбагІараб – «ярко-красный»

Къ

къадеквен – «обед» (еда)
къадекак – «обеденный намаз»
къалантІар – «пенал»
къасабчи – «мясник»
къасабчагІи – «мясники»
къасиквен – «ужин»

къвекѣѣум – «орёл с пёстрым оперением»
къоркъотѣамах (бот.) - «мать-и-мачеха»
къохьольѣалкъач (зоол.) - «летучая мышь»
къадру-къимат
къварилъѣи-захѣмалъѣи
къайи-ѣѣа – «приданое»
къедабигъ – «занавеска»
къиматгъечѣ – «человек, не пользующийся уважением»
къанѣѣахѣалаб – «перекисленный»

Къ

къагѣрихер – «трава для ягнят»
къвагъа-гѣанхъѣи – «перестрелка»
къвахаражо – «квас» (местный)
къенсер-бер (собир.) - «глаза-брови»
къер-къераб – «цветной», «разноцветный»
къер-мухъ – «цвет лица»
къили-матахѣ – «принадлежности верховой сбруи»
къилимегѣер – «седло-гора»
къили-тѣенк – «седло и все его принадлежности»
къурупиѣѣ – «горная смола»
къурухер – «трава, растущая на скалах»
къан-къѣвач (разг.) - «пах»
къурди-хъат – «танцы, пляски»

Кѣ

къѣлберѣин – «краснобай»
къѣлалъбакъѣ – «почётное место в доме для кунака»
къѣлбазар – «болтун»
къѣлдиярал – «удила»
къѣл-маѣѣ – «язык», «речь»
къѣлухъѣѣа – «пробка», «затычка»
къѣмури къо – «арочный мост»
къѣигъат – «два слоя», «два этажа»
къѣѣбагъаб – «двухгодовалый»
къѣигъеж – «плечо»
къѣигъумерѣлав – «двуличный»
къѣигѣаркъѣелаб – «раздвоенный», «разветвлённый надвое»
къѣиликъѣѣѣ – «задвижка», «крючок с петлёй»
къѣиригъ – «двухэтажный дом»

кИтГала – «два этажа»
кИтГалаяб – «двухэтажный»
кИтГанкI – «двоеточие»
кИхьибилаб – «с двумя боками»
кЮчЮпер – «лук репчатый»
кIвекьмахх – «ножницы»
кIкIлал-расалъаби – собир. «ущелья–долины»
кIаркьенбагIар–1) «краснощёкая» (о женщине); 2) перен. «сорт
яблок»

кIикIвекьяб – «раздвоенный»
кIибикьи – «раздвоение»
кIиборлъи – «пробивание»
кIигьумерлъи – «лицемерие»
кIуди-кIудияб – «большие», «больших размеров»

Лъ

лъабгъат – «три слоя»
лъабгъатаб – «трёхслойный»
лъабгIаркъелаб – «разветвлённый на 3 части»
лъабетIераб – «с тремя головами»
лъабгIин – (из орф. словаря)
лъабокIонаб – «треугольный»
лъабокIон – «треугольник»
лъабохилаб – «треногий»
лъабох – «треножник»
лъабатIияб – «трёх различных видов»
лъай-хъвай – «знакомство»
лъамамесед – «ртуть»
лъарахIинчI – «синица»
лъарамухъ – «русло реки»
лъольонах – «льняное масло»
лъимхIалаб – «водянистый»
лъабмоцI – «три священных месяца у мусульман»

М

магъакь-кIачар – «барахло»
магъигIел – «сторож», «охранник посевов», «глашатай»
магъдидарай – «нагрудник» (часть конской сбруи)
магIазукьалал – «ноздри»

магІирукъ – «комната, где оплакивают покойника»
мада-гъадар –1)»поправка, выздоровление»;2)»терпимое состояние»

мажбикъ – «четвероюродный брат»

мологІучІ – «ступенька деревянной лестницы»

маргъал-якъут – «драгоценные камни» (букв, «жемчуг–яхонт»)

маркІачІугІуж – «вечернее время»

маркІачІузаман – «вечерняя пора»

махсарачагІи – «шутники»

матахІ-кІач – «имущество, вещи»

махигъветІ – «берёза»

махх-кІач «железо», «железяки»

маххукъебед – «кузнец»

махІквеш – «юшан»

мачІукъехъ – «наждачная бумага»

мергокълъел – «подставка под веретено»

меседкун – «золотая нитка»

микъгъат – «восемь слоев»

мискин-пакъир – «беднота», «бедные люди»

мичІильхинкІ – «вареники с крапивной начинкой»

мокърогъветІ – «персиковое дерево»

мохрочалаби – «дугообразное деревянное приспособление для катка»

мукърукъ – «потолок»

мукъурберцин – «с красивым зобом», «сизый» (о голубе)

мухІур-хІат – «очень много», «множество», «тьма»

мугъчІвай – «опора»

магъизаз – «осот»

мазгарулкъераб – «бронзового цвета»

магъакъ-кІачар – «утильсырьё»

магъигІел – «сторож, охраняющий посеvy»

мальа-хъваял – «наставления»

михъ-мегеж – собир. «усы-бороды»

месед-гІарац – собир. «драгоценности», «богатство-золото»

мочохур – «просяное поле»

махирохъ – «березняк»

мегежхалат – «с длинной бородой»

мачІгорахъ – «парное молоко»

махІбач – «охотничья собака»

Н

найицибил – «мелкий виноград»

накъишчиужу – «мастерица»

накІкигъветІ – «сосна»

намусгъечІ – «не имеющий совести»

нахъарукъ – «комната, где хранят провизию», «кладовая»

нахъамегъ – «задняя часть поля»

нахъарай – 1) «подхвостник», 2) «шлея»

нахъбакІ – (из орф. словаря)

нахърател – «запасы»

нису-нах – «блюдо из творога с маслом»

нисульхинкІал – «вареники с творогом»

ничгъечІ – «не имеющий стыда»

нухарегІи – «провода»

нухмалъи – «руководство»

нухмалъулел – «руководители»

нуца-къоно – собир. «дом-двор»

нич-намус – «совесть», «стыдливость»

нартичирахъ – «керосиновая лампа»

нусиреч – «паук-крестовик»

О

охолроль – «яровая пшеница»

оцбай – «праздник первой борозды»

оцхІутІ – «червь», «навозный жук»

оцмахІав – «подобный быку», "тупой»

огъоквер, огъохъат – «ладонь»

П

пихъ-мичІ – «фрукты», «сухофрукты»

пуруц-рукъ – «соха с ярмом»

пурцигер – «оглобля сохи»

пурцигоркъ – «ручка-держатель сохи»

пурцимахх – «лемех плуга»

пуй-чивай – «метель», «выюга»

партал-къай – 1) «одежда», 2) «постельные принадлежности»

парсциулакьо – «орехи-фундук»

пикригъечІ – «беззаботный»

пероцаяв – «коллеги по перу»

пахьукъебед – «лудильщик»

Р

рагъ-къал – «война», «драка», «ссора»

рагъдател – «слуга»

рагъумахIу – «порог»

рагIа-ракъан – «край», «конец»

рагIи-хер – «корма» (из трав)

рагIи-цIа – то же, что и «рагIи-хер»

ражибух – «ступка для чеснока»

ражипер – «чеснок»

ракъи-къеч – «голод», «недоедание»

рас-муч – «волосы на лице»

рахчирукъ – «прятки» (игра)

рахъдакъераб – «цвета золы»

рахъубикъ – «пятиюродный брат»

рахъухъирщ – «домосед»

рахъубахъ – «совок для золы»

рахIмугъечI – «беспощадный»

рацIа-ракъалъи – «чистота», «аккуратность»

рачелкъай – «талия», «поясница»

регъелхIалаб – «сырой», «влажный»

рельедакунчI – «светлячок»

рельлъен-хъвай – «сходство»

ретIел-тIех – собир. «одежда»

ретIел-къай – собир. «вещи, одежда»

рицIимахIу – «голень»

рокъи-къал – «сердечные (любовные) дела»

ругънахер – «подорожник»

ругънатIамах – «подорожник»

рукъмухъ – (из орф. словаря)

русулнакIкI – (из орф. словаря)

ральдагъой – «тюлень»

ризилага – анат. «лопатка»

ракъугIеч – «земляная груша» (топинамбур)

рагIадхалат – (из орф. словаря)

рохъдокъераб – «цвета золы»

рухIчIаголъи – «всё живое», «живое существо»

рачIхалат – «о собаке с длинным хвостом»

рохел-пашманлъи – «радостно-горестно»
ракъцояв – «земляк»
росуцояв – «односельчанин»
ракъамахІаб – «костистый»
рос-лъади – «супруги»

С

синухІатІ – «глина»
синугъечІ – «неряха»
сипат-сурат – «внешность», «облик»
сологІучІ – «ключица»
сордокъо – «сутки»
соцкъец – «соревнование (соцсоревнования)»
ссандакІус (из орф. словаря)
суматІагъур – «соломенная шляпа»
сурмадарай – «шёлковая ткань коричневого цвета»
сурдалъел (из орф. словаря)
суртІагъур – «папаха»
синукалуш – «резиновые калоши»
сивурукъ – «башня, приспособленная под жильё»
сабругъечІ – «нетерпеливый»
сумагІучІ – «соломина»
сухІмаг- бертин
сурмацІул – «сандаловое дерево»
сурмамикки – «сизый голубь»

Т

тапа-тухум – «племя, род»
тамаша-гІаламалъи – «удивление», «изумление»
тахбакІ – «кресло», «трон»
тахшагъар – «столица»
тунка-гІуси – «стычка», «столкновение»
тухум-къибил – «род, родня», «происхождение»
туснахърукъ – «тюремная палата»
такъсирчагІи – «преступники»

ТІ

тІадгъобо – «верхний жёрнов»
тІадерахъи – «оспа»
тІадкІалъай – «выступление в прениях»
тІаждагІаг – «штанина»

тІагьдикькквел – «подставка для пряслица»
тІаждарухьен – «верёвка для брюк»
тІалагьуд – «ящик для ложек»
тІалакьверкь – «черепаха»
тІатІучед – «круг топлёного сала»
тІеренчед – «тонкие лепёшки»
тІехІпиці – «канифоль»
тІикьва-магІ – «подкова с гвоздями»
тІогьилккараб – «желтоватый»
тІогьилкьераб – «жёлтого цвета»
тІокьо-кьоно – собир. «навес-двор»
тІокІцІар – «прозвище»
тІончІорукь – «матка»
тІулакьераб – «коричневый»
тІурччибухІ – «угольщик»
тІасарукь – «верхняя комната»
тІадчагІи – «чиновники», «начальство»
тІагІел-алат – «инструменты для работы»
тІулбикьарав – «родной» (о брате)
тІогьнаці – (из орф. словаря)
тІорахь – «сметана»
тІадкьай – «поручение»
тІадчагІи – «начальники, чиновники, власти»

У

ункьбераб – «четырёхглазый»
ункьбокІонаб – «четырёхугольный»
ункьгьатаб – «четырёхслойный»
ургьисажо – анат. «почка»
ункьрекел – (из орф. словаря)
ункьбокІон – «четырёхугольник»

Х

хабар-кІал – «беседа»
хадубльел – «послелог»
хадурегІел – «частица» (грам.)
ханжу-цІам – собир. «продукты питания»
харибакІ – «сенокос»
харицел – «коса»
хасалогІеч – «сорт зимних яблок»

хвел-рахъин – «жизнь и смерть»
хинкІбахъ – «шумовка»
хиса-баси – «изменения»
хонобах – «сорт абрикос»
хоноборохъ – зоол. «уж»
хур-хер – «полеводческая работа»
хутІа-кІучи – «остатки», «последки»
хух-бурутІ – собир. «ягнята-козлята»
хаба-чІабар – «беседа»
хасалогени – «сорт осенних груш»
хасалимех – «зимняя пора»
ххергІурччинаб – «зелёный, как трава»

Хъ

хъалахъарици (из орф. словаря)
хъалтІерен – «тонкокожий»
хъалбицат – «толстокожий»
хъарци-цІул – собир. «стройматериал» (доски)
хъахІаз – «осот»
хъахІилкъераб – «синего цвета»
хъахІкъераб – «белого цвета», «беловатый»
хъахІмахх – «белая жесть»
хъахІмикки – «белый голубь»
хъахІракъ – «белая глина», «белила»
хъахІрицІ – «белая ива»
хъвай-хъвагІай І «письменность»
хъизан-къайи – «семейство», «домашние»
хъутан-утар – «пастбище с жильём для чабанов»
хъухъанчед – «блин»
хъахІцибил – «сорт белого винограда»
хъахІбер – «белок» (глаза)
хъамалчагІи – «грабители»
хъахІибил – «синька»

Хъ

хъвада-чІвади – 1) «поведение», 2) «ходьба, хождение»
хъварсмахІав – «тупой», «грубый»
хъвацІихъитал – «кожаные чувяки»
хъонбакІ – «скамья»
хъабалахъагІучІ – «ребро»

хъвацІабич – «продавец кожи»

хъвацІакІал – «тупица»

ХІ

хІавагІеч – «айва»

хІажатхан – «туалет»

хІал-хІукму – «состояние здоровья»

хІалтІи-тиша – «работа», «занятие»

хІалбай – «приложение усилий»

хІалчІахъад – «молодец» (похв.)

хІама-кІерт – «ослик»

хІамимугъ – «двускатный»

хІамабагъадур – «безрассудный герой»

хІамагага – «одуванчик»

хІамагъанкъ – «сорт груш»

хІамирачІ – бот. «хвойник конский»

хІамизаз – «колючка»

хІамихинкІ – «вид съедобной травы»

хІамимагъакъ – «подхвостник» (у осла)

хІанкъвагени – «сорт груш»

хІанчІибусен – «птичье гнездо»

хІанчІижага – (из орф. словаря)

хІанчІитІинчІ – «птенец»

хІану-чапур – «мешанина», «свалка каких-либо предметов»

хІатІимаххал – (из орф. словаря)

хІатІишина – «швейная машина»

хІатІракъ – «глинозём»

хІелхІелчагІи – «льстецы»

хІилла-макру – «хитрость», «коварство»

хІинкъи-къай – «боязнь, «страх»

хІинчІ-гъеду – собир. «птица»

хІисаб-суал – «расспросы», «допрос»

хІоржо – «яловая овца»

хІосмахІав – «тупой и упрямый»

хІилла-рекІкІ – «хитрость», «коварство»

хІамул-бачал – собир. «домашние животные»

хІедучирахъ – «свеча»

хІетІерекъ – «кривоногий», «кривобокий»

хІетІ-бетІер – «сбой» (голова, ноги и внутренности)

Ц

цабихъахI – «белозубый»
цадахълъел – «приложение»
цебебигъ – «фартук», «передник»
цеберагIи – «предисловие»
царамахI – «хитрый»
цидурукъ – «вид травы»
цидалхIелеко – «о злом человеке»
цереккунисел – «предыдущие»
цебебухъ – «передник»
цветел - «слуга»
цидуквачI – бот. «медвежья лапа»
цимахIав – «подобный медведю»
цермахIав – «подобный лисе», «хитрый»
царагъой – «вид гусеницы»

Ц I

цагIел – «огниво»
цадалхIама – «улитка»
ца-кан – «болезнь», «высокая температура»
цалагIоркъ – «кнутовище»
цамхIалаб – «солесодержащий»
цIарберцин – «о человеке с красивым именем»
цамгIалаб – «солёный»
цIараки – «хозяйство»
цIцIелмегеж – «вид травы»
цIердабач – «деревянная юла»
цIех-рех – 1) «расспросы», 2) «исследование»
цIиликъверкъ – «древесная лягушка»
цIоросароль – «кукуруза»
цIохъахIаб – «белоснежный»
цIумагъедо – «альпийская галька»
цIумахIав – «женоподобный»
цIуражо – «колбаса»
цIурахинкI – «курзе», «хинкал с начинкой»
цIурачед – «пирог с начинкой»
цIаканаб – «ярко-светлый»

цІакан – « температура, жар»
цІогьорчІужу – «воровка»
цІухІама – «ослица»
цІцеллльгъар – «рожки» (плоды)
цІалкІу-гъод – «поясница»
цІороберал – «очки»
цІекІгІеч – «сорт кислых яблок»
цІогьормахІав – «вороватый»
цІекІермахІав – (из орф. словаря)
цІукІамахІав – «трусливый»
цІекІмахІаб – «кисловатый»
цІанбитІараб – «прямой»
цІекІгъан – «поджелудочная железа»
цІарагІ – «посуда»
цІохъахІаб – «белый как молозиво»
цІадагІел – «кочерга»
цІамутІам – «солонка»

Ч

чехьквеш – «обжора»
чугІигІин – «ракушка»
чанидегІен – «дикий козёл»
чирма-къали – «бочка»
чохьохер – «вид лекарственной травы»
чайхана – «чайхана»
чакар-конфет – собир. «сладости»
чакма-чарухъ – собир. «обувь»
чанаоц – «олень»
чарангъецІо – «твёрдой породы камень»
чаргъеду – «сорока»
чар-чараб – «пёстрый»
чвантакІодо – (из орф. словаря)
чехькІодо – «обжора»
чинаригъветІ – «дерево чинары»
чирахъбакІ – «полочка для лампы в стене»
чура-хули – «обмывание какого-либо события»
чакар-ча – «чай с сахаром»
чахъма-туманкІ – «кремневое ружьё»

ЧІ

чӀегӀеракъ – «чернозём»
чӀахӀахатӀ – «крупный почерк»
чӀегӀерзаз – «колючий кустарник»
чӀегӀеркари – «ежевика чёрная»
чӀегӀерхӀайван – «крупный рогатый скот»
чӀотӀобахъ – «пыжовник» (орудие для вытаскивания пыжа из
ствола)

чӀегӀергъоло – «конские бобы»
чӀахӀи-чӀахӀияб – «большие по размеру», «крупные»
чӀегӀерккараб – «черноватый»
чӀегӀерхер – бот. «душица» (чёрный растительный краситель)
чӀегӀерхӀинчӀ – «грач»
чӀорбутӀ – «самострел», «лук»
чӀегӀержо – «чёрная овца»

Ш

шагӀримоцӀ – «полная луна» (поэт.)
шагӀрикагъат – «почтовая бумага», «писчая бумага высшего
сорта»

шагӀранух – «шоссе»
шакъи-къалам – «письменные принадлежности»
шагъи-пара – «медяки», «мелкие деньги»
шайтӀан-гъури – «вихрь»

Щ

шакъитӀел – «чернильница»
щаринах – «масло, получаемое при сбивании молока»
щурункъверкъ – «черепаха»
щурунтӀагъур – «кепка», «фуражка»
щак-щак – «подозрение»

Э

эгъеборлъ – «вид насекомого»
эбел-эмен – «родители»
эхедемухъ – «верхняя сторона», «подъём»
эбелхвад – 1) «дорогой», 2) «молодец»
эхебемухъ – «нижняя сторона»
эбел-лъимал – «родные», «близкие», «родня»
эхедерегӀел – «подъём»
эхемухъ – «спуск»

Я

ясбер – «зеница ока»
ябучу – «лошадь»
якка-рагґи – (из орф. словаря)
ярагъ-къайи – собир. «оружие», «доспехи»
ярагъ-матахІ – «доспехи»
яхІ-махІ – «терпение»
яц-вац – «брат и сестра»

2. Сложные существительные и прилагательные русского языка

2.1. Сложные существительные, анализируемые в 1-ой главе

ракетоноситель	заказ-наряд
лесостепь	новелла-повесть
носоглотка	путь-дорога
киркомотыга	телега-арба
северо-запад	думы-мысли
темпоритм	житьё-бытьё
хлебозакупки	приход-расход
звукорежиссёр	экспорт-импорт
птицефабрика	восход-заход
квартирохозяйка	запад-восток
лесозаготовка	вопросы-ответы
хлебозаготовка	приём-выдача
дачевладелец	включение-выключение
птиценожка (раст.)	приезд-отъезд
зубоножка (насеком.)	приливы-отливы
руконожка (жив.)	летка-ёнка
плакун-трава	хурда-мурда
игла-рыба	кандиль-китайка
змеерыбка	кампаунд-машина
меч-рыба	крюйт-камера
пила-рыба	фигли-мигли
скатерть-самобранка	уловки-шутки
зигзаг-машинка	ванька-встанька
хата-родильня	фор-стенъга
царь-девица	брейд-вымпел
вагон-ресторан	грот-мачт

перекати-поле	ангел-хранитель
скопидом	блуза-рубашка
держиморда	врач-ортопед
горицвет (раст.)	воротник-стойка
вертиголовка	генерал-майор
вертишейка (назв. птицы)	город-герой
немогузнайка	дом-музей
грусть-тоска	дом-новостройка
друг-приятель	магазин-салон
бал-маскарад	лекция-концерт
брюки-галифе	суховей
рукав-реглан	тугодум
брутто-вес	тяжеловоз
мини-халат	скоропись
лорд-мэр	тайнопись
жар-птица	старожил
вольт-секунда	пескожил (червь)
гамма-частица	однолюб
миди-юбка	однодум
нетто-вес	самопрогон
нетто-энергия	самолёт
телеателье	самосвал
фотоплёнка	стеклодув
киноаппарат	водосброс
черногрудка	пчеловод
соковыжималка	лизоблюд
листопрокатка	листохвост
бензобак	чистотел
широковещание	долгопят
самовосхваление	сталевар
самоотравление	скалолаз
самоограничение	короед
лесостепь	атомоход
кривотолки	снегопад
первоисточник	солнцепёк
вольнослушатель	пулемёт
драгоценности	тепловоз
суходол	солнедар

новостройка
сухофрукты
солевар
снегомёт
зверолов
книголюб
горючевоз
дымоход
пылесос
ледорез
стеклорез
камнепад
пустозвон
однорядка
пятилетка
двустеишие
двухлетие
канатоходец
воздухоплаватель
мореплаватель
грузоотправитель
миноносец
орденоносец
взятодатель
машиностроитель
огнетушитель
камнедробильщик
честолуб
космопроходец
космолаз
землепроходец
однотрубка
двуокись
пятиокись
пятиборье
одноклубник
однокурсник
однолетник

треугольник
лицемерие
лицемер
космоцентр
космошлем
космопорт
космогород
космопластмассы
космостанция
космосеть
космоинженер
космокорабль
космоощущение
космоотправитель
космоплавание
космовидение
ракетолет
ракетоплан
космолёт
звездолёт
планетолёт
экранолёт
стартоплан
винтолёт
земнолёт
турболёт
теплоснабжение
водоснабжение
мореплавание
оспопрививание
ледообразование
формообразование
жизнепонимание
звуквоспроизведение
древонасаждение
топливоснабжение
словоупотребление
огнетушитель

шестиклассник	честолюбец
семигранник	баснописец
однопутка	судоремонтник
водолаз	водокачка
радиоприёмник	мясорубка
радиовещание	мышеловка
сенокосилка	горе-кручина
казнокрадство	
грузополучатель	курица-иноходица
самокрутка	вседозволение
самолюбие	всеисцеление
самопроверка	всегерманский
самохвальство	всеболгарский
самовосхваление	всеафриканский
самоудовлетворение	всефранцузский
самосейка	причерноморье
самовнушение	местопребывание
самоволка	самолёт-зондировщик
самооценка	автомат-погрузчик
самовольщик	машина-уборщик
самоделка	авторегулировщик
трясогузка	мясопоставки
пучеглазка	льнопоставки
вертихвостка	торфоразработки
взаимовлияние	лесоразработки
взаимопонимание	автоветеран
месторасположение	автодиспетчер
самодисциплина	авторулевой
женщина-	
воздухоплавательница	
мужчина-многоборец	
спортсменки-легкоатлетки	
авиатор-сверхзвуковик	
матушка-сошка	
хлеб-соль	
хмель-щеголёк	

2.2. Сложные прилагательные, анализируемые во 2-ой главе

белоснежный
тёмно-синий
ярко-жёлтый
тёмно-зелёный
светло-коричневый
тазобедренный
звуко-буквенный
газонефтяной
физико-математический
хлебобулочный
землепользовательный
мясо-молочный
теплолюбивый
шлакоблочный
геологоразведочный
трактороремонтный
водотрубный
сахарозаводской
саблерогий
козлоногий
сребророгий
горбоносый
иглокожий
носорожий
красногрудый
слабогрудый
чернобровый
тонкошёрстный
двуглазый
стрелобровый
свиноголовый
светлоголовый
чешуекрылый
однокрылый
мужеподобная
громоподобный
свиноподобный
обезьяноподобный

змееподобный
женоподобный
слоноподобный
скотоподобный
ярко-зелёный
ярко-красный
тёмно-синий
тёмно-коричневый
тёмно-зелёный
светло-зелёный

светло-коричневый
тёмно-серый
светло-серый
пятипалый
одноглазый
четвероногий
змеевидный
лишаевидный
клиновидный
зерновидный
шаровидный
конусовидный
гороховидный
серповидный
клиновидный
сноповидный
крестовидный
миндалевидный
гребневидный
грушевидный
копьевидный
зигзагообразный
медведеобразный
червеобразный
клееобразный
змееобразный
мужеобразный

звероподобный
лезвиеобразный
сталеобразный
киселеобразный
каплеобразный
пылеобразный
гребнеобразный
нитеобразный
кашеобразный
чешуеобразный
сердцеобразный
яйцообразный
солнцеобразный
чашеобразный
тумбообразный
статуеподобный
порошкообразный
газообразный
стеклообразный
кристаллообразный
пастообразный
мохообразный
собакообразный
ракообразный
улиткообразный
насекомообразный
человекообразный
зонтикообразный
тарелкообразный
лепёшкообразный
куполообразный
веретенообразный
снопообразный
фотогеничный
вулканогенный
двухвалентный
краснознаменный
многолетний

мазеобразный
бледнолицый
голубоглазый
черноглазый
белобокий
белоголовый
белоснежный
краснощёкий
желтокожий
синеокая
краснопёрый
краснокожий
краснозвёздный
черногривый
черноголовый
черноволосый
белогрудый
белотелый
беловолосый
белокаменный
краснофлотский
железнодорожный
жидкомолочный
кисломолочный
цельномолочный
крупноблочный
узкополосный
мелкорозничный
тяжелогрузый
круглогодичный
высокогорный
сухотравный
полнокровный
чистокровный
левобережный
слабонервный
рыбоконсервный
пустословный

желторотый
чернобровый
черноусый
синеглазый
многоногий
многоголосый
многорукий
многоземельный
многоквартирный
многоязычный
многопредметный
многоцветный
многослойный
многомилостивый
малолитражный
малолюдный
малокровный
малогабаритный
малодоходный
многодневный
кривоногий
длиннорогий
толстошей
криворожий
гладкокожий
короткошей
фабрично-заводской
капельно-жидкий
оранжево-красный
профессорско-
преподавательский
красновато-лиловый
рабоче-крестьянский
военно-морской
сине-зелёный
дорожно-строительный
черно-серебристый
научно-технический

каменноугольный
внешнеполитический
стародедовский
добрососедский
сладконапевный
водоливный
поломойный
китобойный
нефтеналивной
желчегонный
гостеприимный
землеустроительный
шапкозакидательный
хлебопашеский
любопытный
теневыносливый
скороспелый
высокорослый
хлопкосеющий
вперёдсмотрящий
многообещающий
скоропортящийся
слаборазвитый
вечнозелёный
трудновыполнимый
остродефицитный
вечномерзлый
нововведённый
новоприбывший
новобрачный

новорождённый
свежеиспечённый
свежепросольный
потусторонний
сногшибательный
никчемушный
всамделишный

приёмно-передающий	исчерна–белый
поисково-спасательный	тугокрылый
счётно-решающий	мокрогубый
сушильно-очистительный	стрелоподобный (взгляд)
окологлоточный	пустоглазый
околосердечный	белокурая (волна)
околоземной	стеклянно-серый
околоушный	любовиобильный
зеленогорбый (зуб)	златоглавый
широкогрудый	словоохотливый
широкоплечий	бело-круглолицый
огнедышащий (закат)	крутолобенький
чистоплотный	триаршинный
крово-оскорбляющая (ирония)	вековечный
винно-красный	стально-киевский
чернорукий (лес)	хитромудрый
бледно-неверное (море)	знойно-эмалевое
водянисто-жиденский	чужестранный
небесно-поэтический	спокойно-злобный
чарующе-гнусавая (музыка)	капризно-гибкий
свадебно-ликующий	народно-хитрецкий
стыдливо-робкие	толстобрюхий
свободно-голубой (простор)	печально-весёлая
смолисто-чёрный	свадебно-ликующий
свинцово-сизый	стыдливо-робкий
хрустально-светлый	крутобокое (облако)
снежно-белый	дурнопьянный
победно-золотой	огнекрылатый
младенчески-живой	кирпично-красный
нетленно-белый	белокаменный
пустопорожный	голотелый
деревянно-назидательный	мучительно-сладкий
осмотрительно-охлаждённый	

3. Простые прилагательные, использованные при сопоставительном анализе

каменистый
росистый
голосистый
болотистый
бугристый
ветвистый
глинистый
гористый
душистый
жилистый
землистый
зернистый
лесистый
мозолистый
мясистый
плечистый
дубиноватый

мешковатый
крючковатый
клочковатый
сернистый
водянистый
кровянистый
маслянистый
травянистый
мучнистый
пятнистый
речистый
тенистый
ухабистый
мужиковатый
вороватый
плутоватый

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	8
1.1. К истории изучения словообразования в аварском языке.....	8
1.2. Теоретические основы исследования в аспекте сопоставительного изучения словообразования в аварском и русском языках	21
ГЛАВА II. СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АВАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	37
ГЛАВА III. СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АВАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	91
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	124
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	139
СЛОВАРИ	150
ПРИЛОЖЕНИЕ	151

Научное издание

Даниял Магомедович Магомедов, Магомед Ибрагимович Магомедов,
Патимат Багавдиновна Шахбанова

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОЖНЫХ ИМЁН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В АВАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Формат 60x84 1/16. Бумага офсет 1. Печать ризографная. Гарнитура Таймс.
Усл.п.л. 11,4. Заказ № 139-24. Тир. 300 экз. Отпеч. в тип. ИП Тагиева Р.Х.
г.Махачкала, ул. Батырая, 149. Тел.: 8 928 048 10 45

“ФОРМАТ”